

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

01/2016

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в **«Реферативный журнал»** и в **базы данных
ВИНИТИ РАН**, в библиографические базы данных научных
публикаций: **РИНЦ, Scopus, Web of Science (ISI)**.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«Ulrich's Periodicals Directory».

Москва
Гуманитарий

Международный редакционный совет:

Бараш Дж.Э., д.филос., проф. Ун-та Пикардии им Ж. Верна (Франция); **Брес И.**, проф. гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция); **Дальмайр Ф.Р.**, д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Кастийо М.**, д.филос., проф. Ун-та Париж-Кретей (Франция); **Попович М.В.**, д.филос.н., проф., директор ИФ НАН Украины; **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания).

Редакционная коллегия:

Автономова Н.С., д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филос.н., проф. МГУ **Апресян Р.Г.**, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. АПН, вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, д.филос.н., декан филос. фак-та РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, директор ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д. культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ–ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, чл.-кор. РАН, директор ИПП РАН; **Комиссарова Л.Б.**, к.филос.н.; **Миронов В.В.**, чл.-кор. РАН, декан филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Д.В.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Павлов А.Т.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Пангин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.** ак. РАН, директор ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., зав. кафедрой НИУ–ВШЭ; **Пружинина А.А.**, к.филос.н.; **Розин В.М.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, президент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филос.н., заслуж.н.с. филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, чл.-кор. РАО, 1-й зам.пред. комитета ГД ФС РФ по образованию; **Степаняни М.Т.**, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Степин В.С.**, ак. РАН, президент РФО; **Толстых В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Тулчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ–ВШЭ (СПб); **Турбовский Я.С.**, д.пед.н., зав. лабораторией философии образования ИТИП РАО; **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, гл.н.с. ИФ РАН, д.филос.н.; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Редактор отдела культурологии и религиоведения Дуркин Р.А.
Редактор международного отдела Чикин А.А.
Литературный редактор Феоктистова Т.А.
Научный редактор Липский Е.Б.
Ответственный редактор Комиссарова Л.Б.
Ответственный секретарь Пружинина А.А.
Верстка: Мозоль Д.И.
E-mail: academyRH@list.ru
<http://www.phisci.ru>
Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF
EDUCATION AND SCIENCE OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

RJPS

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES

01/2016

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), in the bibliographic databases:
Russian Science Citation Index, Scopus, Web of Science (ISI).

The information about the journal is published annually in the international information system on serial publications *Ulrich's Periodicals Directory*.

Moscow
Humanist Publishing House

ISSN 0235-1188

© Философские науки, 2016
© Академия гуманитарных исследований, 2016
© Издательский дом «Гуманитарий», 2015

International Editorial Council:

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof., em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Castillo M.**, Dr., Prof., Paris-Est Créteil University (France); **Dallmayr F.R.**, PhD, Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame; **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, PhD, S.C. Dobbs Prof., at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Popovych M.V.**, D.Sc., Prof., Director of the Skovoroda Institute of Philosophy at the National Academy of Sciences of Ukraine; **Stolzenberg J.**, Dr., Prof., em., Martin Luther University of Halle-Wittenburg (Germany); **Tihanov G.**, PhD, George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London(UK).

Editorial Board:

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.** D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.** D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Davydov A.P.** D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.** D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, PhD; **Gubin V.D.**, D.Sc., Dean of the Faculty of Philosophy of the RAS; **Komissarova L.B.**, PhD; **Mikhaylov I.A.**, PhD, Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Mironov V.V.**, D.Sc., Dean of the Faculty of Philosophy of the MSU; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pavlov A.T.**, D.Sc., Prof., MSU; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Pruzhinina A.A.**, PhD; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, PhD, Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Stepin V.S.**, RAS Full Memb., President of the Russian Philosophical Society; **Tolstykh V.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Tulchinsky G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Head of the Laboratory for the Philosophy of Education at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAE; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Corr. Memb., Director of the Institute of Psychology of the RAS

Editorial Staff:

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.
International Department's Editor Chikin A.A.
Literary Editor Feoktistova T.A.
Science Editor Lipsky E.B.
Responsible Editor Komissarova L.B.
Executive Secretary Pruzhinina A.A.
Page Layout: Mozol D.I.
E-mail: academyRH@list.ru
<http://www.phisci.ru>
Editor-in-Chief Marinosuan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ**БУДУЩЕЕ РОССИИ:
СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ****Российское образование.
Действительность и
перспективы ■**

<i>Х.Э. МАРИНОСЯН</i>	Стратегия государственного развития и сфера образования	7
<i>О.Н. СМОЛИН</i>	Методология разработки и система российского образовательного законодательства: проблемы и перспективы. Часть I	9
<i>Н.И. ГОРИН,
Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ
(Санкт-Петербург)</i>	Перезревшая необходимость реформы высшей школы, или почему бизнес должен прийти в университеты. Часть I	21

ФИЛОСОФСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

<i>ОТ РЕДАКЦИИ</i>	Российское социальное пространство	39
Социокультурный мониторинг ■		
<i>Л.А. БЕЛЯЕВА</i>	Социальное и культурное пространство регионов России	41
<i>Л.В. БАЕВА (Астрахань),
А.П. РОМАНОВА (Астрахань)</i>	Политическая и социально-культурная динамика народов Нижнего Поволжья и Прикаспия	44

**Символические
средства консолидации
регионального социума ■**

<i>М.О. КОМИН
(Санкт-Петербург)</i>	Территориальный брендинг как инструмент символического и социального конструирования пространства	45
<i>А.М. НОВОСЁЛОВ (Тотьма),
А.А. ЧЕРНЕГА
(Санкт-Петербург)</i>	Культурно-историческое наследие как инструмент консолидации населения: тотемский кейс	52
<i>И.Ю. ОКУНЕВ</i>	Столица и столичность: институт и символический капитал	69
<i>Р.В. ЕВСТИФЕЕВ (Владимир)</i>	Локальная идентичность: символическая политика и несимволические практики	77

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Зарубежная философия.

Современный взгляд ■

<i>О.А. ВЛАСОВА</i> (Санкт-Петербург)	Философия в движении: радикальный поворот Карла Ясперса	85
<i>А.А. ЧЕРНИЧКИНА</i>	Философия культуры Фридриха Шлегеля	97
<i>М.О. КЕДРОВА</i>	Критика Даном Шпербером мететического подхода к культуре	111

Опыт философского размышления ■

<i>А.Ю. ШЕЛКОВНИКОВ</i>	Философия йоги в интерпретации П.Д. Успенского	120
-------------------------	--	-----

Неизвестное прошлое ■

<i>С.Н. КОРСАКОВ</i>	Судьба философа: Максим Лазаревич Ширвиндт Часть II (Начало см. ФН-10/2015)	126
----------------------	--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению ■

<i>А.С. ЛАУРЕВ</i> (Санкт-Петербург)	Смысл искусства и бытия через призму философии истории. В.Г. Арсланов. Теория и история искусствознания / уч. пособие. В 5 т. – М.: Академический проект, 2015	139
---	---	-----

Рецензии, аннотации, отзывы ■

<i>Б.Н. НИКОЛАИЧЕВ</i>	Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: современный взгляд / под ред. В.А. Лекторского. – М.: РОС-СПЭН, 2014 * * * * *	148
------------------------	--	-----

Наши авторы

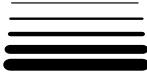
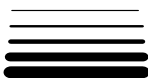
About the authors

Contents

		160
--	--	-----

**БУДУЩЕЕ РОССИИ:
СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО
ОСМЫСЛЕНИЯ**

**Российское образование.
Действительность и перспективы**

**СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
И СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ**

На протяжении всей истории одновременно с развитием человечества изменялось отношение людей к бытию в целом и как следствие менялись, порой кардинально, общественные потребности. Соответственно становились другими требования ко всем параметрам, характеризующим бытие в отдельности, а в своей совокупности в итоге определяющим качество жизни в представлениях данного периода истории.

Соответственно менялись требования к человеку, призванному сохранять достижения предыдущих поколений и одновременно созидать будущее для потомков. Адекватно новым требованиям обновлялась (модернизировалась) и система образования и воспитания в широком смысле слова – семейного, общественного, государственного, коллективного, индивидуального).

Таким образом, система образования всегда была той социальной институцией, посредством которой можно было формировать нужные типы людей (с конкретными профессиональными, моральными, физическими, духовными, нравственными, этическими, эстетическими и другими характеристиками) для поддержания достигнутого уровня жизни, ее дальнейшего воспроизводства, желательно расширенного, а также, по мере возможного прогнозирования будущего, последовательного повышения качества жизни на перспективу.

Однако в современной действительности ситуация резко изменилась. До сих пор служившая верой и правдой информационно-знаниевая парадигма образования более не может полностью удовлетворять требованиям стремительно развивающейся интеллектуализации всех сфер бытия, качественному и структурному усложнению (осложнению) жизненного пространства. Более того, уже не срабатывает один из основных принципов

образования — готовить кадры «на опережение» все возрастающих жизненных потребностей человечества. Социальные, культурные, политические проблемы, вызванные глобализационными процессами, системные кризисы в мировом масштабе, практически не поддающиеся прогнозам перспективы развития человечества в целом существенно осложняют общую ситуацию и, соответственно, задача подготовки профессиональных кадров, способных ответить вызовам времени, становится более трудной для реализации. Вместе с тем темпы изменения действительности и ожидаемых перспектив стали намного выше, нежели скорость подготовки кадров воспроизводства будущего (людей нового типа), которую может обеспечить система современного образования.

Кроме того, наблюдается несоответствие между политически обозначенным в России вектором государственного стратегического развития и механизмами осуществления этой стратегии в сфере образования, а именно — подготовки соответствующих кадров: с одной стороны государством провозглашается курс на высокоинтеллектуальные технологии и высокотехнологичные производства, с другой стороны, в реальности происходит упрощение, примитивизация образования, по крайней мере, видимой ее части — массового образования.

Возможно, мы, не располагая соответствующей информацией, не правильно интерпретируем ситуацию, недооцениваем правильность реализуемой государством образовательной политики? Ошибочно полагаем, что для осуществления прорыва в сферу высоких технологий, нейрофизиологии, наномедицины, всего комплекса НБИКС технологий, необходимы личности, обладающие широкой эрудицией, глубокими профессиональными знаниями и незаурядными творческими способностями?

Может быть, мы действительно заблуждаемся, провозглашая, что для успешного решения объявленных государством приоритетных стратегических задач, жизненно важных для страны, необходима адекватная обозначенным целям система образования, коренным образом отличающаяся от существующей, которая и будет способна обеспечить формирование таких личностей?

Но в таком случае тем более нужен основательный разговор, к которому и призываем, о состоянии и перспективах отечественного образования как государственно-общественной сферы, от которой напрямую зависит будущее нашей страны — будущее грядущих поколений россиян.

Х.Э. МАРИНОСЯН,

*Шеф редактор журнала «Философские науки»,
Президент Академии гуманитарных исследований*

МЕТОДОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ И СИСТЕМА РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ* Часть I

О.Н. СМОЛИН

На протяжении 25 лет теоретической и практической работы над проблемой, вынесенной в заголовок настоящего доклада, автору многократно приходилось убеждаться в справедливости тезиса К. Маркса (прежде большинством восхваляемого, но не всегда понимаемого, а ныне большинством критикуемого, но еще менее понимаемого): право не может быть выше, чем экономический строй и основанное на нем культурное развитие общества¹. В переходные эпохи справедливость этого тезиса становится еще более очевидной.

1. Образовательная политика и образовательное законодательство: внешние детерминанты

В постсоветской России образовательная политика и законодательный процесс в данной области определялись не столько задачами и внутренней логикой собственного развития, сколько внешними факторами. Главными среди них, на взгляд автора, являются²:

1) характер и содержание социально-политического процесса. — Формировали, главным образом, общее направление курса образовательной политики, ее идеологию и отношение к прежней (советской) системе образования;

2) экономическая ситуация, в том числе динамика, глубина и длительность социально-экономических кризисов. — Определяли преимущественно его (образования) финансовое состояние, изменения в материально-техническом обеспечении, кадровом потенциале и т.п.;

3) тип политической системы вообще, характер политических режимов, уровень развития демократии, соотношение полномочий различных ветвей власти — в особенности. — Устанавливали, прежде всего, роль и пределы возможностей законодательного регулирования, а также степень и каналы воздействия общественного мнения и общественных настроений на образовательную политику.

О периодизации постсоветской истории России

Существенное значение для понимания современной образовательной политики имеет разработанная автором периодизация постсоветской истории России. Вот ее главные составляющие³.

* В основе статьи доклад члена-корреспондента РАО О.Н. Смолина на заседании Отделения профессионального образования РАО. 10 июня 2015 г.

1. Реформистский период (апрель 1985 г.—август 1991 г.) характеризуется бессистемными попытками реформирования «государственно-бюрократического социализма».

2. Революционный период (август 1991 г.—август 1996 г.). В эти годы называемые в официальной печати и популярной литературе периодом «радикальных реформ» в действительности происходила революционная ломка системы государственно-бюрократического социализма и замена её системой государственно-бюрократического капитализма.

3. Постреволюционный период (август 1996 г.—декабрь 1999 г.) можно охарактеризовать как время завершения в основном социальной революции посредством политического и экономического реформирования системы, сформировавшейся в течение предыдущего периода.

4. Период стабилизации и реформирования постреволюционного политического режима (январь 2000 г.—март 2014 г.):

- формирование квазилиберальной экономической модели, которая по имени ее создателя получила наименование «кудриномики»;
- усиление зависимости российской экономики от экспорта сырья;
- относительное повышение уровня жизни населения;
- нарастание авторитарных тенденций в политике.
- Период охватывает ряд этапов, не меняющих его основного содержания.

5. Период поворота к курсу самостоятельной внешней политики (март 2014 г. — по настоящее время): референдум в Крыму и воссоединение Крыма с Россией; санкции Запада и контрсанкции России; с апреля 2014 г. — начало гражданской войны на юго-востоке Украины. На первом этапе — углубление экономического кризиса. Дальнейшее нарастание авторитарных тенденций.

Как будет показано ниже, периодизация политического процесса в целом является основой для определения основных периодов и в истории образовательной политики постсоветской России. При этом многие проблемы современной образовательной политики и образовательного законодательства корнями уходят в политический процесс 1990-х гг. и особенно в его революционный период.

Российская революция 1990-х и множественные катастрофы

Согласно разработанному автором политико-ситуационному подходу, любая социально-политическая революция в качестве исторической ситуации обладает определённым набором признаков и может рассматриваться как:

- бифуркация;
- катастрофа (или серия множественных катастроф);
- радикальное отрицание;
- всеобщий конфликт;
- аномия;

- «праздник» (в культурологическом смысле);
- фактор глобальной мифологизации массового сознания;
- процесс смены политических элит;
- трансформация политического режима революционной демократии в режим революционного (или постреволюционного) авторитаризма⁴.

Набор этих признаков характеризует в той или иной степени любую социально-политическую революцию Нового и Новейшего времени независимо от ее направленности — прогрессивной или консервативной.

Среди названных характеристик для исследуемой темы наибольшее значение имеет понимание революции как серии множественных катастроф. Об одной из таких катастроф — геополитической — в свое время говорил Президент России В. Путин, утверждая, что она была крупнейшей в мире в XX веке⁵. Некоторые политологи приписывают аналогичное высказывание еще Президенту США Джорджу Бушу-старшему в начале 1990-х. Не касаясь дискуссии о масштабах катастрофы (например, не сравнивая крушение СССР со Второй мировой войной), отметим, с одной стороны, очевидность самого факта катастрофы, а с другой — проявление аналогичных процессов во многих других сферах общественной жизни.

Вот перечень отечественных катастроф, произошедших в 1990-х и в значительной степени не преодоленных до настоящего времени⁶.

1. Катастрофа социально-экономическая: рекордный по глубине и продолжительности для мирного времени в мировой истории XX в. экономический кризис и «обвал» в ключевых отраслях производства.

По оценкам группы учёных во главе с В.А. Коптюгом⁷, в 1985—1995 гг. сельскохозяйственное производство в России упало в 3,6 раза, промышленное — в 5,3, в том числе в лёгкой промышленности и оборонном комплексе практически в 10 раз⁸. Хотя официальные данные, характеризующие спад производства, много ниже, неидеологизированные отечественные и зарубежные специалисты признают, что это абсолютный мировой рекорд, значительно превосходящий показатели «Великой депрессии» 1930-х гг. в США и Западной Европе.

В 1990-х гг. Россия сократила объём валового внутреннего продукта примерно с 1 трлн до 350 млрд долларов, тогда как Китай за тот же период увеличил ВВП примерно с 350 млрд до 1 трлн долларов.

По общему объёму ВВП СССР был второй державой мира, а по его производству на душу населения занимал 22—24 место, существенно отставая от наиболее развитых стран, но далеко опережая средне- и слаборазвитые. В результате революционной катастрофы, по данным Мирового банка, в 2000 г. бывшая сверхдержава, занимая 11,47% территории земной суши, создала лишь 1,63% мирового ВВП и опустилась по этому показателю на 23 место в мире, а по основным экономиче-

ским показателям на душу населения оказалась между уровнем средне- и слаборазвитых стран, в том числе на 25–30% ниже таких государств, как Алжир, Сирия, Тунис⁹.

Отметим: накануне кризиса 2008 г. А. Кудрин (в то время министр финансов) утверждал, что Российская Федерация по объему валового внутреннего продукта достигла РСФСР конца 1980-х гг., а экс-советник Президента А. Илларионов оценивал этот объем в 85% от советского уровня. Учитывая рекордное среди стран Большой двадцатки (G20) падение отечественного производства в 2008 – 2009 гг., а также резкое замедление восстановительных процессов уже в 2013 г., вопрос о том, достигнут ли в современной России объем ВВП РСФСР, остается открытым. Что же касается натуральных показателей производства, то курс на импортозамещение, а еще более – требование Союзом промышленников и предпринимателей новой индустриализации не оставляют сомнений в том, что эти показатели от советских весьма далеки.

Так, по оценке Президента Ассоциации сельскохозяйственного машиностроения К. Бабкина, в советский период страна выпускала около 200 тысяч тракторов, а в настоящее время – около 1 тысячи!

2. Катастрофа финансовая: многократное сокращение бюджета, лавинообразный рост внешнего долга, гиперинфляция в революционный период, вывоз капитала, на протяжении ряда лет сопоставимый с величиной федерального бюджета.

В конце 1990 гг. федеральный бюджет России, пересчитанный в доллары, стал меньше бюджета Греции или Финляндии, в 2 раза меньше бюджета Швеции, в 3,5 раза – бюджета Голландии.

При этом внешний долг страны вырос в 1990-х гг. приблизительно с 70 до 158 млрд долларов (зафиксированный в федеральном бюджете пик российского долга и мировой рекорд в абсолютных цифрах). Точными данными о его размерах не располагало даже Правительство РФ, во всяком случае, оно не смогло представить их Государственной Думе – расхождения в оценках составляли около 1,5 млрд долларов. В 1998 г. на обслуживание внешнего долга уходил каждый четвёртый рубль из федерального бюджета России, в 1999 г. – каждый третий рубль, а в 2000 г. – уже два из каждых пяти рублей. При этом в ряде отраслей народного хозяйства заработная плата не выплачивалась многими месяцами, а детские пособия и долги перед промышленностью по оборонному заказу – годами.

По признанию правительства, необходимость обслуживания внешнего долга не позволяла, по крайней мере, до 2006 г., существенно повысить уровень жизни населения. Ситуация существенно улучшилась лишь к окончанию второго срока полномочий Президента В. Путина.

Катастрофический характер приобрели в 1990-х гг. инфляционные процессы, сравнимые по уровню разве что с гиперинфляцией в Германии после I мировой войны. За это десятилетие цены на товары

выросли, а курс рубля по отношению к доллару, соответственно, упал более чем в 30 тысяч раз (с учётом деноминации рубля – не менее чем в 30 раз). В результате трудовые сбережения десятков миллионов людей (в основном ветеранов войны и труда), накопленные к началу 1990-х гг., были фактически экспропрированы новой экономической и политической элитой и превратились в прах.

3. Катастрофа социотехнологическая: опережающее падение уровня инвестиций, выбытие основных фондов и рост аварийности.

В отличие от других, эта катастрофа наиболее ярко проявилась в постреволюционный период и стала результатом, с одной стороны, экономического и финансового кризисов, а с другой – инвестиционной политики правящей элиты. На протяжении 1990-х гг. страна, не создавая почти ничего, лишь «проедала» и занималась переделом того, что было создано трудом предыдущих поколений. За некоторым исключением (банковский сектор, строительство офисных зданий фирмами-экспортерами природных ресурсов и т.п.) уровень инвестиций в 1990-х гг. упал не в несколько раз (как уровень производства в промышленности и сельском хозяйстве), но в десятки раз.

На рубеже XXI в. выбытие основных фондов в стране превышало их приращивание примерно в 5 раз. По оценкам Российского Союза товаропроизводителей, 68% всего промышленного оборудования в России было признано устаревшим. Доля же оборудования, эксплуатируемого до пяти лет, составляла менее 10% против 65% в США¹⁰.

Инвестиционная политика начала изменяться к лучшему лишь в 2006–2007 бюджетных годах, когда обрисованная выше картина стала ещё более мрачной.

4. Катастрофа социальная (в узком смысле слова): падение уровня жизни; обесценивание честного труда; рост социального неравенства; распространение бедности; массовая детская беспризорность; массовая безработица.

По расчётам названной выше группы соавторов В. Коптюга, в 1985–1995 гг. средняя заработная плата в стране упала более чем в 3 раза (со 199 до 62 рублей с учётом инфляции); средняя пенсия – в 2,5 раза (с 74,5 до примерно 30 рублей)¹¹. После нового кризиса 1998 г. показатели падения выросли, по меньшей мере, в 2–2,5 раза. Таким образом, к концу века средний уровень жизни упал в 4–5 раз, а у некоторых групп населения – в 7 раз и более.

Не случайно минимальная заработная плата во Франции – 1100 евро. Если в евро по курсу на 20 ноября 2013 г. перевести российскую минимальную заработную плату, получится 125, т.е. в 8,8 раз меньше. Понятно, что после обвала курса рубля ситуация еще более ухудшилась.

Если социальное расслоение в развитых странах Запада, с точки зрения соотношения высшего, среднего и низшего классов, обобщенно выглядит как 10%:60%:30% населения, то в России это соотношение

составляет 5–7%:15–20%:75–80%. Другими словами, на фоне всеобщих призывов представителей властвующей элиты воссоздать в стране средний класс фактически он был резко сокращён, едва ли не ликвидирован. Врачи, педагоги, инженеры, квалифицированные рабочие и другие слои, образующие основной массив среднего класса в индустриально развитых странах, а равно и в СССР (при более низком уровне жизни), в результате «реформ» по уровню доходов переместились в низший класс, а то и вообще оказались за чертой бедности.

Социальное неравенство в России, стремительно возникший разрыв между тонким слоем богатых и обнищавшим большинством населения выступает не как производная общего роста благосостояния (как, например, в Китае), но, напротив, как следствие распространения бедности. В среднесрочных программах Правительства РФ сокращение показателей неравенства доходов неизменно фигурирует в качестве одной из стратегических целей. Однако при подведении итогов реализации этих программ эксперты правительства практически ежегодно фиксируют рост соответствующих показателей.

По официальным данным так называемый децильный коэффициент (т.е. отношение доходов 10% самых богатых граждан к доходам 10% самых бедных) составляет в России, примерно как в США, 16 раз. По оценкам бывшего директора НИИ статистики Росстата В.М. Симчеры, в действительности этот показатель колеблется между 28 и 36 разами — на уровне развивающихся стран Азии и Африки. Более точно коэффициент определить невозможно, поскольку самые богатые в России свои доходы скрывают.

Однако гораздо важнее для понимания ситуации данные о состояниях наших супербогатых соотечественников. Так, по сообщению журнала «Форбс», в России 1% граждан владеют 71% всего национального богатства — более двух третей¹². На оставшиеся же 99% приходится менее одной трети. Ни одна страна «большой двадцатки» таких показателей не имеет.

Согласно расчетам швейцарского агентства Credit Suisse, в мире долларовые миллиардеры владеют 2% всего богатства планеты. В России же 110 таких супербогачей распоряжаются 37% всего национального богатства¹³. Хуже ситуация только в некоторых островных государствах Латинской Америки, куда миллиардеры переводят свои состояния для уменьшения налогов.

5. Катастрофа интеллектуальная.

6. Катастрофа духовно-нравственная. Обе эти катастрофы, наиболее значимые для понимания характера образовательной политики и соответствующего законодательства, будут рассмотрены ниже.

7. Катастрофа социально-демографическая: «русский крест». Эта катастрофа производна от других и, быть может, наиболее опасна.

Неблагоприятные демографические тенденции наблюдались в СССР с середины 1960 г. Во второй половине 1980 г. эти тенденции

явно изменились к лучшему, что связывается большинством экспертов с проводившейся в этот период антиалкогольной кампанией. Однако начиная с 1992 г. демографический кризис приобрёл катастрофический характер. В стране произошло резкое снижение рождаемости и одновременно — рост смертности, особенно среди мужчин в трудоспособном возрасте (так называемый «русский крест»). Несмотря на приток беженцев и переселенцев из бывших республик СССР, с 1992 по 1999 г. население России сократилось со 148,3 млн. до 145,5 млн., причём это явление было характерно почти для всех регионов.

По данным Росстата, численность населения в России на 1 января 2008 г. оценивалась уже в 142,0 млн. человек, на 1 января 2014 г. — 143,7; на 1 января 2015 г. (с учетом воссоединения с Крымом) — 146,3.

Согласно оптимистическому прогнозу Минэкономразвития, при сохранении современных тенденций к 2030 г. население России должно сократиться примерно на 5 млн человек; а согласно пессимистическому прогнозу — на 15 млн.

На взгляд автора, известные демографические инициативы Президента способны замедлить процесс депопуляции, но вряд ли смогут его остановить. При этом очевидно, что затяжной экономический кризис будет еще более тормозить выход из демографической катастрофы.

8. Катастрофа геополитическая: крушение СССР как сверхдержавы; потеря примерно трети территории и около половины населения страны; попытки формирования однополярного мира со стороны оставшейся сверхдержавы; перекрестные угрозы национальной безопасности России. Первые признаки воссоединения России с исторически принадлежавшими ей территориями намечались в 2014 г., однако ценою нарастания других составляющих геополитической катастрофы.

Катастрофы интеллектуальная и духовно-нравственная

В системе перечисленных выше процессов специального исследования, с точки зрения интересующего нас предмета, заслуживают катастрофы интеллектуальная и духовно-нравственная¹⁴.

На взгляд автора, можно выделить следующие признаки интеллектуальной катастрофы в современной России:

1. «Кризис чтения».
2. Падение численности и профессионализма «интеллектуалов».
3. Массовое закрытие учреждений образования, науки и культуры.
4. Разрушение научных школ, «утечка умов» и падение статуса отечественной науки в мире.
5. Падение образовательного уровня населения.
6. Угроза исчезновения интеллигенции как особой социокультурной группы.

Ввиду ограниченности объема статьи отметим специально лишь два первых признака.

Кризис чтения

Как известно, в досоветскую и советскую эпохи Россия была страной литературоцентричной, а Советский Союз — одной из самых читающих стран мира¹⁵.

Так, в 1970 — начале 1980-х гг. приблизительно 80–90% жителей городов и 70% жителей сел имели домашние библиотеки¹⁶.

По другим данным, считали обязательным иметь в доме книги, прежде всего сочинения классиков, почти 89% семей¹⁷.

Это отечественное достижение стало одной из первых в области культуры жертв «второй русской революции». В целом за первое постсоветское десятилетие выпуск художественной литературы в России сократился в 4 раза и в начале XXI в. составлял в среднем 3 книги на человека, тогда как во многих европейских странах — 10–12 книг.

Согласно опросу «Левада-центра», в 2008 г. показатели чтения книг в нашей стране были также в 3–4 раза ниже, чем в социальных государствах Европы. Не случайно, согласно данным, «озвученным» на съезде Российского книжного союза 28 сентября 2011 г., по числу книжных магазинов Россия достигла уровня 1913 г. Отнести эти данные целиком на счет вытеснения обычной книги электронной невозможно, поскольку процессы сокращения книжной торговли в социальных государствах Европы по масштабу несопоставимы.

В марте 2013 г. ВЦИОМ опубликовал новые данные под оптимистическим заголовком «Россияне опять стали много читать»¹⁸. Однако из текста следует, что «много» — это больше, чем в 2011 г., но существенно меньше, чем даже в начале 1990-х.

Падение численности «интеллектуалов»

В подтверждение этого тезиса, вполне очевидного и на обыденном уровне, приведем лишь некоторые факты.

По данным исследователей, число занятых в сфере НИОКР в России сократилось с 1900 тыс. в 1990 г. до 770 тыс. в 1999. По другим данным — с 1532,6 тыс. в 1992 г. до 870,9 в 2002¹⁹. В бывшей второй научной державе мира практически разрушена отраслевая наука и утрачены многие научные школы. Ввиду крайне продолжительного цикла воспроизводства восстанавливать их придется не годами — десятилетиями.

По официальным данным, за 2000–2012 учебные годы число школьников в России сократилось с 20554 тыс. до 13738 тыс. человек (т.е. на 35%); число учителей — с 1767 тыс. до 1060 тыс. человек (т.е. на 41%). Особенно ярко эта тенденция проявилась во второй половине «нулевых» годов с введением подушевого финансирования в образовании.

Согласно утвержденному Распоряжением Правительства РФ № 2620-р от 30 декабря 2012 г. плану мероприятий («дорожной карте») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки», в ближайшее время тенденция сокращения численности «интеллектуалов» будет только нарастать.

Так, в 2012–2018 гг. ожидается увеличение общего числа школьников с 13362 тыс. человек до 14805 тыс. человек. Однако при этом увеличится число детей, приходящихся на одного школьного учителя, с 10,9 до 13. В итоге ожидается сокращение около 90 тыс. учителей.

Соответственно, при ожидаемом сокращении числа студентов вузов с 6,5 млн до 5 млн 150 тыс. и ожидаемом увеличении соотношения студентов на одного преподавателя с 9,4 до 12 прогнозируется сокращение числа последних на 44% при росте их нагрузки на 28%.

Прибавим к этому, что число школ в 1990 г. составляло 69,7 тыс., в 2000 г. — 68,1 тыс., а в 2015 г. — 44,1 тыс. Другими словами, в постсоветский период в стране было закрыто около 25 тысяч школ (не считая вечерних), причем только около 1 тысячи из них — в «лихие 90-е», а остальные — в благополучные 2000-е. И несмотря на призывы министра образования и науки Д. Ливанова остановить ликвидацию сельской школы, процесс продолжается.

Более того, он переносится в сферу высшего образования: согласно Концепции федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29 декабря 2014 г. №2765-р, в ближайшие пять лет предполагается подвергнуть ликвидации либо реорганизации 40% российских вузов и 80% филиалов.

В силу инерционности системы образования и других факторов, включая образовательное законодательство, интеллектуальная катастрофа началась позже других, а выход из нее — несколько раньше, чем, например, из духовно-нравственной катастрофы.

Говорить о том, что страна в настоящее время вышла из интеллектуальной катастрофы в целом, явно преждевременно. Более того, в образовательной политике в широком смысле этого слова преобладают, скорее, не просветительские, но контрпросветительские тенденции²⁰.

Духовно-нравственная катастрофа

Духовно-нравственная катастрофа по глубине и длительности значительно превзошла интеллектуальную. Назову лишь некоторые ее составляющие.

1. Криминализация общества.

В конце 1990-х гг. по уровню коррупции Россия вошла в число самых криминальных стран, заняв, согласно одному из международных опросов, 76-е место среди 85 государств. Согласно данным «Transparency international» по этому показателю среди 159 стран, в 2004 г. Россия занимала 90-е место рядом с Индией, Непалом и Танзанией. Однако в 2005 г. страна переместилась с 90-го на 126-е место рядом с такими странами, как Сьерра-Леоне, Нигер, Албания. По данным за 2014 г., место России в аналогичном списке оказалось 136-м²¹.

Не случайно в 1990-х одной из наиболее популярных стала книга известного режиссера, а ныне Председателя Комитета Государ-

ственной Думы по культуре С. Говорухина «Великая криминальная революция»²².

На протяжении всего десятилетия через электронные средства массовой информации бездуховность насаждалась «верхами», которые не только заполнили эфир воинствующей пошлостью, но открыто заявляли, что «деньги не пахнут», и сами подавали пример. Впервые о необходимости сохранения традиционных российских ценностей было заявлено лишь в 12-м по счёту послании Президента страны.

2. Наркотизация населения:

- по данным директора Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков В. Иванова, «озвученным» в эфире радио «Эхо Москвы» 10 ноября 2012 г., в России постоянно либо периодически употребляют наркотики около 8,5 млн человек;
- в последнее десятилетие средний возраст начала употребления наркотиков снизился с 18 до 14 лет. По данным Минобрнауки, более 5 млн детей и молодежи в возрасте 12–22 лет пробовали наркотики;
- соответственно, алкоголь подростки начали употреблять не с 16, а с 13 лет.

3. Эпидемии болезней, вызываемых антисоциальным поведением.

В частности, по данным руководителя Федерального центра по профилактике и борьбе со СПИДом В. Покровского, в 2012 г. в России было зарегистрировано более 700 тысяч носителей ВИЧ, а в 2015 г. — уже около 900 тысяч. Таким образом, распространение этого заболевания в России по темпам приближается к африканским странам²³.

4. Замещение в массовом сознании социальных и патриотических ценностей антисоциальными и антипатриотическими.

На протяжении большей части послесоветского периода Россия оставалась страной с низким уровнем патриотического сознания молодёжи. В начале «нулевых» годов под руководством экс-министра образования Е. Ткаченко было выполнено крупное исследование. Согласно опросу 42 тыс. учащихся техникумов, ПТУ и школ, примерно 31% детей не хотели бы родиться и жить в России и еще 21,5% затруднились с ответом на этот вопрос. Другими словами: более половины опрошенной молодёжи не были ориентированы на свою страну²⁴.

Примерно с середины первого десятилетия XXI в. в стране наметилось некоторое оживление национального самосознания молодёжи, однако по преимуществу в форме не цивилизованного патриотизма, но ксенофобии. Согласно социологическим опросам, лозунг «Россия — для русских» в той или иной форме поддерживают более половины населения страны. Очевидно: примитивный национализм является расплатой за недостаток настоящего патриотического воспитания.

Поскольку в Новое и Новейшее время базовой характеристикой любой социально-политической революции как исторической ситуа-

ции является аномия, т.е. радикальное разрушение прежней системы норм и ценностей, поскольку в частности моральная сфера общества поддается нормативно-правовому регулированию едва ли не менее всех других, духовно-нравственная катастрофа началась одной из первых и едва ли не опережала другие. Выход же из нее, как свидетельствуют данные социологии и статистики, происходит крайне медленно.

Повторю: содержание, характер и пределы возможностей отечественной образовательной политики и образовательного законодательства в постсоветский период невозможно понять вне социально-политического контекста, в рамках которого они разворачивались. Однако от контекста пора перейти к содержанию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — М.: Госиздат, 1961. Т. 19. С. 19.

² Подробнее см.: Смоллин О.Н. Образование. Революция, Закон. Проблема законодательного обеспечения российской государственной образовательной политики 90-х годов. Ч. I. Новейшая революция в России. Опыт политико-ситуационного анализа. — М.: ООО «ИПТК «Логос» ВОС», 1999. С. 3–7.

³ Подробнее см.: Смоллин О.Н. Политический процесс в современной России / учебное пособие. — М.: Проспект. 2004. С. 208–223.

⁴ Подробнее см.: Смоллин О.Н. образование. политика. закон: Федеральное законодательство как фактор образовательной политики в современной России. — М.: Культурная революция, 2010. С. 56–72.

⁵ ⁶ Подробнее см.: Смоллин О.Н. Образование. Политика. Закон: Федеральное законодательство как фактор образовательной политики в современной России. С. 78–96.

⁷ Президент Сибирского отделения Российской Академии наук, рано ушедший из жизни.

⁸ В.А. Контюг, В.М. Матросов, В.К. Левашов, Ю.Г. Демянко. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии. — Москва; Новосибирск: Изд. СО РАН, 1996. С.42–43.

⁹ Илларионов А. Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. 2000. № 1. С. 6.

¹⁰ Иноземцев В.Л. Технологический прогресс и социальная поляризация в XXI столетии // Полис. 2000. № 6. С. 36.

¹¹ Контюг В.А., Матросов В.М., Левашов В.К., Демянко Ю.Г. Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии. С. 42–43.

¹² Ratio economica: первая среди неравных // Ведомости. 2012. 6 ноября.

¹³ <http://www.rg.ru/2013/10/11/rassloenie.html>

¹⁴ Подробнее см.: Смоллин О.Н. Русь, куда ж несешься ты? (Некоторые социально-философские и политико-образовательные проблемы) // Философские науки. 2013. № 12. С. 5–19; 2014. № 1. С. 7–17; 2014. № 2. С. 7–22.

¹⁵ Официальное утверждение о самой читающей стране, скорее всего, является идеологическим преувеличением. Во всяком случае, данные, которые бы его безоговорочно подтверждали, автору не известны.

¹⁶ Сидорова Г.П. Советская массовая литература 1960–1980-х гг.: читательские предпочтения. Terra Humana. 2010. № 3. С. 65–69.

¹⁷ Стельмах В.Д. Книгу – в массы! Из российского опыта продвижения чтения. – URL: <http://mcbs.ru/files/File/stelmah.pdf>

¹⁸ <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=113646>

¹⁹ Сколько стоит Россия / под ред. И.А. Николаева. – М.: 2004. С. 220.

²⁰ Подробнее см.: Смолин О.Н. Русь, куда ж несешься ты? (Некоторые социально-философские и политико-образовательные проблемы) // Философские науки. 2014. № 2. С. 7–2.

²¹ <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatiia-korruptcii/indeks-vospriiatiia-korruptcii-2014-otcenska-rossii-upala-na-odin-ball>

²² Говорухин С.С. Великая криминальная революция (изд. 3-е). – М.: Эрго-Пресс, 1995.

²³ Русская служба BBC. 2012. 28 ноября. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/society/2012/11/121128_russia_hiv_statistics.shtml; Радио «Эхо Москвы». 2015. 21 января. – URL: <http://www.echo.msk.ru/sounds/1477566.html>

²⁴ Воспитательная работа в новых условиях (опыт учреждений профессионального образования). Науч.-метод. сборн. / авт.-сост. И.П. Смирнов, Е.В. Ткаченко. – М.: Изд. отдел НОУ ИСОМ, 2003. С. 26.

Окончание следует

ПЕРЕЗРЕВШАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ РЕФОРМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ, или почему бизнес должен придти в университеты* Часть I

Н.И. ГОРИН, Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Организации срочно требуется курьер
с высшим образованием.

Объявление в газете

Ситуация в современной российской системе образования проста до очевидности: пусть за образование платит тот, кому оно нужно. Если родители хотят дать своим детям приличное конкурентоспособное образование – пусть платят. Если им надо, чтобы их отпрыск отсиделся от армии, а дочка переждала до замужества в приличном обществе по приличному поводу – пусть платят. Если бизнесу нужны квалифицированные и компетентные работники и специалисты – пусть платит. Один из главных работодателей – государство – никак не может разобраться в собственных желаниях и эмоциях. С одной стороны, очевидно угрожающее цивилизационное отставание, требующее вложений в интеллектуальный потенциал и менеджмент знаний. С другой, – очевидно, что у отечественной экономики нет необходимости в таком количестве выпускников российских вузов. С третьей, – очевидное решение – введение системы бакалавриата – лишает нас одной из любимых форм публичного самовозбуждения с помощью мифа о лучшей в мире системе среднего и высшего образования.

При этом российская высшая школа, как и вся сфера образования – закрыта от общества, потеряла связь с «заказчиком» своей продукции – рынком труда, замкнулась сама на себя. Сосредоточившись на зарабатывании денег любыми способами, российское высшее образование все меньше соответствует времени, производству, технологиям, образу жизни. Этот нарыв без участия бизнеса, формирующего рынок труда, вскрыть невозможно. Бизнес-сообщество может и должно быть экспертом качества образования, а также активно участвовать в выработке перспектив его развития. Оно заинтересовано в этом по определению:

* Эту публикацию соавторы посвящают светлой памяти Андрея Афанасьевича Нещадина. В основе данной статьи лежит аналитический доклад, подготовленный авторами несколько лет назад в рамках проекта «Образование» НБФ «Экспертный институт» РСПП. Время только подтвердило актуальность доклада. Авторский коллектив благодарит за содействие руководителя департамента социальной политики РСПП Ф. Прокопова, Президента МГУПБ академика РАСХН И. Рогова и эксперта НБФ «Экспертный институт» канд. пед. наук А. Николаева.

так как нуждается в притоке грамотных и компетентных специалистов, без которых невозможно развитие.

Безусловно, в формировании системы профессионального образования, кроме работодателей и государства, должны активно участвовать также и родители и общественные организации. Поэтому площадка обсуждения образовательных реформ не может ограничиваться кабинетами Минобрнауки РФ. Чтобы увязать все более или менее заинтересованные в решении этого вопроса стороны необходимо сформировать «вертикаль социального заказа»: от государства и бизнеса — к вузам, от вузов — к средней школе, от средней школы — к школе начальной. Но это должен быть не исключительно чиновный заказ, как это уже было в Советском Союзе, а действующий экономический механизм, основанный на спросе и предложении, прогнозе развития экономики, и учитывающий инерционность системы подготовки специалистов.

Несвоевременные меры

Примета времени: высшее образование становится в России всеобщим, но при этом весьма «средним». Если анализировать объявления о вакансиях в газетах, то производству уже нужны секретари (извините, референты), администраторы (офис-менеджеры), продавцы (консультанты) и курьеры непременно с высшим образованием. Сегодня число мест в вузах превышает численность выпускников школ на 20–30%. В 2000 г. количество мест в государственных и негосударственных вузах страны превысило количество выпускников 11-х классов. По данным, официально озвученным в свое время Министром образования и науки РФ А. Фурсенко, сейчас в России насчитывается 32000 вузов и их филиалов. Это в 5 раз больше, чем было в советское время. В них учится в 2,5 раза больше студентов, чем в СССР.

С одной стороны, увеличение численности студентов — известный прием стерилизации избыточной рабочей силы среди молодежи. Например, им воспользовались в Америке после Второй мировой войны, когда возвращавшиеся с фронта мужчины обнаружили, что их рабочие места заняты женщинами. Этот прием был оправданно применен и в нашей стране в период после перестройки и развала СССР в 1991–1995 гг. Сегодня в европейских странах сроки образования увеличиваются до 16–18 лет (школа+университет) так как из-за высокой средней продолжительности жизни европейцы все дольше могут быть успешны на рынке труда, и рабочие места, требующие высшего образования, для молодежи не освобождаются. Но эта мера совершенно неоправдана в современной России. Сегодня на российском рынке труда скорее недостаток молодежи, чем ее избыток. В будущем бизнес, общество и государство должны будут жить в условиях дефицита населения и возрастающей ценности трудовых ресурсов: население в трудоспособном возрасте в 2002 г. составило 87 млн человек; по наиболее вероят-

ному варианту в 2025 г. составит около 70 млн, в 2050 г. — примерно 43 млн человек. Таким образом, каждый год объем трудовых ресурсов в России будет сокращаться примерно на 1 млн человек. Уже есть примеры, когда демографические проблемы и дефицит рабочих рук и квалифицированных кадров помешал осуществлению инвестиционных проектов в ряде российских регионов. Это означает, что люди, человеческий капитал становятся главным и дефицитным ресурсом страны, ее экономического роста.

С другой стороны, можно было бы только приветствовать предпринимательские шаги по оптимизации отечественной высшей школы, прополки из этой системы «университетов», фактически торгующих дипломами, профанирующих само образование и феномен Университета. Примеров тому масса... Однако борьба с этим злом зачастую ведется весьма и весьма странными методами. Качество образования подменяется чехардой в базовых и рабочих учебных планах. Научная работа и ее оценка сводится к набору формальных реквизитов, индексов и рейтингов — содержание научной деятельности не интересует никого и уже давно. «Норма эксплуатации» преподавателей повышается и повышается. Весьма настораживает тренд перевода профессорско-преподавательского состава на годичный контракт. Нагрузка планируется исходя не из объема учебных часов образовательных программ, а исходя из сокращения соотношения количества преподавателей на одного студента. При этом преподаватель должен не только проводить по 4–6 часов занятий ежедневно, но и писать «качественные «статьи» в «престижных журналах», регистрируемых в Scopus и WoS, иметь высокий индекс Хирша. Преподавание в современном российском университете становится весьма прекарным трудом — деятельностью уязвимой, социально малозащищенной. А в ситуации девальвации труда преподавателя, самого высшего образования, его профанации — вряд ли можно говорить о полноценной высшей школе.

Можно обнаружить и другие ниточки этого клубка проблем, потянув за любую из которых придется разматывать весь клубок. Не претендуя на полноту рассмотрения, попробуем все-таки проследить главный нерв проблемы — соответствие высшей школы рынку труда: именно это волнует абитуриентов и их родителей, выпускников, а в не меньшей мере и — работодателей.

Перекося на рынке труда

Негативная демографическая ситуация усугубляется еще и тем, что подготовка специалистов в большинстве вузов не отвечает потребностям экономики ни по качеству, ни по количеству. Повторим: одна из основных проблем среднего и высшего профессионального образования в России, — несоответствие выпускников требованиям работодателя — как по квалификации, так и по численности подготавливаемых

специалистов. Причем эта проблема не может быть решена в один момент. Российское образование становится все менее профессиональным и не выдерживает конкуренции с западным. Приглашение специалистов, имеющих западное образование, в российские компании приобретает массовый характер. Одновременно можно заметить, что зарубежные университеты конкурируют с российскими за наиболее способную молодежь, а подготовка российских абитуриентов за рубежом способствует в первую очередь утечке мозгов.

Основополагающий недостаток отечественной системы профессионального образования — ее негибкость, то, что она не отвечает и в нынешнем ее виде не способна отвечать наступившим изменениям в структуре экономики. Наблюдается странная ситуация: в результате некоторого роста производительности труда высвобождается избыток рабочей силы, но при этом парадоксальным образом по ряду специальностей существует ее острейший дефицит. Причин тому довольно много:

Прежде всего, это низкая заработная плата. В РФ она, по данным ФНРП, в 3 раза меньше зарубежной, где зарплата достигает 70% общей суммы издержек бизнеса.

Важную роль играют экономические, имущественные и психологические проблемы переезда в другие регионы, затрудняющие мобильность трудовых ресурсов.

Неразвитость рынка жилья: обеспечить переезд менеджера, юриста бизнес в состоянии, тогда как миграция работников массовых профессий существенно затруднена.

Многочисленные проблемы с привлечением иммигрантов. Проблемы эти во многом надуманны и обросли шовинистическими мифами. Достаточно сравнить довольно успешный опыт США, Швеции, Германии. В Канаде иммигрант получает гражданство через 3 года, тогда как в РФ сделать это сейчас весьма трудно.

Сложился очевидный перекоп: перепроизводство юристов, экономистов и менеджеров при практическом отсутствии станочников, наладчиков и других массовых профессий, что приводит к неоправданно завышенным зарплатам таким работникам.

В этой ситуации на первый план выходит создание гибкой и эффективной системы образования и профессиональной подготовки. Образование вместе со здравоохранением и наукой — ключ к экономическому росту. За последние десятилетия большинство Нобелевских премий по экономике получено именно за разработки, посвященные влиянию этих факторов на экономический рост. Если система образования гибко реагирует на рынок труда, то она сама, в свою очередь, способна влиять на рынок, количественный и качественный уровень экономического роста. Дальнейший экономический рост российской

экономики предполагает качественные изменения подготовки рабочей силы и специалистов.

Исторический и современный опыт показывает, что выход к цивилизационному фронтиру возможен в течение 15 лет — фактически, жизни одного поколения. Для этого делается ставка на освоение передовых практик (учить своих или привозить учителей), на науку и образование. И в течение 15 лет формируется новая элита, выводящая общество к новым горизонтам. Но для этого необходимы «длинные мысли» и «длинная воля», открывающие эти горизонты и пути к ним.

В настоящий момент в России не существует реально применимой программы реформирования профессионального образования. Основные реформы охватывают лишь некоторые части системы профессионального образования и не складываются в четкую модель. Некоторые из инициатив государственных органов по реформированию носят исключительно декларативный характер и не имеют под собой механизмов претворения этих проектов в жизнь.

К сегодняшнему дню устарела сама структура подготовки специалистов, нет прогноза потребности в кадрах. Отсутствует единое образовательное пространство. Не существует системы подтверждения квалификации. В настоящий момент ситуация становится критической как в связи с демографическим спадом, так и с постоянно разрушающейся системой профессионального образования.

Как и в далекие 80-е гг. XX в., проблемы пытаются решить методом накачки бюджетных капиталовложений по худшему советскому образцу ради вхождения в некие «рейтинги», правила составления которых постоянно меняются. Такое «пичканье» деньгами ради сомнительного «ресpekта» не решает, а в некоторой степени усугубляет имеющиеся проблемы. Вместе с тем действительно существенные задачи и решения остаются в стороне.

Что реформируем

Структура образовательных услуг должна быть ориентирована на потребности рынка труда. Причем не столько на текущие, сколько на перспективные потребности. Сегодня здесь сложились диспропорции: десятки тысяч специалистов гуманитарных и социально-экономических специальностей практически в каждом регионе оказываются невостребованными, в то же время ощущается примерно такой же дефицит специалистов технических и естественнонаучных специальностей. Ларчик открывается просто: себестоимость и, прежде всего, фондоемкость подготовки технических специалистов намного выше, чем гуманитариев. Поэтому региональные вузы и многочисленные филиалы центральных вузов в регионах предлагают не очень широкий набор специальностей гуманитарного и социально-экономического направления. Вторым важным фактором, обуславливающим такую

структуру предложения образовательных услуг, является планирование вузами числа учебных мест исходя из необходимости сохранения наличного контингента преподавателей.

Ситуация до степени «дежа вю» напоминает ту, через которую прошли бывшие государственные предприятия в 1989–1994 г. Сначала у работников было стойкое убеждение в том, что хозрасчет и переход на аренду с выкупом даст возможность зажить хорошо, поскольку до сих пор они производили востребованную продукцию, а государство всю прибыль у них забирало. После 1993 г., когда пришлось думать и о том, как продать, то, что производишь, и восполнить оборотные средства, от этой убежденности они вдруг перешли к требованиям по сути снова взять предприятие на полное государственное обеспечение. Сегодня вузы готовы выпускать любых специалистов, лишь бы за это платили. Технические вузы готовы выпускать и выпускают (точнее, вручают дипломы) по специальностям социолог, психолог, специалист по связям с общественностью, международной экономике и так далее. Представляется, что для обеспечения качественного образования большинство сквозных специальностей необходимо сосредоточить все-таки в профильных вузах.

Если в 1995 г. число «коммерческих» студентов в стране составляло всего 10% от общего числа, то уже в 2006 г. из 1200 тысяч студенческих мест для абитуриентов бюджетными были 528,6 тысяч мест. И число это возрастает. То есть сегодня основными заказчиками, реально оплачивающими образование, становятся сами учащиеся и их родители.

Как ни парадоксально, несмотря на то, что значительная часть абитуриентов платит за образование, что предполагает прагматические ориентации в выборе специальности, степень этого прагматизма остается весьма низкой. При наличии реального спроса на специалистов технического профиля (что в какой-то мере гарантирует трудоустройство), при, как правило, более низких ценах на образовательные услуги, контингент студентов технических направлений формируется из числа тех, кто не смог поступить на более уважаемые (по мнению СМИ и родителей) направления. То же самое можно сказать и о педагогических специальностях. Таким образом, как и во многих других случаях, рынок не способен сам по себе обеспечить баланс между спросом и подготовкой специалистов различных профессий.

Существует несколько возможностей *исправить* положение. *Первая* — это планирование деятельности вузов на основе регионального госзаказа на подготовку специалистов с учетом перспективных потребностей народного хозяйства и учреждений госсектора. Качество планирования легко проверить: уровень трудоустройства по специальности — вот тот важнейший показатель, на который можно и нужно ориентировать вузы. Если объем государственного финансирования вуза будет как-то завязан на этот показатель, то и механизм планирова-

ния будет исходить из более прагматичных критериев, чем сохранение рабочих мест преподавателей.

Второй механизм — профессиональная ориентация абитуриентов. И это касается в большей мере тех, кто обучается на платной основе, так как в отличие от «бюджетных студентов» они вправе за свои наличные выбрать любую специальность. Однако выбор этот должен быть осознанным, исходить как из возможностей трудоустройства, так и из знания собственных способностей. Нужно сказать, что уровень профессиональной ориентации студентов очень низок. Об этом говорят данные опроса 436 студентов первых курсов в Москве, Санкт-Петербурге и Кургане, проведенного авторами доклада.

Выбор вуза по данным опроса в большинстве случаев определяется наличием специальности, на которую так или иначе ориентирован студент (32%) и возможностью получить качественное образование (29%). Однако ориентация на профессию задается общественным престижем профессии (36%) и возможностью хорошо зарабатывать (37%). Ориентация на содержание труда самая низкая — около 6%. И это не удивительно, если основными источниками информации о профессии являются: родители, родственники, знакомые — 48%, СМИ — 12%, друзья — 8%, спецлитература — 10%, проспекты, буклеты — 5%, учителя, преподаватели 8%. Иначе говоря, доля абитуриентов, получивших информацию из квалифицированных источников не превышает четверти. Лишь 19% опрошенных отметили, что знакомы с характером и особенностями работы по избранной специальности, 58% указали на то, что знакомы с профессией лишь в общих чертах.

Студенты плохо представляют себе будущую профессию, а потому по мере конкретизации их представлений в процессе получения образования доля ориентированных работать по избранной специальности падает с 60% на первом курсе (!) до 30% на последних. Низкое качество профориентации уже с самого начала задает расхождение между профилем получаемого образования и содержанием будущей деятельности выпускника. В силу этого среднестатистический уровень профессиональной подготовки молодого специалиста даже при самом высоком качестве образования оказывается незначительным.

Иногородние студенты, обучающиеся в Москве, отметили одним из главных мотивов поступления в вуз возможность учиться в Москве, а в дальнейшем и получить после окончания вуза работу в Москве или Московской области. Причем, судя по опросу, в этом смысле Санкт-Петербург менее привлекателен.

Сегодня работа по профориентации если и ведется центрами по трудоустройству, то весьма формально, по крайней мере, без учета прогноза потребностей специалистов тех или иных специальностей. Реально более или менее приемлемое качество профориентации могут обеспечить лишь управления по труду, работая во взаимодействии с

учебными заведениями, предприятиями и учреждениями на основе перспективных планов развития регионов. Естественно, для этого им необходимо передать соответствующие функции, а также штатные и финансовые ресурсы.

Проблематика реформирования системы высшего образования, на наш взгляд, может быть сведена к ответу на следующие вопросы: **кого, чему, как и какими силами учить**. К числу основных проблем в этой сфере относятся:

1. *Несоответствие структуры подготавливаемых специалистов потребностям рынка труда.* Плохо, когда люди платят деньги за образование, а потом не могут найти работу по специальности, вдвойне плохо, когда за это платит государство, с тем чтобы заплатить еще раз за переподготовку специалиста в системе трудоустройства. Иначе говоря, необходимо знать — сколько и каких специалистов нам нужно. Исходя из этого, можно выстраивать финансирование государственных вузов и систему профориентации на государственном, региональном и отраслевом уровнях.

2. *Несоответствие большинства действующих образовательных стандартов требованиям работодателя.* Иначе говоря, нам необходимо определиться с тем, **кого и чему учить**

3. *Изменение информационно-технологической базы образования с учетом современных требований и потребностей студентов.* В частности, речь должна идти о более активном и продуктивном использовании электронных информационных ресурсов. Это одновременно может способствовать автоматическому отсеву той части преподавателей, которая по тем или иным причинам окажется не способной адаптироваться к новой информационной среде.

4. *Изменение структуры и уровня профессиональной и научной подготовки преподавателей.*

Образовательные стандарты

Популярная фраза «Забудьте чему вас учили ...» стала еще более актуальной. И не потому, что учили или учат плохо, а потому, что научили не тому, что реально востребовано работодателем. Излишняя идеологическая нагруженность высшего образования, характерная для эпохи развитого социализма, уступила место его полной дезориентации относительно того, что должен знать и уметь специалист той или иной профессии. Наиболее выпукло это проявляется в подготовке менеджеров. Менеджер рассматривается как универсальный специалист, способный управлять чем угодно. Поскольку объект его воздействия — человек, то программа нагружена в основном знаниями о человеке, в значительной мере экономическими знаниями, чуть-чуть правовой подготовки и менеджер готов. Такова, видимо, теоретическая схема, в соответствие с которой готовился соответствующий образовательный

стандарт. Вместе с тем реально работодателю нужен специалист совершенно другого качества: это, прежде всего, специалист в той области, в которой он будет руководить людьми.

Нет нужды доказывать, что для того, чтобы грамотно ставить задачи и контролировать их исполнение нужно хорошо знать ту работу, которую выполняют руководимые тобой люди. Между тем именно профессиональных знаний такого рода нынешние менеджеры и не получают. А потому они способны более или менее успешно работать разве что в сфере торговли и различных офисах при условии некоторой доподготовки. На этом примере хорошо видна общая закономерность — нынешние образовательные стандарты создавались теоретиками, не имеющими конкретных представлений о той реальности, в которой работают специалисты, исходя из принципа — чему можем научить, то и включим в стандарт. И так не только с менеджерами...

Только за прошедшие два десятка лет изменились реальные требования практически по всем специальностям. Но эти требования не нашли отражения в профессиональных стандартах, да и само это понятие для нас ново: существовавший ранее справочник должностей и профессий по своему содержанию (пока помолчим о его полноте) не соответствует тому, что можно назвать стандартом. А если нет профессионального стандарта, который бы четко указывал на требования к профессиональной подготовке специалиста, то что взять с образовательного стандарта с его выморочными «компетенциями»?

Сегодня часто раздаются предложения к представителям бизнеса, отраслевым объединениям предпринимателей самим взяться за подготовку профессиональных стандартов. И это в основе своей правильно, но абстрактно — для реализации этой идеи нужно как минимум иметь описание стандарта и соответствующие отраслевые структуры, которые могли бы грамотно выполнить эту работу при консультативной помощи экспертов-работодателей и их содействию в апробации разработанных документов. Работу эту должно все же инициировать, проводить и контролировать государство и начать с себя — с создания профессиональных стандартов в бюджетной сфере. А это в нашей стране более 40% занятых. Именно здесь нужны и более жесткие, соответствующие реальности образовательные стандарты, поскольку качество работы специалиста здесь обнаруживается не сразу, как в бизнесе, а часто спустя годы

Технологии обучения

Авторы этого материала получили высшее образование 30 с лишним лет назад, а технология обучения за это время практически не изменилась: лекции (хорошо, если не по бумажке и не в пределах стандартного учебника), семинары — вольный пересказ лекционного материала, практические занятия, экзамены или зачеты — тот же вольный пере-

сказ, но скопом за весь курс. Конечно, иногда бумажные плакаты и каракули на доске заменяют красивыми слайдами, профессиональными видеороликами, взятыми из Интернета – вот, собственно, и весь прогресс. И не случайно проведенный нами опрос показал, что около трети студентов первых курсов (по данным уже упоминавшегося опроса) регулярно пропускают лекции (и это самооценка!). Среди главных причин – «неинтересные лекции» (19%) и «не вижу необходимости слушать то, что можно прочесть в учебниках» – 7%. Лишь треть первокурсников стремятся активно проявить себя на семинарах и практических занятиях, около половины готовятся к занятиям, но не проявляют себя, оставшиеся достаточно часто приходят на занятия не готовясь.

Между тем общей мировой тенденцией в сфере образовательных технологий является усиление роли самостоятельной и творческой работы студентов. У нас это выражается в попытках увеличить долю практических занятий за счет некоторого сокращения лекционных часов. Реально же идет снижение уровня теоретической подготовки студентов без существенного роста их готовности практически решать хотя бы стандартные задачи. Ответ на вопрос, почему в Европе снижение лекционной нагрузки привело к росту качества образования, а у нас наоборот, – прост. Все дело в качестве информационной базы обучения. Предполагается, что в высвобожденное время студент самостоятельно найдет необходимые для практических занятий материалы в монографиях, журнальных статьях и статистических справочниках. Между тем картина ответов студентов первокурсников на вопрос «Как часто Вы используете для подготовки к занятиям следующие источники?» выглядит следующим образом:

Варианты ответа	Конспекты	Учебники	Монографии и спецлитературу	Научную периодику	Информацию из интернета
Практически никогда	5,0	18,8	40,6	62,6	27,8
Достаточно редко	13,3	36,9	33,5	26,8	17,2
Достаточно часто	34,2	33,9	17,7	5,7	33,7
Постоянно	47,0	9,4	5,3	2,1	19,5
Нет ответа	0,5	0,9	3,0	2,8	1,8

Таким образом, мы получаем следующую картину реальных приоритетов перечисленных источников информации: конспекты (81%), информация из интернета (53%), учебники (44%), монографии и спецлитература (23%) и научная периодика (8%).

Но материалы эти должны быть доступны студенту, быть в наличии в библиотеке вуза, в крайнем случае, в научной библиотеке города,

или обеспечены доступом к необходимым базам данных. Реально же комплектация фондов провинциальных библиотек сегодня не отвечает потребностям обучения. Об этом говорят ответы студентов на вопрос о доступности перечисленных источников информации. Рейтинг доступности выглядит следующим образом: Рекомендованные учебники (82%), методички, учебные пособия кафедр (62%), монографии и спецлитература (59%), научная периодика 53%, словари и справочники (29%). И это по самым низким критериям.

В этой схеме есть лишь две традиционные возможности: усиление финансирования библиотек и централизация их фондов. Однако и то и другое имеет свои естественные пределы и пределы эти невысоки, не способны качественно изменить ситуацию. Иначе говоря, мы полагаем, что в области внедрения новых технологий обучения дело не в косности преподавателей, не желающих внедрять тренинги и творческие конференции студентов, а в качестве информационной среды, ресурсы которой используют и студенты, и преподаватели.

В качестве альтернативы традиционным учебникам и методичкам могут выступить электронные информационные ресурсы. Наш опрос показал, что эти ресурсы в значительной мере уже активно используются студентами при подготовке к семинарам и практическим занятиям. Однако кто из преподавателей не ощутил как низко качество используемой студентами информации из интернета? И большинству студентов это тоже известно – к использованию подобной информации их подталкивает лишь узость качественной информационной базы Рунета. Большая часть доступных студентам сайтов, откуда они получают информацию, весьма не критична к размещаемым материалам. Можно, конечно, несколько повысить качество информации, давая студентам соответствующие адреса, но это лишь способ смягчить проблему, а не решить ее. Чтобы решить проблему, необходимы кардинальные шаги по созданию системы общедоступных электронных образовательных ресурсов в рунете. Такая система, на наш взгляд, должна включать в себя электронные версии:

- базовых учебников и учебных пособий по основным дисциплинам;
- монографий ведущих ученых по актуальным проблемам науки;
- академических журналов, выходящих в реальном времени;
- диссертаций (по рекомендации диссертационных советов)
- конспектов лекций по основным дисциплинам ведущих ученых;
- статистических справочников, выходящих в реальном времени;
- учебных медиаресурсов;
- методических материалов.

Решающее значение имеет доступность, своевременность и гарантированное качество информации. Однако для этого необходимо решить не только технические вопросы, но и правовые. Размещаемая информация должна иметь статус официальной реферируемой публикации

соответствующего уровня и защищенные авторские права. Подготовка материалов для образовательного сайта должна вестись на конкурсной основе и стимулироваться предоставлением грантов. Такая система должна иметь два уровня пользования: индивидуальный общедоступный и бесплатный; коллективный — прежде всего это библиотеки учебных заведений. Второй уровень должен быть платным — подписным, с возможностью использования соответствующих материалов только в пределах читальных залов без права их копирования и распространения. Авторы и издатели материалов размещенных на этом уровне должны получать авторское вознаграждение. Однако ресурсы этого уровня должны быть платными только на вполне определенное время для каждого вида изданий, после этого поступать в общедоступное индивидуальное использование.

Кроме роста качества информационного обеспечения такая система способствовала бы повышению ответственности авторов за качество учебных и информационных материалов и соревновательность за счет подсчета индексов обращений к соответствующим материалам.

В образовательном процессе также возникла проблема проведения лабораторных занятий по многим специальностям: работа на современных приборах требует многомесячной специальной подготовки и специальных знаний, поэтому допуск к самостоятельной работе на них студентов невозможен. Необходима выработка новых методов проведения лабораторных работ с применением новых исследовательских приборов. Также возникли многочисленные проблемы при проведении практики студентов, особенно если в отрасли нет крупных предприятий.

О преподавателях

Уже много писалось и говорилось о снижении уровня квалификации кадров вузов: кандидаты и доктора катастрофически стареют, а молодежь весьма неохотно идет на преподавательскую работу. «Доцентов с кандидатами» все чаще заменяют вчерашними выпускниками, ориентированными на поиск более перспективной работы, а не на закрепление в вузовской системе. Даже те из них, кто, в конце-концов, защищаются, достаточно часто находят местечко в бизнесе или госслужбе. Остаются те, кто по возрасту или иным причинам (включая полную неспособность заниматься практической деятельностью) не могут найти более доходную работу. Типичный преподаватель сегодня работает на полторы ставки в своем вузе плюс по «четвертушке» в нескольких других — чаще всего коммерческих вузах и в филиалах. Естественно, что времени на научную работу и повышение квалификации просто не остается. Оставшаяся часть счастличиков, работающих по грантам или совмещающих работу в вузе с квалифицированной работой в солидных компаниях, в провинции погоды не делает. Получается,

что специалистов готовят седые теоретики да зеленая молодежь, не имеющая ни педагогического опыта, ни научной квалификации, ни мало-мальского практического опыта.

Дефицит практического опыта в системе подготовки специалистов массовых профессий ощущается особенно остро. Практический опыт преподавателей старшего поколения, если человек не совмещает работу в вузе с квалифицированной работой в фирме или учреждении, оказывается устаревшим, не соответствующим сегодняшним реалиям. Молодежь же такого опыта чаще всего не имеет: закончив вуз, молодой специалист в лучшем случае проходит обучение в аспирантуре и возвращается в вуз. В худшем случае — занимает место ассистента сразу после окончания вуза. Практики же, за исключением руководителей на пенсии, весьма неохотно сотрудничают с вузами. Виной этому и низкая зарплата и низкий статус специалиста-практика со стороны в вузе. И этот порочный круг не может быть разорван в рамках сложившейся системы, где вуз работает сам по себе в отрыве от отраслевых НИИ и производственных структур отрасли. А создание собственной базы для проведения полноценных научно-технических разработок предполагает средства, которых у современных российских университетов просто нет.

Образование и болонский процесс

Как результат — высокие затраты на «дообразование» выпускников. Бизнес заявляет: работников надо учить с нуля, из вузов приходят выпускники, которых надо переучивать — лучше бы не учились вовсе. В России затраты на «доподготовку» нового сотрудника составляют 40% стоимости подготовки работника, тогда как за рубежом не превышают 15%. Можно сказать, что бизнес несет серьезные издержки от некачественного образования и профессиональной подготовки.

В российском начальном и среднем специальном образовании явно спутаны функции общей социализации и профессиональной подготовки. Некоторым довольно простым профессиям, например — обрубщика, в России готовят 3 года. Для сравнения — в КНР разным рабочим профессиям соответствуют и разные сроки обучения — вплоть до очень сжатых. Разумеется, образование не может регулироваться исключительно рынком труда, обслуживая исключительно сиюминутный заказ. Образование — социальный тренд, оно решает и общую задачу социализации новых поколений. Так, развитие современных технологий все больше требует именно высшего образования, которое является в современном мире элементарной «путевкой в жизнь», становясь базовым условием жизненного успеха и самореализации. Но это должно быть другое образование. Для такой базовой социализации достаточно образования на уровне бакалавриата. Диплом бакалавра должен стать свидетельством общей компетенции — той самой «путевкой в жизнь».

Но бизнесу бакалавры не нужны. Ему нужны специалисты высшей квалификации, которых можно готовить в вузах и корпоративных учебных заведениях, в том числе – по заказу гос- и бизнес-структур. Экономике и стране как воздух необходимо участие успешного бизнеса в образовательном процессе. Бизнес – аккумулятор основного интеллектуального капитала современного общества. Реальный бизнес и реальное производство, тем более – продвинутое, всегда на корпус, на пол-корпуса, но опережают систему образования и профессиональной подготовки. В учебных курсах, программах и учебниках обобщается и транслируется чей-то успешный реальный практический опыт – не более, но и не менее, поскольку тем самым этот опыт получает более широкое распространение.

В условиях жесткой конкуренции, быстрого изменения вкусов потребителей, внешней среды бизнеса, появления новых технологий, продуктов нельзя опираться на знания, которые были получены когда-то в вузе. Нужно продолжать учиться на протяжении всей своей профессиональной деятельности. И в этом плане сугубо академические программы учебных заведений оказываются не всегда полезными. Мировой опыт в этом плане довольно различен. В Японии предпочитают готовить специалистов на предприятии и в корпоративных учебных заведениях. В Германии бизнес предпочитает иметь дело с уже подготовленным специалистом. Но доучивают везде. На дообучение, а то и переучивание их выпускников уходит иногда до полутора лет. Поэтому нет ничего удивительного в том, что по всему миру компании создают специальные центры, где сосредоточены обучение персонала, управление знаниями, проведение исследовательских проектов.

Очевидно, Россию тоже ждет развитие корпоративных учебных заведений, включая как средние специальные, так и университеты. Возрождение и создание таких образовательных центров идет в последние годы довольно активно. Примером создания такого центра является корпоративный университет компании «Северсталь», получивший официальную регистрацию еще в 2001 г. Пожалуй, самым известным в России примером корпоративного вуза можно считать РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, отметивший недавно свой 75-летний юбилей. Сегодня в числе попечителей вуза числятся все крупнейшие компании, действующие в нефтегазовом секторе. Именно эти компании зачастую направляют своих работников на обучение в профильный университет и оплачивают их обучение. Кроме того, многие лекции читают непосредственно организаторы производства, представители компаний, на базе которых организуется производственная практика, а для выпускников проводятся ежегодные ярмарки вакансий.

Помимо непосредственного обучения сотрудников компании, такие учебные заведения решают еще две немаловажные задачи. Во-первых, они позволяют обобщить опыт и знания, накопленные корпорацией.

Во-вторых, сформировать единую корпоративную культуру предприятия и закрепить ее уникальную систему ценностей. В сохранении сложившейся еще в царской России и СССР системы отраслевых вузов заинтересованы и отраслевые министерства. Образование попечительских советов, вхождение в них представителей бизнеса и профессионального сообщества позволяют интегрировать ресурсы и сделать деятельность вуза прозрачной. В тотальной приватизации вузов нет никакой необходимости. Речь идет об упорядочении организационного и финансового влияния. Кстати, решение этой задачи во многом облегчает закон об автономных организациях.

Помимо традиционных учебных заведений все большей популярностью в последнее время стали пользоваться «виртуальные университеты». Речь идет о корпоративных системах электронного дистанционного обучения, которые активно начали формироваться в конце 1990-х гг. За рубежом к этому времени окончательно отказались от телевизионных и видео-лекций и откровенно неудобных электронных учебников с неудобным для работы текстом на экране компьютера. Современная система дополнительного образования представляет собой программную оболочку, которую размещают на сервере внутрикорпоративной сети или на сервере провайдера. В нее загружают сетевые курсы, доступ к которым открыт с любого рабочего места корпоративной сети или через окно браузера. Если, например, в США, свыше 62% предприятий с численностью свыше 1000 человек уже внедрили такие системы, то в России их используют лишь некоторые крупные компании. Проблема развития такого подхода, помимо прочего, связана с тем, что компаниям приходится каждый раз заказывать в вузах необходимые профильные программы, поскольку спектр предложений таких разработок пока еще невелик.

Рационально не участвовать в конкуренции зарплат, а выводить соответствующие социальные инвестиции в человеческий капитал. Следует четко отличать человеческий капитал от Human Resource (HR). Если HR – совокупность всех человеческих ресурсов, используемых бизнесом, то человеческий капитал – те, кто могут двигать производство, реализовывать инновации, кто реально способствует росту капитализации. И таких людей не сотни и тем более – не тысячи, а десятки, если не считанные единицы. И жалеть денег на поиск и подготовку, фактически – выращивание, таких людей нельзя. Поэтому в ряде крупных компаний ежегодно доплачивают студентам, поступившим в московские вузы на договорной основе, а также тем, кто проходит практику в компании. Существуют программы для молодых специалистов, по которой они (подав специальное заявление) в течение года учатся у ведущих специалистов, опытных ветеранов с последующей защитой разработанных самостоятельно проектов, и за прохождение подготовки по такой программе молодой специалист также получает стимулирующие доплаты.

На «Норникеле» стремятся всячески сократить сроки дообучения выпускников вузов: этот срок удалось снизить с 1,5 лет до 8 месяцев. Для этого используются ранняя вербовка, производственная практика студентов. Учитывая, что молодые люди, окончившие высшие или средние специальные учебные заведения сегодня фактически не имеют доступа к рабочим местам, разработаны совместно с органами службы занятости Норильска, Красноярского края, Мурманской области специальные программы «Рабочая смена» и «Стажеры», которые дают возможность молодым людям получать работу на предприятиях компании. На основе открытого конкурса создаются учебные места со специальными программами обучения и адаптации. За год прием по этой программе составляет около 450 работников, которые по уровню подготовки и желанию работать превосходят тех, кто привлекается в рамках свободного найма. Особое внимание уделяется перспективной молодежи, подготовке будущих «инноваторов», способных дать новые импульсы развитию производства.

Поэтому, на наш взгляд, совершенно логична массовая подготовка студентов в объеме бакалавриата, после чего происходит гораздо более осознанный выбор специальности. Далее бакалавр доучивается в течение 10–15 месяцев, если имеет призвание и возможности до получения звания специалиста или проходит подготовку в магистратуре для реализации себя в научной или учебной сфере. Причем финансирование обучения бакалавра до специалиста может быть комбинированным за счет госзаказа, средств предприятия, на котором будет работать выпускник, или за счет образовательного кредита. Для этого переход для продолжения образования от бакалавра до специалиста должен быть предусмотрен в новых образовательных стандартах.

Болонский процесс, по вопросу внедрения которого до сих пор еще ломаются копыя, на практике уже внедряется крупными корпорациями и они не видят сегодня особой разницы между бакалаврами и специалистами, которые выпускают наши вузы по качеству подготовки. Доучивать и переучивать за свой счет предприятиям приходится и тех и других.

Таким образом, в России уже складывается система первоначального высшего или продвинутого среднего специального образования, система подготовки специалистов для работы на конкретном производстве, магистратура для подготовки научных и учебных кадров и система МБА для подготовки среднего звена управления в бизнесе.

Пути изменений

Национальная программа по образованию предусматривает выделение дополнительных средств для развития 10–20 университетов, признанных ведущими в России. На это отпущены довольно крупные средства: иногда возможный грант превышает двухгодичный бюджет

вуза (правда, сопровождается большими целевыми ограничениями). На место ведущих могут претендовать весьма небольшое число университетов России, тогда как основную массу из более чем 600 государственных составляют отраслевые и региональные вузы, разные по численности студентов и качеству образования, которым похоже предлагается выживать (или исчезать) по законам естественного отбора.

Однако созданная в советские времена система высшего образования имела свою логику, свои плюсы и минусы. Отраслевые институты, в том числе региональные, являлись основой подготовки специалистов для всех отраслей, ориентируясь на потребности экономики региона и лишь затем – страны. Именно они в первую очередь определяли технический и технологический уровень отраслей советской экономики. Иначе говоря, система ориентировалась на приближение мест подготовки специалистов к местам их будущей работы. Пробелы в образовании («забудьте чему вас учили ...») восполнялись трех-четырехлетним периодом «дообразования» на производстве, по существу за государственный же счет. В каждой области был организован педагогический институт: для того, чтобы молодежь могла получать высшее образование на месте, а не для того, чтобы пополнять ряды учителей. Самой страшной угрозой для студентов-педагогов было: «кто плохо учится – пойдет работать в школу». При этом значительная часть педагогов по образованию пополняла ряды советской и партийной бюрократии, а также восполняла недостаток специалистов других специальностей. Основу этой оплачиваемой государством системы составляла капитальная теоретическая подготовка студентов и масса предметов «про запас», расширяющих кругозор студентов и позволяющих им развиваться дальше и встраиваться в экономику страны, в том числе, и не по полученной специальности. Например, экономисты изучали техническое черчение, а технологи получали солидный кусок фундаментальных знаний по философии и другим гуманитарным дисциплинам.

Настало время, в целях подгонки системы образования к современным, а главное и будущим требованиям экономики, рассортировать имеющиеся у нас государственные и негосударственные вузы и определить, что в наличии имеется весьма незначительное количество действительно конкурентноспособных университетов, небольшое количество ведущих высших отраслевых школ и остальные вузы, которые не попадают под эти определения и могут называться региональными, и каковые в первую очередь должны быть реформированы – не столько с учетом пресловутой «экономической эффективности», сколько с учетом ориентации на потребности региональной экономики. При этом государство может себе позволить финансировать подготовку в таких вузах только тех специалистов и в таких объемах, которые действительно востребованы в регионе.

Особое место занимают проблемы развития сети филиалов центральных вузов в регионах. В адрес филиалов сегодня звучит основная масса нареканий по качеству образования. В целом деятельность филиальной сети ведущих вузов имеет положительное значение, позволяя продвинуть наработанные образовательные технологии и их методическое обеспечение в провинцию. Взаимодействие с филиальной сетью способно оказать положительное влияние и на региональные вузы. Но здесь, по крайней мере, просматриваются две проблемы:

Филиалы, как правило, ориентируются на текущие запросы абитуриентов и их родителей, а не на потребности региона в подготовке кадров. При этом они оттягивают на себя значительную часть выпускников, которые могли бы обучаться по нужным региону специальностям. Отсюда часто негативная позиция региональных властей по отношению к деятельности филиалов.

В ряде случаев имеет место чисто формальный характер связей между центральными вузами и их филиалами. Некоторые центральные вузы имеют филиалы почти во всех субъектах России, при таком их количестве какой-либо контроль за качеством учебного процесса, его методическим и информационным обеспечением естественно теряется. Отсюда нарекания на низкий уровень учебной деятельности филиалов. Вероятно, необходимо ограничить количество филиалов у каждого отдельного вуза, каким бы авторитетом он ни пользовался, и установить определенные показатели, в соответствии с которыми филиал мог бы рассматриваться именно в этом статусе, а не в качестве самостоятельного учебного заведения, действующего под той или иной вывеской: например, обязательность стажировки определенного количества преподавателей в вузах-учредителях.

К разным по уровню вузам должны быть сформированы разные требования, исходя из реальных задач, которые они должны решать. Самые разнообразные рейтинги вузов заполнили все СМИ. Если раньше социологические исследования проводили любые организации, не имеющие ни квалификации, ни опыта, то сегодня это место заняло рейтингование всего и вся. Повальное увлечение рейтингами вузов, которыми занимаются разные организации, чаще всего не учитывают разницу в требованиях, стремясь изобрести «вечный двигатель» для оценки вузов. При этом часто упускается немаловажное значение того — для чего и для кого делается тот или иной рейтинг.

Окончание следует

РОССИЙСКОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Решение проблем социального и экономического развития современной России практически невозможно без консолидации общества, преодоления ситуации недоверия в обществе и экономике, когда государство не доверяет бизнесу и обществу, бизнес отвечает взаимностью государству и, в свою очередь, не доверяет обществу. Ну и общество отвечает им взаимностью. И если на федеральном уровне хотя бы политического консенсуса добиться за последнее время удалось, то на региональном уровне консолидация требует иного подхода — объединения усилий и ресурсов на конструктивной позитивной основе.

В этом плане, российские регионы представляют собой чрезвычайно богатый и благодарный материал для исследований. Речь идет о колоссальном разнообразии географических, экономических культурных и других условий, факторов, ресурсов, человеческого потенциала. И такие исследования не могут сводиться только к экономическому анализу. Как показывает реальность — и не только отечественная — именно социально-культурные обстоятельства требуют специального пристального внимания. Более того, уже накоплен определенный опыт не только аналитик, но и проектных разработок, попыток их реализации.

Редакция приступает к публикации таких разработок и результатов. Так, Л.А.Беляевой предложено обобщение подходов к изучению социального и культурного пространства российских регионов на основе исследований, ведущихся на протяжении ряда лет научными коллективами Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) ИФ РАН. Фактически, речь идет о презентации промежуточных итогов работы новой научной школы региональной компаративистики во главе с членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным.

В работе Л.В. Баевой и А.П. Романовой представлены проекты Гуманитарного института Астраханского государственного университета, реализуемые в рамках Лаборатории по исследованию политической и социально-культурной динамики народов Нижнего Поволжья и Прикаспия. Этот регион особенно интересен пересечением мировых религий и культур, являясь сложным комплексом этнических, конфессиональных, социокультурных проблем приграничного региона Юга России — Нижнего Поволжья.

Важную роль в консолидации регионального социума играют символические средства — не только культурно-историческое наследие, задающее предпосылки региональной идентичности, но и представ-

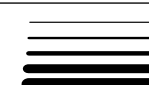
ления образа будущего региона, воплощающего общность интересов различных социальных сил. Между тем программы стратегического развития, разрабатываемые в последнее время, сводятся к количественным показателям, обезличенным индексам, затрудняющим общее понимание целей развития и не дающим этим целям образно-эмоциональной поддержки, без которой реальная консолидация невозможна.

Инструменты такой символизации достаточно разнообразны, они включают в себя представления о ландшафтно-климатической и исторической уникальности региона, замечательных людях и событиях его истории, предметах гордости жителей и тружеников, достижениях в науке, искусстве, спорте... На основе таких представлений формируются функциональные метафоры, брендинг региона.

В подборке предлагаемых материалов рассматривается уникальный опыт символического позиционирования ряда регионов. В работе М.О. Комина содержится концептуальное обоснование роли регионального брендинга в качестве основы общей социальной мифологии. Это часть работы победившей на конкурсе «Согласие» Правительства Санкт-Петербурга. Замечательный опыт консолидации социальных сил глубокой российской провинции (на примере Тотемского района Вологодской области) с опорой на славное культурно-историческое наследие и нетривиальные перспективы развития осмыслен в работе А.М. Новосёлова, А.А. Чернеги. Несомненный интерес представляет попытка И.Ю. Окунева осмыслить символический капитал различных видов «столичности», понимаемой как различные формы приоритетности региона. В данном контексте особенно важны и возможности самоорганизации местных сообществ, дающей иногда совершенно нетривиальные результаты, как это описано в материале, представленном Р.В. Евстифеевым.

При этом показательно, что практически все эти материалы подготовлены авторами, жителями соответствующих регионов, эта тематика составляет не только предмет научного интереса, но связана с контекстами реализации жизненных интересов авторов.

*Руководитель проекта
Залуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор
Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ*

СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНОВ РОССИИ

Л.А. БЕЛЯЕВА

Более 10-ти лет назад в Центре изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН возникла идея проекта, посвященного сравнительному изучению регионов России. Автором и вдохновенным руководителем реализации этой идеи многие годы является член-корреспондент РАН Н.И. Лапин, возглавляющий ЦИСИ. За прошедшие годы абсолютно добровольно, на основе научного интереса к проблеме, поверх институциональных, территориальных, дисциплинарных границ и барьеров сложился межрегиональный коллектив исследователей, работающих в ведущих региональных вузах и ряде научных институтов РАН. Сегодня более 250 ученых из почти 30 регионов страны включены в эту работу. Это социологи, философы, экономисты, социальные географы, историки, психологи, культурологи и т.д. География выполняемых проектов обширна: от Смоленска до Красноярска и от Карелии до Чечни. Многие проекты в регионах получили поддержку в виде грантов РГНФ, а их научно-методическую координацию осуществляет Научно-координационный совет «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» при Секции философии, психологии и социологии.

Что же было сделано за эти годы? Во-первых, получено более достоверное знание социокультурных проблем развития каждого из этих 30-ти регионов в сравнении с их соседями по федеральному округу, по территориальной локализации и со всей Россией в целом. Во-вторых, сформирована постоянно обновляемая информационная база, созданная независимыми исследователями, которая может быть использована для принятия управленческих решений и корректировки социально-экономической политики в регионах. Не все руководители в регионах готовы использовать ее в своей работе, но знакомятся с нею практически все, а многие сотрудничают с учеными, поддерживают эти исследования. В-третьих, участие в проекте ученых из региональных вузов и научных институтов дало импульс и мотивацию для углубления научной работы на кафедрах, в научных центрах, по вовлечению молодых ученых, преподавателей, аспирантов и студентов в исследовательскую работу. Накопление исследовательского материала позволило защитить по проблемам социокультурного развития регионов докторские, кандидатские диссертации, дипломные работы. Начиная с 2005 г. проводятся ежегодные всероссийские научно-практические конферен-

ции в разных регионах России, на которых обсуждаются и обобщаются результаты анализа социокультурных проблем развития регионов, новых методологических и методических вопросов, возникающих перед исследовательскими коллективами. Последняя – XI конференция была проведена в 2015 г. в Омске на базе Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. В ней приняли участие более 90 человек. В рамках Конференции был проведен круглый стол журнала «Философские науки», на котором выступил шеф-редактор журнала Х.Э. Мариносян, намечено дальнейшее сотрудничество участников проекта с редакцией журнала¹.

Возникла новая научная школа региональной компаративистики во главе с членом-корреспондентом РАН Н.И. Лапиным.

В самом начале жизни проекта он был задуман как такое исследование, которое позволяло отказаться от фрагментарности в изучении регионов и обеспечить их сопоставимость. С этой целью в ЦИСИ была разработана Типовая программа и методика составления социокультурного портрета региона, включающая официальные статистические данные по основным экономическим и социокультурным показателям его развития, а также результаты эмпирического социологического исследования – репрезентативного массового опроса в виде полуструктурированного интервью, экспертных оценок, фокус-групп и т.д. Типовая программа была модифицирована в 2010 и 2015 гг. с учетом опыта проведенных исследований и возникающих новых социальных проблем². Она согласована с инструментарием Всероссийского мониторинга, проводимого ЦИСИ с 1990 г., что позволяет сопоставлять региональные данные с общероссийскими. За 10 лет проведено около 70 социологических исследований в регионах (опрошены почти 80 тысяч респондентов и свыше 1500 экспертов в разных регионах страны). Результаты опубликованы в статьях, коллективных монографиях и сборниках, в числе которых обобщающая монография, опубликованная при поддержке РГНФ³.

Новый импульс изучению регионов дало использование инструментария Центра исследования модернизации Академии наук Китая, который был разработан для анализа уровня модернизированности стран мира, и включает в себя экономические, социальные и когнитивные показатели⁴. Применение этого инструментария позволило провести сравнительный анализ регионов России и показать, что неравномерность модернизации страны сохраняется, – наряду с регионами, вступившими в информационную стадию, существуют регионы, которые находятся на начальных уровнях индустриальной модернизации с элементами архаики. А большинство регионов сохраняют свое положение на первичной (индустриальной) стадии модернизации. Расположение регионов в континиуме модернизированности в сочетании с субъективными оценками населением качества жизни

и социального самочувствия, политического участия и социального доверия, демографических и многих других проблем регионального развития создает проблемное поле для исследователей. Этим проблемам была посвящена монография, опубликованная при финансовой поддержке РГНФ в 2013 г.⁵

В настоящее время работа по проекту продолжается. В нее включаются новые исследовательские коллективы. Краткие сведения о проведенных исследованиях в регионах и о публикациях участников проекта опубликованы в информационном сборнике⁶. Сегодня подготовлен «Атлас регионов России» – проблемно-аналитический коллективный труд, в котором модернизация России представлена как комплексный цивилизационный процесс в контексте всемирной модернизации и в то же время – дифференцированно по федеральным округам (макрорегионам) и субъектам (регионам) Российской Федерации. Авторы монографии пришли к выводу, что модернизация – это способ решения проблем и судьбы России как страны и цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статьи участников проекта опубликованы в журнале «Философские науки» в 2012 г. (№ 7) и в 2015 г. (№ 8). Для публикации в 2016 г. готовится очередная цикл статей.

² См.: Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. – М.: ИФ РАН, 2006; Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). – М.: ИФ РАН, 2010; Модификация – 2015. – http://iph.ras.ru/soc_cult_changes.htm

³ См.: Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / сост. и общая ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2009.

⁴ См.: Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / отв. ред. Хэ Чуаньци / отв. ред. русского издания чл.-корр. РАН Н.И. Лапин. – М.: Весь Мир, 2011.

⁵ См.: Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост. и общая ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2013.

⁶ См.: Социологические исследования и публикации участников программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» / отв. ред.-сост. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Канон+, 2014.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ
ДИНАМИКА НАРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
И ПРИКАСПИЯ**

В Астраханском государственном университете в рамках Гуманитарного института действует совместная с Институтом философии РАН Лаборатория по исследованию политической и социально-культурной динамики народов Нижнего Поволжья и Прикаспия. На базе Лаборатории ведутся исследования социокультурных проблем регионального развития, в том числе при поддержке федеральных и целевых программ:

Проект «Культурная безопасность в условиях гетеротопии» (РГНФ, Целевой конкурс проектов междисциплинарных исследований 2015 г. «Социокультурные аспекты национальной безопасности России») 2015–2017 гг. Руководитель – А.П. Романова.

Проект «Человек фронта: вызовы и риски межкультурных коммуникаций в условиях приграничных территорий». Руководитель – А.П. Романова.

Проект «Социокультурный анализ механизмов религиозной трансгрессии на территории Астраханской области как части прикаспийского фронта» по гранту президента для молодых ученых кандидатов наук. Руководитель – М.С. Топчиев.

Проект «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта». Руководитель – С.Н. Якушенков.

Проект № 15-03-00402: «Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации». Руководитель – А.П. Романова.

Проект «Виртуализация современной культуры и «жизненного мира» человека: социокультурный, аксиологический, антропологический анализ». Руководитель – Л.В. Баева.

Исследования, проводимые в Астраханском университете, связаны с изучением сложного комплекса этнических, конфессиональных, социокультурных проблем приграничного региона Юга России – Нижнего Поволжья, традиционно являющегося пересечением мировых религий и культур. В качестве методологии ученые применяют теорию фронтных исследований Ф.Дж. Тернера, метод гетеротопного анализа М. Фуко, идею культурной безопасности, которые позволяют рассмотреть регион как сложное поле межкультурного диалога в синхронном и диахронном аспектах. Поскольку фронтность пространства Юга России определяется постоянной межкультурной коммуникацией, отношение к Чужому как к субъекту этой коммуникации является решающим фактором формирования системы культурной безопасности.

**Символические средства
консолидации регионального
социума**

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ
СИМВОЛИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО
КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВА**

М.О. КОМИН

Одной из отличительных черт социальной коммуникации современности является наличие у индивида одновременно нескольких разделяемых им идентичностей. В один и тот же момент времени мы можем быть профессором политологии, отцом, мужем, русским по этнической принадлежности или даже русским «по духу» и т.д. Человек, выражаясь языком известного психолога У. Джеймса, теперь может существовать одновременно в «нескольких мирах»¹, в нескольких социальных реальностях, вступая в каждой из них в различные социальные коммуникации и используя, актуализируя для этого одну из имеющихся идентичностей. При этом такие идентичности носят конструируемый характер и могут изменяться, корректироваться, отмирать или наоборот «оживать» под воздействием определенных смысловых и символических конструкций.

Целенаправленная деятельность по формированию таких конструкций носит название символической политики², к которой для решения своих задач прибегают и различные уровни власти. Одной из таких задач на муниципальном или региональном уровнях может стать создание или укрепление среди населения привязанности к определенной территории по факту рождения или проживания на ней с целью консолидации жителей, повышения их удовлетворенности жизнью на данной территории, привлечения дополнительных внешних финансовых, культурных или человеческих ресурсов в регион. Для реализации этих целей власть или другие акторы (к примеру, бизнес, общественные организации) могут использовать технологию социального конструирования, «социальную мифологизацию пространства».

Однако в таком конструкте могут быть заинтересованы и сами жители территории. К примеру, по мнению отечественного социолога Л.Г. Ионина, в развитых странах мира нарастает эффект так называемого «протеста пространства»³ – ситуации, когда потребность человека в самоидентификации с конкретным местом, где он родился или проживает в данный момент, является ведущей и доминирует по значимости над всеми остальными возможностями конструирования идентичности. В таких условиях формируется внутренняя, объективная потребность в нахождении и использовании инструмента, способного максимально усилить привязанность человека к конкретному месту, территории.

На наш взгляд, одним из самых подходящих для этого конкретных инструментов символической политики может выступать территориальный брендинг, способный объединить усилия как власти и бизнеса, так и общественных организаций, отдельных активных жителей. В данном случае территориальный брендинг будет осваивать символическое пространство в качестве некоего «социального мифа»⁴ — нового для территории конструкта, однако основанного на растворенных в социальных группах представлениях, стереотипах, традициях и т.д.

Миф и социальное конструирование пространства

Теоретические основы социального конструирования реальности наиболее полно были описаны еще П. Бергером и Т. Лукманом, у которых социальный миф рассматривается, как вполне естественная часть повседневных символических практик. Авторы считают, что наибольшим эффектом по внедрению определенной групповой идентичности, привязанной к конкретному пространству, обладает именно форма мифа. Миф здесь выступает одним из способов построения «смыслового универсума», в результате которого пространство из физического, географического становится пространством социальным. Построение универсума начинается с хабиутализации устоявшихся практик, далее происходит анонимизация предыдущих символов, а затем фиксация их в качестве некоторых новых институтов, знаков или знаковых систем. Полученные символы затем наполняются новым смыслом и верой в эти смыслы.

Внутреннюю механику этого процесса описал Р. Барт. Поскольку социальный миф — всегда создается на основе уже существовавших ранее знаков и представлений, он сам является вторичной семиологической системой. Это его свойство позволяет трансформировать «означающее» в «означаемое» — т.е. пригодное к дальнейшему наполнению смыслом и интерпретации. Внешняя форма знака или символа остается той же, но его смысл, суть, теперь могут быть изменены. Этот процесс Барт называет «похищением и возвращением» слова, символа, объекта. При этом в восприятии у индивида остается иллюзия «доверия» к прошедшему через этот процесс символу, так как его внешняя формасохраняется, хотя внутреннее содержание может быть радикально деформировано. В результате миф подменяет символ, как ранее существовавший продукт логического анализа, на символ — как цепочку ассоциаций и представлений, сохранившихся в памяти индивида через временную констелляцию обстоятельств. К примеру, в результате мифологизации мы можем представлять себе некую «шотландскость» через своеобразное смещение звука волынки, запаха верескового меда и представлений о Дункане Макклауде.

Таким образом, посредством использования старых ассоциаций и сохранения внешней формы достигается эффект «очевидности» мифа — как неких положений, которые не требуют дальнейшей критической проверки. Из этого проистекает высокая «объяснительная сила» мифа,

способного представить нечто как само собой разумеющееся, определенное «в самой природе вещей»⁵.

Процесс конструирования мифа, таким образом, очень похож на описываемый И. Гофманом фрейминг. Фрейм так же, как и миф выступает в качестве коммуникативной рамки, которая сама накладывает определенные символичные ограничения (например, стигматизацию определенных смыслов), а также привносит новые смыслы в создаваемый фрейм взаимодействия. Все символы, «попадающие» в этот фрейм, обладают для коммуникантов большей «очевидностью», не требующей дополнительного критического осмысления.

Кроме того, такая мифологизация пространства, которая и превращает его из обычного физического объекта в социальный конструкт, не просто наделяет пространство новым смыслом, но и повышает его значительность⁶, выразительность (significance). Житель территории теперь не только знает о некоем факте из истории места, но и осознает его значительность для данной территории, и соответственно для него самого. Такая значительность способствует большей активности среди населения, их вовлеченности в процесс развития территории, создает чувство близости индивида и пространства, чувство сопричастности.

Подобные функции социальных мифов делают их востребованными инструментами не только при социальном конструировании пространства, но и в принципе для современной культуры. Сегодня мифы реализуют себя в рекламе, телевидении, фотографии, спорте, кино, внедряясь в эти элементы культуры, а также в сознание индивидов, через различные инструменты маркетинга и брендинга.

Мифодизайн территориального брендинга

Термины «Бренд» и «брендинг», понимаемые как способ продвижения некоторого товара или услуги на внешнем и внутреннем рынке, уже давно и широко используются в маркетинге и смежных с ним дисциплинах. Американская ассоциация маркетинга понимает брендинг как процесс конструирования и поддержания какого-либо бренда путем создания одновременно уникального и актуального для потребителя по содержанию и внешнему виду продукта на основе идентификации, интернализации и коммуникации ценностей бренда с покупателями. Часто бренд понимается, как имиджево-репутационная составляющая некоторого товара или услуги, добавляющая ему дополнительную ценность в глазах потребителей.

В отечественной науке широко распространено понимание бренда, как некоторого «обещания реализации желаемых переживаний»⁷ при этом для территориального бренда данные переживания будут выражены в виде некой идеальной айдентики, представления о себе самих в глазах внешнего мира, которое население данной территории разделяет, но достигнуть этого не может. Д. Визгалов определил брендинг мест как

процесс наращивания позитивной совокупности знаний и представлений об определенной территории у различных социальных групп.

Данные дефиниции напрямую **коррелируют с пониманием и функциями** социального мифа, описанного выше. Итоговый бренд так же, как и современный миф — это прямой аналог легенды, это «волшебная история о магическом артефакте, обладание которым открывает дверь в царство мечты»⁸. И бренд, и миф структурно имеют в себе 2 составляющие: образный (имиджевый) компонент и компонент нарративный. Благодаря этим свойствам качественный бренд обладает той самой «убедительностью», которая присуща социальному мифу и уже была описана нами выше. Бренд, брендинг — это конкретная техника мифологизации, а территориальный брендинг — инструмент социального конструирования пространства.

Эксперты по региональному и территориальному брендингу С. Зенкер и Е. Браун считают, что брендинг территории заключается в донесении особой информации не столько о физических характеристиках пространства (пейзаже, архитектуре и других конкретных физических объектах), сколько в наполнении этих физических объектов дополнительными смыслами, порождающими в сознании различных целевых групп схожие между собой ассоциации и связи. Такие ассоциации могут выполнять 3 основные функции⁹: создавать удовлетворенность от пребывания в этом месте, (satisfaction), закреплять у проживающего населения намерение остаться (intention to stay) и формировать условия для позитивного экономического поведения (positive economic behavior).

Данные эффекты и достигаются через тот самый процесс «сигнификации» — превращение физического пространства в социальное, посредством конструирования социального мифа.

Более того, территориальный брендинг, обладая большей нарративностью, позволяет придать мифу дополнительную хронологическую структуру. Бренд предлагает готовый продукт, опирающийся на ассоциации с прошлым, видение настоящего, и соответственно, запрограммированное будущее. Такой эффект «перспективы» добавляет мифу еще больше убедительности, поскольку смещает акценты с прошлого, на некие будущие последствия. Таким образом, из общего понимания прошлого вытекает и также разделяемый всем населением и актерами образ будущего. Восприятие прошлого как бы «программирует» естественность и неотвратимость конкретного, сконструированного будущего. При этом последнее — особенно важно, поскольку бренд обязательно должен носить имманентный характер, обещать реализацию желаемых переживаний при выполнении конкретного действия или конкретных действий. Бренд — это не просто апелляция к славному прошлому, культурно-историческому наследию, а намного большее: он должен выстраивать мост из прошлого в будущее, давая перспективу развития настоящего.

Кроме того, создаваемый в рамках определенной территории бренд, социальный миф может стать частью коллективной и исторической

памяти, которая подчеркивает преемственность прошлого, настоящего и будущего, проводя активную селекцию отбрасывая все негативное и сомнительное, мешающее сознанию общности. Историческая память трансформирует различия в сходства и конструирует идентичность за счет превращения всего в постоянно воспроизводимые и неразличимые стереотипы¹⁰. История, краеведение делят течение времени на отдельные периоды и события, маркирующие различия, без которых непредставим ход развития региона — история всегда некий внешний взгляд, отслеживающий развитие со стороны. Бренд как носитель коллективной исторической памяти, прежде всего — взгляд изнутри социума, что порождает совершенно специфическую перспективу осмысления: картину сходства, постоянства, когда любые изменения превращаются в сходства, уподобляются, а в самих различиях, изменениях ищется сходное содержание с основополагающими чертами самой группы.

Таким образом, территориальный брендинг как социальный миф позволяет реализовывать интеграционно-темпоральную функцию для данной территории, которая состоит в следующем:

- используя существующую идентичность, распространенные во внутренней аудитории стереотипы о территории, происходит конструирование общего концепта представлений о прошлом данной территории, его укоренение и развитие, а также приобщение большинства населения к этому концепту;
- используя инструменты территориального маркетинга, определяются и фиксируются текущие проблемы территории, запросы и требования жителей, вырабатывается общее представление о программе совместных действий по преодолению данных трудностей и реализации потенциала территории;
- используя выявленные символические основания, отличительные черты территории, распространенные в представлениях населения, осуществляется разработка позиционирования территории, видения модели ее развития в будущем, формирование конкретного образа будущего и шагов по его достижению.

Данное свойство демонстрирует высокую значимость, как минимум, равного соотношения в бренде компонентов «прошлое», «настоящее», «будущее». Сосредоточивать бренд исключительно на аллюзиях и отсылках к историческим событиям, нарративам или культурно-историческому ландшафту — значит не использовать, имеющийся в территориальном брендинге высокий потенциал дальнейшего развития региона. В таком случае, конечно, удастся повысить туристическую привлекательность территории, отчасти выполнить интегративную функцию, однако без формулирования в бренде «образа будущего» добиться более тесной интеграции всех акторов на данной территории, найти способы разрешения стратегических проблем региона не получится.

Российский региональный брендинг часто допускает подобные ошибки. Ранее малоизвестный, приходящий в упадок г. Мышкин, в результате успешного брендинга сегодня представляет собой один из самых привлекательных для туризма уголков Центральной России. Однако туристический потенциал уже фактически исчерпал себя. Городу и горожанам требуется осознанное видение себя «завтра», в данный момент отсутствующее. Город Тотьма, обладающий мощным историческим прошлым, культурным наследием, на которых и выстраивался брендинг, добился максимального эффекта от этого процесса только после интеграции в бренд нового образа Тотемской школы мореходов А.Ф. Конюхова, сегодня выступающей точкой развития региона. Подобные «образы», позиционирования найдены еще рядом российских городов и регионов, однако понимание брендинга исключительно как процесса разработки логотипа и неймизации, основываясь только на предшествовавших исторических событиях, довлеет сегодня в большинстве российских субъектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: James W. The Principles of Psychology (Volume 1 of 2). – Digireads. com Publishing, 2004.

² См., например: Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. – М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 114–188.

³ Ионин Л.Г. Новая магическая эпоха // Постмодерн: новая магическая эпоха / под ред. Л.Г. Ионина. 2002. С. 148–149.

⁴ См.: Тульчинский Г.Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. – СПб.: СПбГУ, 2013.

⁵ Лосев А.Ф. Диалектика мифа (Из ранних произведений). – М.: Правда, 1990. С. 396.

⁶ Bottici C. From imagination to the imaginary and beyond // The politics of imagination. – Routledge, 2011. P. 16.

⁷ См.: Ораев Д. Определение бренда из 4 слов // Рекламные идеи – Yes! 2005. № 4.

⁸ Тульчинский Г.Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. – СПб.: СПбГУ, 2013. С. 86.

⁹ См.: Zenker S., Beckmann S.C. My place is not your place – different place brand knowledge by different target groups // Journal of Place Management and Development. 2013. № 6. P. 6–17.

¹⁰ См.: Halbwachs M., Coser L.A. On collective memory. – Chicago: University of Chicago Press, 1992.

REFERENCES

Bottici C. From imagination to the imaginary and beyond. In: *The politics of imagination*. 2011, pp. 11-28.

James W. The Principles of Psychology (Volume 1 of 2). – Digireads. com Publishing, 2004.

Halbwachs M., Coser L.A. *On collective memory*. University of Chicago Press, 1992.

Ionin L. New magical era. In: *Postmodern: a new era of magic*. Coll. Articles. L.G Ionin (ed.). 2002 (in Russian).

Losev A. *Dialectics of myth (From the early works)*. Moscow, Pravda, 1990 (in Russian).

Malinova O. *Construction of meanings: A study of symbolic politics in modern Russia*. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences, 2013, pp. 114-188 (in Russian).

Oraev D. Definition brand of 4 words. In: *Advertising Ideas - Yes!* 2005. Vol 4 (in Russian).

Tulchinsky G. *Branding as a factor in of positioning and promotion of the region. PR and advertising in the place marketing*. Saint Petersburg, St. Petersburg State University, 2012. pp.138-159 (in Russian).

Tulchinsky G. *Total Branding: myth-design of postinformational society. Brands and their role in modern business and culture*. Saint Petersburg, St. Petersburg State University, 2013 (in Russian).

Zenker S., Beckmann S. My place is not your place – different place brand knowledge by different target groups. In: *Journal of Place Management and Development*. 2013. No 6, pp. 6-17.

Аннотация

В статье рассматривается один из аспектов современной символической политики – социальное конструирование пространства посредством его мифологизации. Автор доказывает, что, исходя из теоретических основ социального мифа и современных тенденций в общественных науках, бренд и брендинг выступают в качестве новой технологии «мифотворчества». При этом территориальный брендинг выступает как вид символического конструирования пространства, позволяющий за счет создания тесной связи между прошлым, настоящим и будущим территории, реализовать интеграционную функцию и функцию сохранения исторической коллективной памяти.

Ключевые слова: символическая политика, социальный миф, мифодизайн, территориальный брендинг.

Summary

The article is devoted to one of the aspects of the modern symbolic politics – to the social design of space by means of its mythologizing. The author proves that according to the theoretical basis of the social myth brand and branding embody a new technology of myth design. In addition, place branding represents a type of symbolic design of space, which provides integration and preservation of collective historic memory through the creation of close ties between the past, the present and the future.

Keywords: symbolic politics, social myth, myth design, place branding.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСОЛИДАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ: КЕЙС ТОТЬМЫ

А.М. НОВОСЁЛОВ, А.А. ЧЕРНЕГА

Теоретико-методологические и методические основания исследования

Методологическую основу данной статьи составляет деятельностно-структурный (интегративный) подход. Его суть состоит во взаимном влиянии и синкретичности таких, казалось бы, полярных категорий социальных наук, как структура и действие. Хотя сущность этого подхода были заложена еще в гегелевском законе двойного отрицания, научную разработку проблематика взаимосвязи социальной структуры и социального действия получила в работах П. Бурдьё¹, Э. Гидденса², П. Штомпки³, в отечественной науке – Т.И. Заславской⁴ и В.И. Ильина⁵. Концепция габитуса П. Бурдьё⁶ и теория структуриации Э. Гидденса⁷, хотя и по-разному, но наглядно проясняют методологическую новизну подхода.

Адаптация объяснительного потенциала интегративной методологии к почве туризма позволяет рассматривать данный феномен как совокупность массовых и устойчивых социальных практик, разворачивающихся по поводу социального конструирования туристических достопримечательностей и стимулирующих динамику разнообразных социальных потоков, направляемых в территории, где данный процесс находит свое развитие. Достопримечательность – основа туризма – приобретает свойства магнита для туристов не сама по себе, а в ходе практик ее социального конструирования. Устойчивость этих практик превращает достопримечательность из простого объекта, явления в узел коммуникации между различными субъектами и в статусный символ территории. Наконец, достопримечательность становится центрообразующим элементом социокультурного поля, понимаемого в традиции К. Левина⁸, раскрывающего логику силового воздействия на окружающее пространство. Эта логика может выражаться через разные формы социальной консолидации, практики взаимодействия между сообществами туристического центра, через функционирование пространственных прибылей локализации⁹. Конструирование, как социальная деятельность, таким образом, порождает новый структурообразующий элемент в виде достопримечательности, которая становится для людей, проживающих в месте ее локализации, отправной точкой получения капиталов, условием новых действий. Схожей позиции придерживается американский исследователь мобильности и туризма Дж. Урри в одном из своих классических трудов¹⁰.

Стоит различать достопримечательности как таковые и туристические достопримечательности. Достопримечательности присутствуют в разных сферах жизни. В сфере культуры существуют одни достопримечательности – особо чтимые культурные ценности (духовные и материальные); для религии характерны другие – особо ценные объекты поклонения, которые для людей, далеких от веры в Бога, не столь значимы; в сфере промышленного производства наличествуют третьи, например, автомобильные заводы, в работе которых применяются уникальные и инновационные технологии, что для большинства людей, не сведущих в этом, абсолютно безразлично. Туристическая же достопримечательность универсальна: в нее может быть превращена как достопримечательность из любой другой сферы, так и нечто, не обладающее ценностью для кого-либо. Храм как «намоленное» место для верующих может одновременно выступать достопримечательностью для туристов. Ничем не примечательный для геологов камень для туристов может стать источником паломничества.

Вместе с тем, в ходе конструирования туристических достопримечательностей может происходить переплетение ценностных континуумов. Одна из наиболее часто встречающихся технологий связана с взаимным переходом исторических репрезентаций в дискурсивное поле туризма¹¹. Историко-географический миф, отражающий сущность достопримечательности *N*, расположенной в точке *M* географического пространства, при реализации активной деятельности субъектов конструирования в таком случае составляет основу исторического бренда места. Опираясь на концепцию брендинга города, разработанную отечественным специалистом в области маркетинга и брендинга территорий Д.В. Визгаловым¹², заметим, что бренд места (города) располагается на пересечении между локальной (городской) идентичностью, системной, выраженной в определенных ценностях, образцах, правилах и имиджем места (города), формируемым извне. Соответственно, брендинг места не может происходить без учета роли местных сообществ, а исторический брендинг – без учета практик, осуществляемых ими в контексте символического конструирования локальных исторических репрезентаций.

В целом, социальное конструирование туристических достопримечательностей предполагает наличие субъектов, осуществляющих этот процесс, – своего рода стейкхолдеров, держателей различных ресурсов, важных с точки зрения развития туризма. Во-первых, к таковым субъектам относятся производители:

- государство и субъекты политической власти;
- прямые производители (музеи; владельцы частных достопримечательностей; туристические операторы, разрабатывающие туры; вовлекающиеся в туристическую деятельность «третьи» стороны, что особенно распространено в глубинке, например, библиотеки,

дома культуры, театральные труппы и т.д., формирующие содержательное наполнение туристической программы);

- туристические операторы, формирующие комплексный туристический продукт;
- СМИ;
- городские активисты;
- субъекты сопутствующего бизнеса;
- косвенные производители (например, авторы учебников, в которых рассказывается о достопримечательностях, режиссеры фильмов, снимаемых в достопримечательных местах и т.д.).

Во-вторых, это потребители, т.е. непосредственно туристы. Наконец, в-третьих, это так называемые посредники; к ним относятся широкие слои местного населения, которые, с одной стороны, не вовлечены напрямую в туристическую деятельность, однако, с другой, — являются незаменимым источником ее стимулирования. Особенно ярко это проявляется в контексте малых локальностей (в том числе малых городов).

Незаменимым условием эффективного конструирования туристической достопримечательности является устойчивость взаимодействий между субъектами, формирующими ее поле. И в этом отношении большую роль играют практики консолидации различных городских сообществ вокруг символического ядра достопримечательности, вокруг той идеи, которая в ней заложена. В рамках данной статьи мы попытаемся описать и проанализировать такие практики на примере малого исторического города Тотьма и с. Никольское Вологодской области при опоре на стратегию развернутого этнографического кейс-стади малого населенного пункта. Сбор эмпирического материала проводился авторами статьи в период 2013—2015 гг. Использовались методы качественной социологии:

- анализ документов: в нашем случае — это 22 качественно созданных текста (отзыва) туристов о поездках в данные населенные пункты за период 2013—2015 гг. (специальные туристические сайты и форумы, социальные сети, блоги), выбор которых осуществлялся по количественным (объем не менее 3000 знаков) и качественным критериям (сообщение носит характер рецензии, имеет логическую структуру, может дополняться фотоматериалами, отражает личное отношение автора к населенному пункту как туристическому центру);
- анализ дискурсивных практик местных жителей по поводу релевантных данному исследованию вопросов (идеи развития туризма, отношение к туристам, сплочение жителей в туристических и внутригородских проектах и т.д.) на базе городского блога в одной из социальных сетей в течение 2013—2015 гг.;
- слабоструктурированное включенное наблюдение городской и сельской повседневности (в том числе практик креативного

осмысления и реконструирования жизненного пространства), специализированных мероприятий для туристов (12 экскурсионных программ), общегородских мероприятий (6 мероприятий, в том числе флешмоб, туристические фестивали и т.д. в г. Тотьма);

- слабоструктурированные глубинные интервью с разными категориями информантов с точки зрения их вовлечения в поле достопримечательностей населенных пунктов: с городскими / сельскими активистами, краеведами, журналистами, субъектами власти, прямыми производителями, предпринимателями, туристами (всего 21 интервью);
- метод саморефлексии через вовлечение в организацию туристической деятельности (один из авторов в процессе кейс-стади (с 2014 г.) получил должность директора местного музейного объединения; второй отрывочно вовлекался в профессиональную деятельность в данной организации).

Тотьма и Никольское: историко-туристический экскурс

Тотьма — город, располагающийся в северо-восточной части Вологодской области (чуть более 200 км от Вологды) на реке Сухона. Численность населения Тотьмы составляет чуть менее 10 тыс. чел.

Датой основания Тотьмы принято считать 1137 г. Поселение входит в группу 41 особо ценного исторического города России, сохранивших как планировку, так и большую часть старинной застройки. Наиболее примечательные страницы социальной истории поселения связаны с производством соли и торговым положением города, а также с традициями купечества и мореходства. Начиная с XII в., Тотьма была одним из ведущих центров соляного производства Севера России, а, по мнению ряда историков, именно жители близлежащих к Тотьме деревень первыми в стране освоили процессы глубинного солеварения. Город выступал в роли крупной остановки на торговом пути из Москвы в Архангельск и далее — в Европу. В XVIII в. в торговых и промысловых целях тотемские купцы снарядили порядка 20 экспедиций к территориям современного государства США, а один из таких мореходов, Иван Кусков, основал вблизи современного города Сан-Франциско самое южное русское поселение (крепость) на североамериканском континенте — Форт Росс⁶. На сегодняшний день налажены дружественные связи между Тотьмой и населенным пунктом Бodega Бэй, расположенным в Калифорнии, США (ближайшим населенным пунктом к основанному Кусковым Форту Росс). Вместе с тем Тотьма входит в Союз русских Ганзейских городов, объединяющий старинные русские города, некогда крупные центры торговли с Европой, и в Ассоциацию «соляных городов» (центров солеварения) России.

Система туристических достопримечательностей Тотьмы включает группу храмов в уникальном архитектурном стиле — тотемском, или

русско-американском барокко, часть из которых построена на деньги мореходов; 6 музеев, включая доподлинно подтверждающие наиболее яркие страницы истории населенного пункта (например, музей мореходов, дом-музей Ивана Кускова); вписанные в ландшафт города арт-объекты и памятники; сохранившуюся застройку конца XIX — начала XX вв., представленную ансамблями в отдельных кварталах и фрагментарно — на ряде улиц; символические достопримечательности (например, «духовная родина поэта Николая Рубцова», «Школа путешественников Федора Конюхова» — одна из нескольких в России); событийные достопримечательности — фестивали, ярмарки и праздники («Преображенская», «Настоящий тотемский продукт», «День Русской Америки»). В городе находят развитие не только разные направления культурно-познавательного туризма, но также паломнический, событийный и активный туризм. В настоящее время в городе и районе отмечается высокая динамика туристического потока — до 110–130 тыс. чел. в год (согласно данным отдела туризма администрации Тотемского муниципального района).

Село Никольское с численностью населения около 300 человек находится в 70 км от районного центра и по праву носит имя «духовной родины» известного русского поэта Николая Рубцова. Там он хоть и не родился, но закончил школу-интернат, там он «пробовал перо», будучи еще совсем юным, туда он неоднократно возвращался уже в своей взрослой жизни. В стихах поэта неоднократно явно или косвенно упоминается Никола (например, «Родная деревня», «Тихая моя родина», «До конца», «По вечерам»). Разметка локального пространства села происходит в терминах биографии Рубцова: здесь он учился, сюда ходил к друзьям, здесь купался в реке Толшме и т.д. В селе работает мемориальный музей поэта (филиал Тотемского музейного объединения), есть школьный музей в средней общеобразовательной школе им. Рубцова.

Каким образом происходит консолидация сообществ глубинки? Исследование показало, что она реализуется через вовлечение различных субъектов в переосмысление и символическое конструирование исторического текста местности в контексте развития туристической отрасли. Мы рассмотрим несколько кейсов, характеризующих это.

«За картуши», или национальная идея в локальном контексте

Интересный пример вовлечения горожан в практики популяризации местной достопримечательности — картушей — был тщательно изучен нами в 2013 г. В период с весны по осень этого года в медиапространстве страны проходил конкурсный проект «Россия 10», в рамках которого «соревновались» за звание лучших более 800 достопримечательностей. Проект был инициирован телеканалом «Россия 1» и Русским географическим обществом. Суть конкурса состояла в популяризации

достопримечательностей страны путем разнообразных форм Интернет- и SMS-голосования. Картуши — это элементы кладки стены в виде морских свитков части тотемских храмов, построенных на деньги мореходов, ушедших в XVIII в. из Тотьмы для занятия промыслом в район Алеутских островов и Аляски и попутно совершавших географические открытия в Тихом океане и у побережья современных США. Став отличительным признаком храмовой архитектуры, выделенной уже в XX в. в отдельное направление — тотемское барокко¹⁴, картуши были представлены во всероссийском конкурсе достопримечательностей, поскольку «их больше нигде нет, пожалуй, кроме Иркутска и еще пары мест, но в каждом случае — это результат влияния наших тотемских мореходов» (информант № 3, мужчина, один из активистов движения «За картуши», 2013 г.).

Общественные активисты, авторы пабликов сообщений? в социальных сетях «В контакте» и «Одноклассники», не только сообщили читателям данных ресурсов о конкурсе, но и более подробно рассказали о самом достопримечательном объекте. В начальный период голосования настроения людей можно было оценить как достаточно скептические; высказывались мнения, что для консолидации тотемичей и успеха в голосовании объект, выдвинутый на участие в конкурсе, недостаточно удачен.

В скором времени к активной пропаганде голосования за картуши подключились туроператор Тотьмы («Мы понимали, что это реальный шанс использовать силы горожан во благо информационного продвижения достопримечательности» — информант № 5, женщина, директор туристического предприятия Тотьмы, 2013 г.) и Тотемское музейное объединение. Информация о конкурсе дошла и до администрации Тотемского муниципального района; глава района поставил задачу направить все возможные усилия на поддержку голосования и на популяризацию тотемских картушей как в медиасреде, так и среди жителей города. Последней задаче активно способствовала районная газета. В ней регулярно стали появляться материалы, в которых известные люди района рассказывали, почему необходимо поддержать тотемские картуши и какие перспективы могут быть у сферы туризма в городе, если Тотьма станет более узнаваемой на федеральном уровне. С проектом «Картуши от А до Я» выступил на страницах газеты известный тотемский краевед Александр Кузнецов, в популярной и доступной форме пояснявший, в чем состоит ценность картушей и почему именно благодаря им стиль тотемского барокко считается уникальным.

Это дало первые результаты. Люди стали обсуждать конкурс и достопримечательный объект в городском блоге в популярной социальной сети. Деятельность активистов, подогреваемая геопатриотизмом, породила PR-акции и брифинги, инициируемые местными жителями, в Интернет-среде. Благодаря активному голосованию тотемичей, первый

тур конкурса был преодолен успешно. Во втором туре была необходима еще более активная поддержка, в том числе и потому, что началось СМС-голосование, которое требовало определенных финансовых затрат. Тем не менее, именно второй тур стал ключевым в поддержке картушей. Сложность задачи и «протестный запал», связанный с игнорированием выхода Тотьмы во второй тур конкурса областными властями, только сплотили тотмичей. В социальных сетях появилась масса креативных видеороликов, баннеров и лозунгов, посвященных тотемским картушам. Появился своеобразный жанр «агитпоэзии» (Словно зодчих застывшие души / В каждом тотемском храме картуши. / Их чарует узор — / Оторвать трудно взор / Даже в холод, в январскую стужу (стихотворение Николая Туркина).

Желая доказать всей стране значимость тотемских достопримечательностей, инициативные тотмичи создали движение за тотемские картуши под названием «Мы есть!» Активистами движения был инициирован ряд заметок в блогах, направленных на преодоление информационной блокады в областных СМИ. Дискуссия дошла до ток-шоу в прямом эфире одного из вологодских радиоканалов. Голосование достигло апогея во время празднования дня города, когда были устроены массовые акции по отправке СМС в поддержку тотемских картушей, а также во время общегородского флешмоба, в рамках которого тотмичи окружили «живым кольцом» один из самых ценных храмов с картушами — церковь Рождества Христова.

Итоговое место тотемских картушей — 20-е из 800 объектов — превзошло все ожидания тотемских активистов. Конкурс привлек немалое внимание к Тотьме, позволил не только увеличить интерес непосредственно к тотемским картушам, но и к феномену тотемского барокко и к городу в целом. Многие туристы, приезжавшие в город во время и после завершения конкурса, признавались, что первым делом хотели бы увидеть знаменитые картуши — тогда как до всплеска общественной активности по этому поводу это слово было фактически неизвестно широкому кругу туристов. К тому же, немаловажен тот факт, что, согласно статистике, в сентябре и октябре 2013 г. было принято значительно большее количество туристов в сравнении с аналогичным периодом 2012 г. (информация предоставлена отделом туризма администрации Тотемского муниципального района). Один из информантов наглядно подчеркивает: «...с конкурса «Россия 10» у нас даже будто появилась своя маленькая «национальная» идея вокруг наших достопримечательностей» (информант № 7, мужчина, директор районной газеты, 2013 г.)¹⁵.

«Народная реставрация», или «...пока я здесь, я буду полезен»

Прямым следствием участия Тотьмы в конкурсе достопримечательностей «Россия 10» стало вовлечение горожан в проект «Народная

реставрация», начало которого было ознаменовано организацией и проведением субботника по восстановлению Воскресенского храма в деревне Варницы в границе Тотьмы (2 км от центра города, по сути, также городская территория), с советских лет оставшегося неотреставрированным и находящимся в запущенном виде. Воскресенский храм несет на себе отпечатки стиля тотемского барокко; наличие картушей и «уносящихся ввысь куполов-мачт, будто проплывает корабль» (информант № 11, женщина, активист городского движения «Народная реставрация», 2013 г.) — его неизменные черты. Варницкому Воскресенскому повезло меньше, чем другим храмам с картушами, расположенным в центральной части города и восстановленным на бюджетные средства. Эта церковь является единственной не восстановленной церковью с картушами в городе и ближайшей округе.

Буквально спустя несколько недель после завершения конкурса «Россия 10» образовалась инициативная группа, в которую помимо простых горожан вошли представители районных и городских властей. На волне успеха конкурса это получилось проще, чем без предварительной солидаризации тотмичей. В ноябре 2013 г. был проведен первый субботник у Воскресенского храма.

Прибыло около 70 человек, в том числе из Варницы, Тотьмы, Череповца, Санкт-Петербурга и из Пермского края. Сработали и политические механизмы: в проекте приняли непосредственное участие и оказали посильную, в том числе материальную поддержку в виде предоставления транспорта, техники, рабочих нынешние и вышедшие в отставку главы района и города, священнослужители местных храмов.

Активность местных жителей в 2013 г. не иссякла, а стала источником привлечения новых инвестиций в территорию. Специалисты-реставраторы из областной столицы рассчитали смету на проведение реставрационных работ, к делу был привлечен столичный архитектор, который в конце 80-х гг. прошлого века реставрировал другие тотемские церкви, о Тотьме и ее достопримечательностях стали писать региональные СМИ, цепь статей на туристическом портале Вологодской области вышла под знаком тотемских картушей. Однако название проекта «Народная реставрация» отражает его главную сущность: удалось сплотить местное население в реальных практиках возрождения исторического наследия города.

С весной 2014 г. субботники стали систематическими.

Во второй половине 2014 г. проект «Народная реставрация» приобретает новый виток развития, выходит на уровень своего рода «символической реставрации». Местным музейным объединением был выигран грант размером в 650 тыс. рублей на реализацию «Кольца исторической памяти» — кольцевого туристического маршрута по утраченным (полностью либо частично) памятникам архитектуры города Тотьмы и ближайших окрестностей (всего 16 объектов показа).

Столь крупный по меркам малого города денежный выигрыш на преобразование городского пространства в исторической ретроспективе, буквально, всколыхнул общественность. В социальной Интернет-сети на тотемском портале началось живое обсуждение деталей проектирования и реализации туристического маршрута. Совместно с местными жителями сотрудникам музея удалось определить концепцию и основные точки маршрута. Он включил в себя информационные щиты на улицах и таблички на стенах зданий. На каждой стенде присутствует информация об объекте на русском и английском языках, старинная фотография утраченного памятника либо части ансамбля, QR-код, перенаправляющий на более подробную статью об объекте на Интернет-сайт. Почти на каждом стенде также присутствует фотоколлаж, созданный привлеченным к проекту местным фотохудожником на основе совмещения старинного и современного фото и наглядно показывающий, в каком именно месте в панораме современного города находился утраченный памятник. Маршрут, в настоящее время пользующийся популярностью у самостоятельно путешествующих туристов, отражает пример взаимного наложения разных типов социальных пространств – городского и туристического – в границах единого физического пространства. В ходе реализации «Кольца...» местные сообщества в очередной раз сплотились вокруг их общего исторического наследия и реконструировали в символических формах утраченные архитектурные шедевры своего города.

Весной 2015 г., словно ответный вызов «Народной реставрации» солидаризируется другая группа активистов, члены ядра которой называют себя сообществом «60-я параллель». Название выбрано не случайно: Тотма, как и ряд других городов, таких как Санкт-Петербург, Осло, Магадан, располагается на шестидесятой параллели. В городе в честь этого установлен памятный знак, в 2013 г. местным молодым художником на трансформаторной будке выполнен арт-объект с изображениями достопримечательностей этих городов и Тотмы. «60-я параллель» сумела объединить равнодушных горожан вокруг идеи субботников в храмах Тотемского района. В данном случае «образцовым» стал полуразрушенный Старототемский Воскресенский храм в деревне Медведево, располагающейся в 17 км от районной столицы. Совершив в течение 2015 г. 13 поездок и соответственно проведя столько же субботников, активистам удалось привлечь не только обычных горожан, но и представителей местных предприятий, а также потомков строителей тотемских храмов, в том числе непосредственно в деревне Медведево. Неожиданным поворотом стало открытие в рамках одного из таких выездов подземного хода-рва, ведущего из медведевского храма. Что представляет собой этот ход – еще придется исследовать специалистам, однако журналисты уже сделали свое дело, написав несколько статей об этом открытии. Тема вызвала очередной всплеск

интереса к истории города, как среди самих тотъмичей, так и среди туристов, получивших данную информацию из Интернет-источников и вступивших в ее обсуждение.

Деятельность активистов и энтузиастов, связанная с реконструированием исторического наследия, таким образом, приобретает характер реальной деятельности по восстановлению архитектурных памятников в меру возможностей, которыми обладают эти группы населения малого города. Один из информантов объясняет свое участие такими словами: «...пока я здесь, я буду полезен своему городу, я буду делать его лучше» (информант № 14, мужчина, участник субботников, 2015 г.).

Профессиональное взаимодействие и конструирование туристического продукта: обзор мини кейсов

Вопрос об особенностях взаимодействия субъектов поля достопримечательности является краеугольным камнем процесса ее социального конструирования. Институционально обусловленная коммуникация между субъектами – фактор повышения эффективности динамики достопримечательности, наличие же коммуникативных барьеров нивелирует ее значение как капитала, необходимого для развития территории. Обращение к историческим символам в целях создания туристических продуктов выступает важнейшим фактором консолидации местных организаций, сообществ и отдельных людей, готовых включаться в туристическую деятельность, в оказание туристических услуг как внешним, так и местным туристам. Это просматривается и на примере Тотмы.

К числу субъектов, составляющих ядро поля достопримечательностей Тотмы, относятся отдел туризма администрации Тотемского муниципального района, МУП «Туризм и народные промыслы» (туроператор / прямой производитель) и МБУК «Тотемское музейное объединение (прямой производитель). Однако ограниченность ресурсов в глубинке толкает непрофильные для туризма организации к подключению к полю достопримечательностей. Пример Тотмы доказывает возможность использования сил местной ремесленной (детской художественной) школы в проведении мастер-классов для туристов по изготовлению традиционных для местности сувениров: глиняных картушей, расписанных в тотемском стиле разделочных досок. Силами местных сообществ организуются события, ориентированные на приток туристов. Подтверждение тому – участие коллективов тотемских центров культуры, театральной труппы, местных мастеров и умельцев в организации праздника «День Русской Америки», проводимого на родине Ивана Кускова каждый июль. Для проведения литературных экскурсий по Тотме задействуются материально-техническая база и коллективы районной библиотеки им. Н. Рубцова и местной музыкальной школы, готовые выступить со стихами поэта и созданными на их

основе музыкальными композициями для туристов около памятника *genius loci* на берегу Сухоны.

Специфика туристической отрасли, а особенно в малых городах с ограниченными ресурсами, состоит в том, что в данную сферу могут вовлекаться и косвенные субъекты, например, промышленные предприятия; материализация устойчивых взаимодействий субъектов – упаковка товаров, пользующихся ежедневным или не столь частым спросом. Между администрацией Тотемского района и Муниципального предприятия «Тотемский хлебокомбинат» подписано соглашение об использовании символов города на упаковках пищевых продуктов, выполняющих сувенирную функцию, – тотемского мармелада и конфет (изображение картушей, храмов в стиле тотемского барокко), тотемского пряника (изображение черной лисы, в ловле которой упражнялись тотемские купцы на американском континенте в XVIII в.). В настоящее время продукция хлебокомбината распространяется во многие точки региона. На этом примере удобно показать суть технологии вовлечения промышленного предприятия в логику туристического рынка. Технология предполагает профессиональное, ориентированное на туристический рынок, взаимодействие группы субъектов: власти (оказывает управленческое воздействие на вовлечение хлебозавода), прямого производителя – музея (историческое сопровождение символа картушей), тотемского туроператора (реклама сувенирной продукции, организация экскурсий на хлебозавод, организация мастер-классов по лепке картушей из теста), и, разумеется, самого промышленного предприятия «Тотемский хлебокомбинат». При этом функционируют определенные механизмы конструирования достопримечательностей: политические, в частности, поддержка интересов данного предприятия, информационные – продвижение одновременно как пищевых товаров, так и имиджа города, экономические – новая форма бизнеса, новый способ получения денежного капитала.

Интересный пример взаимодействия связан с вовлечением в туристический рынок такого учреждения как «Школа путешественников Федора Конюхова», открытого в Тотьме в 2009 г. Всемирно известный путешественник и мореплаватель Федор Конюхов в контексте функционирования политических (лоббирование со стороны региональных и муниципальных структур власти) и символических механизмов (исторические традиции тотемского мореходства) дает согласие на открытие в местечке Изониха (несколько километров от Тотьмы) на базе бывшего детского лагеря спортивно-образовательного центра, названного его именем. «Школа» работает ежегодно как центр детского туризма, несколько раз в год на выездные сессии прибывает и Ф. Конюхов. Само учреждение, относимое к сфере образования, все с большей силой осваивает свою нишу и в сфере туризма. Совместно с тотемским туроператором, местными профессиональными спор-

тивными инструкторами и другими привлекаемыми специалистами организуются спортивные экскурсии с историко-культурным уклоном, сплавы по р. Сухона, совместно с музеем реализуются общегородские проекты, выставки и мероприятия, городские праздники, связанные с историей морской славы тотъмичей. Подобное взаимодействие позволяет обогатить деятельность типичных для данного города субъектов туризма (музей + туроператор), привлечь дополнительные материальные (спортивный инвентарь для водных экскурсий), символические (имя Конюхова, накладываясь на местный исторический нарратив, придает современное звучание теме) и политические ресурсы (визиты губернатора Вологодской области, его встречи с известным путешественником в Тотьму).

Таким образом, в ходе манипулирования историческими смыслами и репрезентациями, интерпретируемыми в качестве ресурсов развития туризма¹⁶, возникает особая – профессиональная консолидация местных субъектов. Взаимодействие такого рода институционализируется через функционирование рыночных механизмов, описывается через категории не только повседневных, но и специализированных практик. При этом происходит конструирование новых ниш для получения разных форм капитала местными субъектами.

В практиках профессионального взаимодействия отчетливо видны особенности институционализации туризма в российской глубинке:

- ввиду ограниченности человеческих ресурсов происходит (отчасти вынужденное) конструирование тесных сетевых отношений между субъектами туристической деятельности, дополняемое распространенными между ними вне туристического контекста «кредитами доверия»;
- ограниченность самых разных ресурсов как структурная характеристика глубинки способствует вовлечению традиционных для города сообществ и субъектов в туристическую деятельность, предоставляя немалые возможности для экспорта локального на туристическом рынке;
- субъекты, вовлекаясь в конструирование достопримечательностей, трансформируют свои типичные функции.

Культуру – в частные руки?

В год столетия музейного дела в Тотьме (2015) в этом городе путем активной деятельности нескольких инициаторов идей и объединения вокруг них заинтересованной аудитории, сбора необходимых материалов, открывается некое подобие нового музея – выставочный центр «Сухона». История не только тотемского мореходства, но и судоходства по реке Сухона является предметом ностальгических переживаний немалой части тотъмичей, притом явно больших, чем в первом случае.

На протяжении всего XVII в. через Сухону проходил главный торговый путь из Москвы в Европу и Сибирь. К тотемским берегам приставали не только российские, но и иностранные корабли. В то время Тотьма, являвшаяся крупным складочным пунктом заграничных товаров, соревновалась в торговой славе с главными городами России. Впоследствии, после потери данного значения, Сухона еще на протяжении трех веков оставалась главной торговой и пассажирской артерией города — вплоть до постройки в 1983 г. асфальтированного шоссе из Вологды.

В настоящее время тотемское судоходство уже вошло в историю. Речной порт более не существует, речной транспорт представлен лишь частными катерами да несколькими грузовыми баржами. Сама Сухона обмелела, стала несудоходной. В последние годы предприятием «Туризм и народные промыслы» стали организовываться водные экскурсии для туристов от пристани в Тотьме по двум направлениям — к природному памятнику Дедов остров (в одну сторону) и к другому памятнику природы — камню Лось (в противоположную сторону). В последнем варианте гостей на камне встречает актер, переодетый в императора Петра Первого, проплывавшего в этих местах три раза в начале XVIII в. (это документально подтверждено) и, по легенде, обещавшего со своей свитой на этом камне. Экспозиция, касающаяся роли речной тематики в истории Тотьмы имеется и в краеведческом музее.

Вместе с тем история живет, пока живут люди, ее конструирующие. Инициаторами уже известного нам объединения «60-я параллель» был воспринят социальный запрос о мемориализации наследия, связанного с именем судоходства. Активистам удалось объединить вокруг этой идеи бывших сотрудников речного порта: последние стали собираться на квартальные встречи, делиться деталями своих биографий, вспоминать былые времена. Некоторые начали приносить на такие встречи артефакты — приборы речной навигации, рабочую одежду, судоходные карты, разного рода символику (флаги, значки, головные уборы), мемориализуя, тем самым, общее символическое наследие через схожие биографические траектории. Каждый принесенный предмет, впоследствии ставший экспонатом музея, и получил нарративное сопровождение со стороны владельца. Группе единомышленников впервые за многие годы на городском уровне удалось отметить и день речника, что послужило еще одним фактором их сплочения. Стоит отметить, что тема появления музея речников в Тотьме широко обсуждалась в социальной Интернет-сети, на страницах местной газеты и была актуальна для городского дискурса в целом. И, как мы уже знаем, это не случайно. Во многих семьях были и есть люди, которые так или иначе связаны с Сухоной как «одной из градообразующих осей Тотьмы».

По схожей модели несколько лет назад в с. Никольское была организована работа АНО «Бирюзовый дом», руководит которым увлеченная творчеством русского поэта Н.М. Рубцова супружеская пара из Москвы.

Символический базис села (см. выше) стал причиной основания ими гостевого дома с рядом музейных функций. Супругами была выкуплена половина деревянной административной постройки начала XX в., где были открыты гостиница для туристов, прибывающих к рубцовским местам, и несколько выставочных площадок. В настоящее время «Бирюзовым домом» активно осуществляется культурная деятельность на селе. Среди проектов — «Школа Русского Слова», «Мастерские на Толшме», фестиваль «Журавли над Николой», перекрестные экспедиции москвичей в с. Никольское и никольчан в Москву. Разумеется, данные проекты рассчитаны как на местную аудиторию, так и на привлечение внешних туристов. Особо важная миссия состоит в консолидации никольских школьников, в целях чего проводятся отчасти конкурирующие с музеем специализированные мероприятия («Библионочь», обсуждение грантовых проектов в сфере культуры и др.). «Бирюзовый дом» продолжил и начатую музеем практику мемориализации окружающего пространства в терминах биографии Рубцова, чем вызвал резонанс внутри локального сообщества. Была организована туристическая программа «Между березой и сосной» с чтением стихов поэта в выгодных с точки зрения ландшафта местах. Совместно с музеем проводится работа по восстановлению местного храма, внутри которого организуются выставки, ведется издательская деятельность, в одной из точек села установлен памятный камень с гравировкой слов из стихотворения Н. Рубцова «Видения на холме». Ко всем этим проектам активно привлекаются школьники и другие слои местного населения, подчас становясь незаменимой опорой в организации того или иного культурно-туристического продукта.

Таким образом, в условиях глубинки встречаются примеры проявления культуротворческой активности энтузиастов и консолидации вокруг них заинтересованного и / или лояльного местного населения, подхватывающего выпестованную этими энтузиастами идею. Отчасти такие практики существуют и оказываются полезными в рамках туристического измерения, становясь источником конструирования новых достопримечательностей. В результате снимается монополия музеев и других традиционных субъектов на культурное, основанное на повседневных, исторических, литературных смыслах, творчество в глубинке.

Заключение

Таким образом, на материалах проведенного исследования в Тотемском районе Вологодской области (г. Тотьма и с. Никольское) удалось подтвердить основную гипотезу, вынесенную в заглавие статьи: практики консолидации сообществ малых населенных пунктов на почве символического конструирования и реконструирования исторического наследия этих мест становятся важной частью процесса формирования туристических достопримечательностей глубинки. Подобные практики имеют структурообразующее значение для населенного пункта:

складываются зачатки гражданского самосознания местных жителей; появляются сообщества «неравнодушных граждан», деятельность которых осуществляется на благо территории; почвенным путем вырастают новые субъекты туристического рынка, также работающие на местном уровне в качестве новых двигателей культурной жизни; функции традиционных для населенного пункта субъектов в этом контексте трансформируются.

Из этого также следует вывод, имеющий методологический характер: деятельность, коммуникация ее между субъектами и их консолидация служат фундаментом для образования достопримечательностей, которые при определенных условиях могут вовлекаться в пространство туризма и притягивать социальные потоки к местам своей локализации. Последнее условие определяет потенциал достопримечательностей в контексте трансформации социально-территориальной структуры, что в очередной раз подчеркивает неразрывность категорий социального действия и социальной структуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

² См.: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. – М.: Академический проект, 2005.

³ См., например: Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 3–13.

⁴ См.: Заславская Т.И. Трансформация социальной структуры // Социальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. – М., 2002.

⁵ См.: Ильин В.И. Социальное неравенство / Центр социологического образования института социологии РАН. – М.: Институт социологии РАН, 2000.

⁶ См.: Бурдые П. Социология социального пространства.

⁷ См.: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации.

⁸ См.: Левин К. Теория поля в социальных науках. – СПб.: Сенсор, 2000.

⁹ См.: Бурдые П. Социология социального пространства.

¹⁰ См.: Urry J. Consuming places. – London: Routledge, 1995.

¹¹ Ильин В.И. История как социальный ресурс развития российской глубинки // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 2. С. 146–162.

¹² См.: Визгалов Д.В. Брендинг города. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2011.

¹³ См.: Новосёлов А.М. Тотьма. Путеводитель по достопримечательностям. – Вологда: Музей дипломатического корпуса, 2012.

¹⁴ См.: Тельтевский П. Памятники архитектуры XVIII в. в Тотьме // Архитектурное наследие. 1962. № 14. С. 203–210.

¹⁵ См.: Новосёлов А.М., Чернега А.А. Конструирование бренда территории на примере участия г. Тотьмы в проекте «Россия 10» // Музей и проблемы «культурного туризма»: материалы двенадцатого Круглого стола (Санкт-Петербург, 10–11 апреля 2014). – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2014. С. 137–142.

¹⁶ Ильин В.И. История как социальный ресурс развития российской глубинки. С. 146–162.

REFERENCES

Bourdieu P. *Sociology of social space*. Moscow, Institut eksperimental'noy sotsiologii [Institution of experimental sociology], Saint Petersburg, Aleteya, 2007 (Russian trans.). 288 p.

Giddens A. *The constitution of society: outline of the theory of structuration*. Moscow, Akademicheskii proekt [Academic project], 2005 (Russian trans.). 528 p.

Il'in V.I. History as a social resource of development of Russian province. In: *Zhurnal sotsiologii i social'noy antropologii* [Journal of sociology and social anthropology]. 2015. Vol. 18. No 2, pp. 146-162 (In Russian).

Il'in V.I. *Social inequality*. Moscow, Institut sotsiologii RAN [Institution of sociology Russian Academy of Science], 2000. 280 p. (in Russian).

Levin K. *Field theory in social sciences*. Saint Petersburg, Sensor, 2000 (Russian trans.). 368 p.

Novoselov A.M., Chernega A.A. Constructing of territory brand as an example of participation of Totma at the project «Russia 10». In: *Museum and the problem of «cultural tourism»*. Saint Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh [State Hermitage], 2014, pp. 137-142 (in Russian).

Novoselov A.M. *Totma. Guide to attractions*. Vologda: MDT [Museum of the diplomatic corps], 2012. (In Russian).

Sztompka P. The concept of social structure: an attempt to generalize. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2001. No 9, pp. 3-13 (in Russian).

Teltevsky P. Monuments of architecture of the 18th century in Totma. In: *Arhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage]. 1962. No 14, pp. 203-210 (in Russian).

Urry J. *Consuming places*. London, Routledge, 1995, 266 p.

Vizgalov D.V. *City branding*. Moscow, Fond «Institut ekonomiki goroda» [Institution of City Economics Foundation], 2011, 160 p. (in Russian).

Zaslavskaya T.I. Transformation of social structure. In: *Societal transformation of Russian society: activity-block concept*. Moscow, 2002 (in Russian).

Аннотация

В процессе конструирования достопримечательностей значительную роль, особенно в условиях ограниченной в ресурсах глубинки, играют местные сообщества, вовлекаясь в разные – прямые и косвенные – практики

конструирования. В статье анализируются практики консолидации местных сообществ, материализуемые путем их вовлечения в информационное продвижение достопримечательностей, в организацию и проведение мероприятий по улучшению благоустройства городской территории и достопримечательностей, в конструирование туристических услуг, основанных на ревизии исторического наследия местности, различных субъектов. В числе таких сообществ выделяется особая группа энтузиастов.

Ключевые слова: туризм, туристическая достопримечательность, глубинка, брендинг места, исторические репрезентации, социальное конструирование, консолидация местных сообществ.

Summary

Local communities have a major role in constructing a tourist attraction by participating in various – direct and indirect – construction practices, especially in the resource-poor rural environment. The authors analyse the practices of consolidating local communities, realized through their involvement into the informational promotion of tourist attractions; organization of measures to improve urban territories and tourist attractions; their involvement into constructing tourist services, based on the revision of local historical heritage, different individuals, including a specific part of them – the enthusiasts.

Keywords: tourism, tourist attractions, rural areas, place branding, historical representations, social construction, local community consolidation.

СТОЛИЦА И СТОЛИЧНОСТЬ: ИНСТИТУТ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ*

И.Ю. ОКУНЕВ

Столица представляется одним из ключевых элементов политико-территориальной структуры государства. Однако это не только место размещения центральных органов власти, центр управления суверенитетом страны, но и важнейший элемент, формирующий, воспроизводящий и трансформирующий ее государственность, в первую очередь оказывающий влияние на административно-территориальное устройство, систему взаимоотношений «центр–регионы» и региональную политику государства. Номинация столицы – это процесс познания нацией самой себя, эссенция представлений народа об их прошлом, геополитическом позиционировании и образе желаемого завтра. Столицы можно считать одним из видов центра, наиболее типичным институциональным закреплением функции политического центра в противовес периферии.

В статье предпринимается попытка суммировать понимание столицы с точки зрения институционального и символического подходов.

Институциональное понимание столицы

Изучение географического положения столиц началось в рамках политической географии еще в XIX в. Так, в 1874 г. И. Коль оценил положение европейских столиц, проанализировав степень концентрации населенных пунктов вдоль транспортных магистралей, отходящих от столиц¹. Т. Раймов рассмотрел столичные функции на примере государств Центральной Азии, а М. Янишевский разработал типологию столиц².

Согласно определению французского географа Ж. Готмана, столица, прежде всего, является местом размещения центральных органов власти³. Иными словами, по мнению российского географа С.А. Тархова, главной характеристикой, отличающей столицу от любого другого города, крупного экономического или культурного центра, является «управление территорией государства и его населением»⁴.

По общему определению столица обозначает место пребывания правительства страны, за некоторыми исключениями⁵. Важными представляются определения столицы по Трейвишу – № 1: столица – важный административный командный центр по большей части национального или регионального уровня⁶; и № 2: столица – город, занимающий ключевое/доминирующее положение в артикулировании

* Статья написана в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Роль столицы в процессе государственного строительства: генезис, социальный конструктивизм, типология», грант №15-33-01206.

действий, осуществлении конкретных полномочий на глобальном или меньшем уровне⁷.

А. Овсянников определяет столичность как статусный атрибут города, обладающий институтами национальных органов исполнительной, законодательной, судебной власти, резиденции президента. По А. Овсянникову, потенциально любой город может начать обладать столичностью, если туда перенести названные органы государственной власти. Им же дается еще и такое определение столичности: конструируемый образ, основанный на уникальных качествах, характеристиках населенного пункта, выделяющих этот населенный пункт среди других⁸.

Абстрактно-обобщающее определение столичности (по Трейвишу) будет сформулировано так: наличие или существование столичных черт или качеств в городе или регионе.

В широком смысле (по Трейвишу) столица и столичность ассоциируются с тремя следующими вещами: функциональным лидерством в политике, которое необходимо столице в строгом смысле в экономике, культуре.

Символическое понимание столицы

Вадим Россман отмечает, что столицы не только являются местом расположения органов государственной власти, но в их функции входит «представление нации себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре»⁹.

Понятие столичности в определении Д.Н. Замятина обозначает онтологический атрибут, преобразующий, трансформирующий внешние, физико-географические приметы и признаки положения (горная котловина, плато, бескрайняя равнина, остров, предгорье, излучина реки или слияние рек, берег морского залива и т.д.) определенного места в мощный — иногда единый, а иногда дуалистический — мифологический нарратив, обладающий целенаправленной сакральной энергетикой, подпитывающей властные дискурсы¹⁰.

Данное предположение можно подтвердить следующими фактами и рассуждениями.

Во-первых, название столицы часто совпадает с названием страны. В Древнем мире государства возникали вокруг городов (Вавилонское царство, Римская империя и т.д.) и переносили название города-метрополии на всю страну. Однако в XX в. особенно в процессе деколонизации новые столицы стали называть в честь государства, олицетворяя в ней идеальный образ нации. Бразилиа строилась как символ новой Бразилии, Гитлер планировал построить столицу мира — город Германия. Генри Пиккер писал, что в 1942 г. Гитлера увлекала идея переименовать обновленный Берлин в Германию (лат. Germania), чтобы город стал центром великогерманского всемирного рейха: «Как в свое время Бисмарк раз за разом приводил баварцев, пруссаков и так далее к германской идее,

так же очень планомерно необходимо направлять германские народы континентальной Европы к германской идее. Он даже считал, что хорошо было бы придать этой работе особо сильный импульс, переименовав имперскую столицу Берлин в Германию. Ведь, несмотря на большую территориальную отдаленность от этой столицы, имя “Германия” у имперской столицы в ее новом репрезентативном облике способно вызвать чувство принадлежности у каждого входящего в германское расовое ядро»¹¹. Одинаковые названия столицы и страны имеют и нации Мексики, Алжира, Туниса, Белиза (после разрушения Белиза столицей стал Бельмопан), Гватемалы, Сальвадора, Кувейта, Монако.

Во-вторых, контроль за столицей часто приравнивается к победе в войне. Немецкий военный теоретик Фридрих фон Бернгарди писал: «Военная история вновь и вновь указывает нам своими многочисленными примерами на важность столиц в ведении войны. Неспособность Ганнибала завоевать Рим лишила его лавров победителя; Наполеон почти всегда выбирал столицы в качестве мишеней своих стратегических атак, повергая своего противника их захватом»¹². Действительно, и в последних военных конфликтах мы часто следим за положением дел в столице (Багдаде, Триполи, Дамаске), пытаясь по этому понять происходящее в стране. Исторические события, знаменующие гибель государств и, соответственно, их столиц (разрушение, упадок или просто утрата статуса), либо кардинальные государственные и политические трансформации, включающие в себя и перенос столиц, оказываются феноменальным «двигателем», «мотором», с помощью которого формируется, становится, развивается динамичная историческая география столиц.

В третьих, столичность, начиная с древности, связана, как правило, с ритуалами сакрализации властного пространства как центра. Как скажет Д.Н. Замятин «столица — образ и понятие, бытие которых поддерживается онтологическим статусом государства и государственности. Однако если брать немного шире, то мы несомненно можем говорить о различных множественных вариантах феноменологии центра мира. Это подразумевает, кроме всего прочего, обращение к космогоническим контекстам архетипического мифа об основании столицы. Так или иначе, миф о столице / столичный миф оказывается онтологической границей, соединяющей и одновременно разъединяющей феномен божественной воли и божественного указания и ноумен непосредственного властного целеполагания и решения»¹³. Особенно такая сакрализация чувствуется в образе бывших столиц. Вокруг них формируется особый образ прошлого величия нации, ее второго отражения (сравните, например, Москву и Санкт-Петербург). В столицах также размещаются национальный музей, театр, архив, что символически подтверждает символическую значимость города для нации.

Наконец, иллюстрацией данной тенденции может служить дипломатический жаргон, при котором название страны заменяется именем столицы — «Москва заявила», «Вашингтон ответил».

Подводя итог этому направлению в исследовании столичности можно сказать, что столицы представляют собой одновременно три сущности: во-первых, это социополитический форум, служащий инструментом власти для социального обучения, где граждане могут принимать участие в формировании государственного дискурса. Во-вторых, это центр производства и распределения общественных благ и услуг, ради чего, собственно, и развивались/создавались столицы в государствах-нациях. В-третьих, это конфигурация символических ресурсов, которая признается жителями и отображает обычаи и ценности населения. Перечисленные три категории редко сходятся в отдельно взятой столице, что свидетельствует о том, что столицы не являются просто результатом целенаправленного моделирования определенных сил.

Ж. Паке утверждает, что важность символического ресурса наиболее ярко проявляется в «особенной жизни столиц», которая является культурным артефактом. Она может быть результатом сделок и договоров, намеренных и непреднамеренных действий местных сил, сформированных, в свою очередь, транснациональными потоками. Столица как система символов живет своей жизнью, соответствующей общественному перемирию между местными жителями, гражданами страны и обитателями прочего мира. Местные выигрывают от центральности положения столицы и перераспределяют материальные ресурсы в свою пользу; граждане страны потребляют символический ресурс, скрепляющий нацию вместе; в то время как обитатели прочего мира, удовлетворяющие потребность в путешествиях по необычным местам, берут на себя часть налоговой нагрузки двух предыдущих групп.

В этой игре с ненулевой суммой каждый из игроков стремится поддерживать иллюзию, будто он единственный победитель, но скрывает свои приобретения от других. Местные жители будут жаловаться на национальные и транснациональные ограничения, сдерживающие развитие их города, имея при этом ощутимые выгоды в виде высокого уровня жизни. Граждане государства будут сетовать на невероятные издержки, сопровождающие национальные праздники, однако стоит им покинуть пределы своей страны, как они начинают демонстрировать национальную гордость. Иностранцы будут роптать на узость интересов жителей столицы и на эксплуатацию, которая портит столицы, злоупотребляя при этом развлечениями в Оттаве или Париже. Подобная какофония позволяет Ж. Паке заявить о столицах, как о самых неискренних местах, однако эта неискренность является следствием необходимости удовлетворять разнородные желания, скрывая недостатки, что превращает столицы в рай для всякого рода планировщиков и проектировщиков. Может показаться, что их главный инструмент

воплощен материально, но на самом деле они владеют рычагами в области репрезентации и символических ресурсов. Таким образом, они работают не для местных жителей, а для всего мира, что ведет к слабой выраженности национальных черт в столицах.

В этой связи, коэволюционное развитие столиц предстает как взаимосвязанная эволюция социоматериального и символического порядков, направленная на то чтобы обеспечить соответствие между столицей и государством при данных ограничениях. Это последовательный процесс, определяющий, будет ли превалировать режим индивидуального или коллективного, но всегда есть опасность, что какой-то из них захочет стать гегемоном, и тут в дело вступают бюрократии, следящие за поддержанием жизнеспособности столицы. Каммингс и Прайс подчеркивают влияние отдельных индивидов, практической политики, политической воли и плюралистической географической базы, а также использование специфических культурных и образовательных институтов в качестве действующих сил, тем не менее, они не раскрывают механизма переключения от близоруких рыночных сил к политико-бюрократическому планированию и наоборот.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институт столицы в государстве имеет как институциональное, так и символическое наполнение и формируется в результате реализации определенной модели взаимодействия объективных и субъективных факторов развития.

Использование символического потенциала столичности для региональной консолидации и позиционирования

Символическое значение столичности, превалирующее над институциональным, открывает перспективы для использования данного капитала локальными сообществами, далекими от мест расположения органов государственной власти. Можно выделить следующие типы использования нарратива о столичности в формировании локальной идентичности.

Во-первых, это нарратив о бывшей столице. В российском случае это не только классический пример Петербурга, но и более сложные примеры Новгорода и Владимира, о которых трудно говорить, как о столицах именно российского государства. В этот же ряд можно занести Старую Ладугу, которая приютила Рюрика еще до появления централизованного славянского государства, но активно использует этот бренд с петровских времен как легитимирующий смещение ядра российской государственности на северо-западное пограничье. Здесь же можно упомянуть и столицы государств, вошедших в состав России (Биляр, Касимов, Казань, Астрахань и т.д.), а также об Александре Ивана Грозного, Омске Колчака, Куйбышеве Сталина и других подобных примерах. Данный нарратив соседствует в локальном дискурсе с представлениями о золотом веке города и актуализует историческую память горожан.

Даже неизвестный нарратив может обыгрываться в таком ключе горожанами. Так Вязьма с 21 октября 1654 г. по 10 февраля 1655 г. была фактической столицей России, когда царь Алексей Михайлович перевел ее сюда из Москвы, где свирепствовала чума. Или Ярославль, который в 1612 г. при польской оккупации Москвы в Смутное время стал фактической столицей страны, где были сформированы временное Земское правительство (Совет всея земли) и его вооруженные силы (Народное ополчение).

Другой пример фантомной памяти о столице – Таганрог. Город был фактической «столицей» Российской империи с сентября по ноябрь 1825 г., во время проживания в нем императора Александра I; в 1918–1919 гг. он был ставкой (практически столицей) А.И. Деникина, стоявшего во главе Вооруженных Сил Юга России. Наконец, Таганрог планировался Петром Первым в качестве столицы России, но из-за военных поражений от этой идеи пришлось отказаться в пользу Санкт-Петербурга.

Во-вторых, можно говорить о региональных столицах (Урала, Сибири, Поволжья и т.д.) В данном случае предпринимается попытка переноса центр-периферийной модели государственного устройства на региональный уровень выстраивания внутренней дихотомии развития в рамках более узкого региона страны. В данном ключе интересными представляются региональные «дерби» за статус местной столицы между Пермью, Екатеринбургом и Челябинском, Ставрополем и Пятигорском, Сочи и Краснодаром, Новосибирском, Омском и Красноярском, Хабаровском и Владивостоком. Схожими случаями представляются ранговые столицы (вторая, третья, четвертая). Так, для определения официальной третьей столицы России даже был организован специальный конкурс, по итогам которого Казань лишь ненамного опередила Нижний Новгород. Подобное позиционирование помогает выстраивать иерархическую структуру пространства, организовывать и соподчинять в ней единицы пространства и их локальные бренды.

И наконец, в-третьих, можно говорить о переносе идеи столичности на нарратив об исключительности. В таком ракурсе почти каждый город позиционирует себя как столица русских пряников, огурцов, самолетостроения и т.д. Вот список основных Российских столиц в таком понимании этого термина:

Абрау-Дюрсо – столица шампанского.
Алексеевка – подсолнечная столица.
Балабаново – спичечная столица.
Верхняя Салда – титановая столица.
Луховицы – огуречная столица.
Камышин – арбузная столица.
Котлас – целлюлозно-бумажная столица.
Кунгур – чайная столица.
Ростов Великий – финифтевая столица.
Рыбинск – столица бурлаков.

Саранск – лампочная столица.
Суйда – картофельная столица.
Сызрань – помидорная столица.
Урюпинск – столица глубинки.
Энгельс – троллейбусная столица.

В этом же ряду можно вспомнить о Великом Устюге, как городе Деда Мороза или Гороховце как столице Царя Гороха.

В данных случаях концепт столичности не выстраивает центр-периферийные отношения, но позволяет локальным сообществам актуализировать параллельные ментальные противопоставления, которые необходимы для выделения себя из общей массы за счет противопоставления на отдельном участке идентичности.

Таким образом, мы видим, что наличие символического капитала в понятии столичности позволяет даже локальным сообществам, лишенным функций государственного управления, встраивать данный концепт в свои нарративы. Это дает возможность укреплять их локальные идентичности и даже, при грамотном использовании потенциала, выстраивать профессиональное брендинг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Тархов С.А.* Столицы // География. 2007. № 3. – URL: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200700311>

² Там же.

³ *Готтман Ж.* Столичные города // Логос. 2013. № 4 (94). С. 16.

⁴ Там же.

⁵ *Росман В.* Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. С. 37.

⁶ *Treivish A.I., Zotova M.V., Savchuk I.G.* Types of Cities in Russia and Across the Globe // Regional Research of Russia. 2014. Vol. 4. No 2. P. 90–91.

⁷ Там же.

⁸ См.: *Овсянников А.А.* Социология столичности: смыслы и стратегии // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5.

⁹ *Росман В.* Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. С. 35–36.

¹⁰ *Замятин Д.Н.* Феномен / ноумен столицы: Историческая география и онтологические модели воображения // Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. Материалы конференции 28–29 октября 2013 г. / отв. ред. И.Г. Коновалова. – М.: Институт всеобщей истории РАН; Аквилон, 2013. С. 23–28.

¹¹ *Hillgruber A.* Henry Picker, Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–1942. – München 1968. S. 182.

¹² *Бернгарди Ф.* Современная война. – СПб., 1912. С. 196.

¹³ Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования. С. 23.

- Hillgruber A. Henry Picker, *Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941–1942*. München, 1968.
- Berngardt F. *The Modern War*. Saint Petersburg, 1912 (in Russian).
- Gottman Zh. *The Capital Cities*. In: Logos. 2013. No 4 (94) (in Russian).
- Ovsjannikov A.A. *Sociology of capitalness: Meanings and Strategies*. In: Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of the Moscow State Institute of International Relations]. 2009. No 5 (in Russian).
- Transfer of the capital: The historical experience of geopolitical design*. Proceedings of the conference on 28-29 October 2013. I.G. Kononov (ed.). Moscow, Institute of General History; Akvilon, 2013 (in Russian).
- Rossman V. *Capitals: their diversity, patterns of development and movement*. Moscow, Institut of Gajdar, 2013 (in Russian).
- Tarhov S.A. *Capitals*. In: *geography*. 2007. No 3 (in Russian).
- Treivish A. I., Zotova M. V., Savchuk I. G. *Types of Cities in Russia and Across the Globe*. In: Regional Research of Russia. 2014, Vol. 4. No. 2.

Аннотация

В статье дается анализ института столиц как на символическом, так и на функциональном уровне. При таком рассмотрении столицы не только выступают как место расположения органов государственной власти, но и принимают на себя функции представления нации ей самой и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре. Это должно подтвердить предположение о существовании дополнительного механизма национального строительства, выражающегося в создании идеального образа нации и противопоставления его маргинальности периферии.

Ключевые слова: столица, государственное/национальное строительство, межрегиональная дифференциация, внутренний «другой», внутренний ориентализм, социальный конструктивизм.

Summary

The article analyzes the institute of capitals at functional as well as symbolic levels. In this approach the capital not only serves as a place to dispose the governmental bodies, but also takes over the functions of representation of the nation to itself and to the environment. Capitals are the idealized images of nation and national history, a sort of nation in miniature. That should verify the assumption that an additional mechanism of nation-building exists and is demonstrated by the creation of an ideal national image as opposing to peripheral marginality.

Keywords: capital, state/nation-building, interregional differentiation, internal «other», internal orientalism, social constructivism.

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И НЕСИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Р.В. ЕВСТИФЕЕВ

В основе данной статьи лежит философская рефлексия результатов трех разноплановых исследований, в которых автор принимал участие, и социальной практики самого автора. Первое исследование – теоретическое и прикладное изучение проблем организации взаимодействия власти и населения в рамках новых парадигм Public Administration, как в России, так и в зарубежных странах¹. Второе исследование – конкретный кейс одного города, связанный с формированием и развитием местного аналитического сообщества и его влиянием на публичную политику². Третье – исследование локальных идентичностей в трех российских городах (Смоленск, Владимир, Ярославль), проведенное научным коллективом (Задорин И.В., Евстифеев Р.В., Крупкин П.Л., Лебедев С.Д.) совместно с АНО «Социологическая мастерская Задорина»³.

Социальная практика охватывает почти шестилетие, с 2006 по 2015 гг. и включает в себя целенаправленную деятельность по формированию интеллектуальной среды в провинциальном городе. Размышления, в своем окончательном варианте представленные в данной статье, начались для автора в середине так называемых «нулевых» годов XXI в. Примерно за десять лет мысли о роли местных сообществ в публичной политике проделали полный цикл от идей к практике, в которую был вовлечен автор, и от практики к научному осмыслению, от локального случая к широким обобщениям.

В поисках бриклера

Первоначальная гипотеза заключалась в том, что в основе нашего движения к более развитому и современному обществу лежит развитие местных сообществ и каждого из его членов. Эмпирическая фиксация возрастания критического влияния немассовидного индивида на экономические и политические процессы в эпоху позднего модерна давала надежду на более существенную роль граждан и их самоорганизации в локальных сообществах, прежде всего в городах. Это подтверждалось и зарубежным опытом, в котором конструирование местных сообществ и развитие городов стало признанным мэйнстримовым направлением⁴. Этот процесс, конечно, носит нелинейный характер и пока еще очень прерывист и сложен. Ориентация на массы, а не на индивидуальность, «изъятие» души из социальных процессов, в том числе и политических, стремление управлять массами, создавать товары для масс продолжает лежать в основе современных политических и экономических систем. Однако восприятие мира через призму существования массы и сами

специализированные методы воздействия на массу начинают вызывать раздражение и неприятие у «хлебнувших» индивидуальной свободы людей, ожидающих от мира, от власти, от других людей признания уникальности своей индивидуальности и ценности своей личности независимо от места, которое занимает человек в искусственных иерархиях политической системы и рыночной экономики. Отсутствие такого признания является главной причиной нестабильности существования многих интересующих структур общества, таких как политическое господство, экономическое взаимодействие и т.д.

Джеймс Скотт в своей книге «Благими намерениями государства» выразил эту мысль так: «Официальный порядок всегда до значительной степени паразитирует на непризнаваемых формальной схемой неофициальных процессах, без которых он не мог бы существовать и которые не может сам создавать или поддерживать»⁵. Многие успехи, приписываемые по привычке организациям, структурам, партиям, властным вертикалям — на деле всего лишь паразитирование на инициативе и активности граждан, которые сами подправляют никуда не годные практики и создают новые.

Чтобы проявить и операционализировать эти неформальные процессы Джеймс Скотт вводит понятие «метис», что-то вроде «хитрости», «сметки», «народной мудрости», «практического знания». Такой «метис» не рождается в результате реализации властных полномочий и принуждения. В неволе метис не живет.

В метисе есть что-то близкое Леви-Стросовскому термину «бриколаж» — т.е. некоторым спонтанным действиям без участия оформленных и проверенных технологий. Как писал сам Леви-Строс, «в наши дни бриколер — это тот, кто творит сам, самостоятельно, используя подручные средства в отличие от средств, используемых специалистом»⁶.

Развитие местных сообществ требует, скорее, именно метиса, бриколера, чем властной вертикали.

Неуловимые интеллектуалы

Французский историк Жак Ле Гофф, описывая рождение Европы, отмечал: «Вначале были города. Интеллектуал средневековья на Западе рождается вместе с ними. Он появляется вместе с их расцветом, связанным с развитием торговли, промышленности, как один из тех мастеров, которые водворились в них под влиянием разделения труда»⁷.

Интеллектуалы рождались вместе с городами. И, наверняка, наоборот — города возникают вместе с интеллектуалами и, во многом, создаются ими, т.е. теми, кто наблюдает, размышляет, замечает, классифицирует, оценивает и предлагает, реализуя свое право на город»⁸.

Однако, создание города, развитие местного сообщества и в конечном итоге, собственное развитие, — опасное конкурентное занятие. В записных книжках М.Л. Гаспарова есть упоминание об одной статье в газете 20-х гг., в которой была такая фраза: «Революция толкнула

С. Булгакова на опасный путь осознания происходящего»⁹. Экстравагантный Ирвинг Гоффман много позже в «Анализе фреймов» начал свои оправдания примерно так: «Хотя анализ социальной реальности не сулит ничего хорошего...»¹⁰

Наличие рисков для субъектов понимания и анализа в условиях иерархизированного распределения власти фиксируется многими исследователями. Это и понятно, ибо претендовать на знание и понимание происходящего — значит претендовать на власть, претендовать на город. Определение путей снижения рисков этой конкуренции для реализации права на город или хотя бы на его часть — не менее актуальная для местных сообществ задача, чем определение стратегии и основных направлений деятельности.

Самый легкий, первый путь — герметичность, т.е. закрытость сообщества, его невидимость для внешних наблюдателей и, прежде всего, органов власти. Второй путь — интеграция с властными институтами через встраивание в систему государственно-общественных органов и некоммерческих организаций. И, наконец, третий путь — независимость, неуловимость, основанные: 1) на текучести, мобильности, неподотчетности органам власти (например, отсутствие государственной регистрации как юридического лица, отсутствие четкой структуры и руководящих органов и т.д.); 2) на широком привлечении граждан; 3) на работе в пространствах, в которых органы власти ощущают себя неуверенно и в которых их административные ресурсы малопригодны.

Как ни странно, независимость и неуловимость часто оказывается самой эффективной стратегией в борьбе за идентичность.

Бои за идентичность

Итак, стремление не «впутываться» в прямую политическую борьбу, занимаясь построением местного сообщества и его интеллектуальной среды, приводит местные сообщества к борьбе за символы, за иерархизацию символического пространства города, за осознание и обретение коллективной локальной идентичности.

В целом, эта борьба может быть весьма плодотворной. Коллективная идентичность, т.е. эмоционально важное для человека самоотнесение к какой-либо группе/общности, влияет на способы взаимодействия внутри сообщества, на социальную самоорганизацию и в итоге на качество социальных институтов. Как показывают многочисленные исследования, локальные коллективные идентичности вносят существенный вклад в развитие города, являясь основой для самоорганизации сообщества. «Объединяющие» ценности коллективной идентичности создают сети доверия и увеличивают возможности местных сообществ. При этом значимые для сообщества символы, ложатся на карту места, восстанавливая и усиливая имеющуюся связь, либо привязываясь заново к референтам. Поиски и со-творение таких символов порождают

символическое пространство. Символическое пространство порождает конкуренцию символов. Конкуренция символов порождает символическую политику. Символическая политика определяет несимволические практики. Именно поэтому за структуры идентичности и их наполнение идет борьба на уровне вполне реальной политики¹¹.

Однако, если в «обычной» политике, основанной на перераспределении материальных ресурсов, первенство почти всегда остается за теми, кто обладает политической властью, то символическая политика живет в конкурентной среде. Чтобы отобрать символы и завладеть ими требуются несколько иные компетенции, чем владение материальными ресурсами.

Перефразируя название известной книги Люсьена Февра¹², можно назвать многочисленные проекты борьбы локальных сообществ за свое право на город боями за идентичность. За символы приходится бороться, отстаивая свою локальную идентичность, формируя интеллектуальную среду, создавая сообщество людей, претендующих на развитие местного сообщества. И здесь у местных сообществ гораздо больше шансов, чем в прямом политическом участии.

В борьбе за символы местным сообществам нечего терять, приобретают же они не только символы, но и то, что эти символы обозначают.

Неиерархичная идентичность?

Мы находимся пока в самом начале изучения локальных идентичностей городов России. Но мы можем представить структуру идентичности в виде следующих эмпирически выявленных базовых элементов¹³:

- 1) представления о локальной географии, где находится город;
- 2) значимые места города (символический центр и пр.);
- 3) символические ценности локальной идентичности (предметы гордости, значимые исторические события);
- 4) пантеон героев – реальных и мифических;
- 5) мифы самостояния (представления горожан о себе);
- 6) представления о структуре городского сообщества;
- 7) ритуалы воспроизводства идентичности (общие праздники, регулярные мероприятия).

Если перегруппировать указанные элементы локальной идентичности по трем кластерам, то самым нагруженным окажется кластер «исторических достижений», связанный с богатой историей городов и с попытками использования этих достижений в настоящем. Второй кластер – символы и достижения эпохи модерна, связанные, прежде всего, с советской эпохой, выражен гораздо слабее. Третий кластер, современные символы и мифы, остается практически незаполненным.

При этом ценности совместных действий в локальной идентичности оказываются почти не представленными. Наиболее близкие к действиям ритуалы воспроизводства идентичности достаточно бедны, однообразны и мало чем отличаются друг от друга в различных сообществах.

Локальная идентичность не является закрытой и герметичной, не является иерархически организованной и даже субъектной, – это, скорее, рамочная идентичность с четко выделяемыми элементами, которые являются общими для большинства жителей города и в создании которых жители принимают участие.

Вместе с тем пока не удалось обнаружить и оценить связь элементов локальной идентичности и склонности к солидаризации в сообществе. Возможно, механизмы солидаризации имеют более сложную природу, нежели предполагалось изначально. Видимо, требуется включить в разряд значимых факторов и другие важные параметры, связанные с характером организации сообщества, с доминирующими представлениями о власти, с распределением власти в городе, с социально-политическим порядком в целом.

Аналитические сообщества между символической политикой и несимволической практикой

Противоречивость процесса символического обмена в иерархической системе еще во второй половине XIX в. ярко показал юный бунтовщик Артюр Рембо:

И мать, закрыв Завет, довольная ушла,
Весьма гордясь собой, но видеть не могла,
Как под высоким лбом, где синих глаз свеченье,
Дитяти вольный дух являет отвращенье¹⁴.

Гордыня и самодовольство верхнего уровня иерархии компенсируются легкостью ее обмана и отвращением ко всему, что вбивается силой, мнимой покорностью, которая когда-нибудь выльется в конфликт.

Освоение символического пространства локальными сообществами, конечно, встречается с похожими проявлениями, мимикрией, фальшивыми взаимодействиями и т.д. Один из способов этого избежать – строить взаимоотношения на других принципах, отличных от формальных систем и иерархий. Именно по этому пути идут многие сообщества, свободно располагаясь рядом с формальными иерархическими конструкциями, стараясь не соприкасаться с ними. В какой-то степени к этой деятельности и к людям, ее осуществляющим, применим концепт «аналитические сообщества»¹⁵, и в какой-то степени эту деятельность во многих случаях можно оценивать как весьма успешную.

Теоретически процесс выглядит следующим образом: переосмысление и переструктурирование прошлого, т.е. своеобразное делание истории из подручного материала, формирование насыщенных смыслом и понятных для местного сообщества символов, и, далее, трансфер символов в практики, включая властные, т.е. изменяющие условия жизни сообщества.

Создать городское сообщество, собрать людей, наработать социальный софт для взаимодействия друг с другом, начать формировать независимое интеллектуальное пространство, привлечь людей, вернуть

сообществу привычку и необходимость понимать происходящее, запустить механизмы рефлексии и саморефлексии, причем в публичной сфере — таков функционал аналитических сообществ. И все это таким образом, чтобы люди участвовали в деятельности как индивидуальные, ответственные личности, по собственному рациональному выбору и обдуманному желанию.

Принцип построения и деятельности аналитических сообществ можно было бы обозначить как «демократический интеллектуализм», включающий в себя уверенность в том, что научные знания и интеллект являются важнейшим условием общественного развития; интеллектуальный нонконформизм, т.е. нерелятивистское отношение к процессу познания, знаниям и ценностям; признание ценности и необходимости демократических коммуникаций.

С этих позиций понимание интеллектуальной борьбы за символы и за идентичность в символическом городском пространстве близко к латуровскому термину «пересборка социального», *reassembling the social*¹⁶, т.е. к процессу упорядочивания/конструирования социального городского пространства в целом. Однако как бы красиво все это ни звучало, неиерархическое построение аналитических сообществ, приспособленное для интериоризации символов и выработки направлений символической политики на местном уровне, вступает в противоречие с жестко структурированным политическим пространством распределения ценностей.

Иными словами, аналитические группы и представляемые ими местные сообщества неминуемо встают перед решением фундаментальной проблемы: организации эффективного трансфера символической политики в несимволические практики, т.е. перехода от борьбы за идентичность в символическом пространстве к политическим действиям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Евстифеев Р.В.* После глобализации? Политико-административные преобразования в России в XXI веке. — Владимир: Владимирский филиал РАГС; Транзит X, 2011.

² См.: *Евстифеев Р.В.* Локальные аналитические сообщества как ресурс развития местных сообществ: кейс города Владимира // Новая экономика и региональная наука. 2015. № 1. С. 61–67.

³ См.: Итоговый аналитический отчет о результатах массового опроса населения «Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля». — URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/152/Gorodskie_lokalnie_identichnosti_Analiticheskiy_otchet_o_resultatah_massovih_oprosov_2015.pdf.

⁴ См.: Трубина Е.Г. Город в теории: опыт осмысления пространства. — М.: Новое литературное обозрение, 2011.

⁵ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. — М.: Университетская книга, 2007. С. 495.

⁶ Леви-Строс К. Первобытное мышление. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. С. 126.

⁷ Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 7.

⁸ *Harvey D.* The Right to the City // R. Scholar (ed.). *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003.* — Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 83–103.

⁹ *Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 42.

¹⁰ *Гоффман И.* Анализ фреймов. — М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 62.

¹¹ См.: Национальная идентичность и будущее России. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». — М., 2014.

¹² Февр Л. Бои за историю. — М.: Наука, 1990.

¹³ См.: Итоговый аналитический отчет о результатах массового опроса населения «Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля».

¹⁴ *Рембо А.* Семилетние поэты // *Рембо А.* Пьяный корабль. — СПб.: Петербург-XXI век, 1994. С. 45.

¹⁵ См.: Аналитические сообщества в публичной политике: глобальный феномен и российские практики / редкол.: Н.Ю. Беляева (отв. ред.), Ш.Ш. Какабадзе, Д.Г. Зайцев. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2012.

¹⁶ *Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

REFERENCES

Evstifeev R.V. *After globalization? Politico-administrative reforms in Russia in the XXI century.* Vladimir, Vladimir branch of Russian academy of Public Administration; Transit X, 2011 (in Russian).

Evstifeev R.V. Local analytical community as a resource for the development of local communities: the case of Vladimir. In: *Novaya ekonomika i regionalnaya nauka* [The New Economy and Regional Science]. 2015. No 1, pp. 61-67 (in Russian).

Febvre L. *Combats pour l'histoire.* Moscow, Nauka [Science], 1990 (Russian trans.).

Final analytical report on the results of the survey the mass of the population “Urban local identity as a basis of sustainable local communities. Research city-wide identities residents of Vladimir, Smolensk, Yaroslavl”. Available at: http://www.zircon.ru/upload/iblock/152/Gorodskie_lokalnie_identichnosti_Analiticheskiy_otchet_o_resultatah_massovih_oprosov_2015.pdf (in Russian).

Gasparov M.L. *Entries and notes.* Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie [New literary survey]. 2001 (in Russian).

Goffman I. *Frame analysis*. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2007 (in Russian).

Harvey D. The Right to the City. In: R. Scholar (ed.). *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures 2003*. Oxford, Oxford University Press, 2006, pp. 83-103.

Latour B. *Reassembling the social. An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow, High School Economics Publ., 2014 (Russian trans.).

Le Goff J. *Intellectuals in the Middle Ages*. Saint Petersburg, St. Petersburg's University Publ., 2003 (Russian trans.).

Lévi-Strauss C. *The savage mind*. Moscow, TERRA – Knizhniy klub; Respublica [TERRA Book club; Republic], 1999. 392 p. (Russian trans.).

National Identity and the Future of Russia. Valdai Discussion Club Report . Moscow, 2014 (in Russian).

Rimbaud A. Les poètes de sept ans. In : *Rimbaud A. Le Bateau ivre*. Saint Petersburg, Peterberg – XXI vek [St. Petersburg 21th century], 1994 (Russian trans.).

Scott J. *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. Moscow, Univercitetetskaya kniga [University book], 2007 (Russian trans.).

The analytical community in public policy: a global phenomenon and the Russian practice. N.Yu. Belyaeva, Sh.Sh. Kakabadze, D.G. Zaytsev (eds.). Moscow, ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia], 2012 (in Russian).

Trubina E.G. *City in the theory: the experience of comprehension of space*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie [New literary survey]. 2011 (in Russian).

Аннотация

В статье описываются проблемы формирования локальной идентичности городских сообществ, рассматривается роль местных аналитических сообществ в российских городах. На основе данных социологического исследования представлены структура и основные элементы локальной идентичности, сделаны выводы о том, что задачей местных аналитических сообществ является организация эффективного трансфера символической политики в несимволические практики, т.е. переход от борьбы за идентичность в символическом пространстве к политическим действиям.

Ключевые слова: символическая политика, локальная идентичность, местные аналитические сообщества, структура идентичности.

Summary

The article describes the problems of forming local identity in city communities, examines the role of local analytical communities in Russian cities. Based on social research, it presents the structure and the main elements of local identity. Conclusion is that the task of a local community is to provide the efficient transfer of symbolic politics to non-symbolic practices, that is, the transition from the struggle for identity in the symbolic space to political action.

Keywords: symbolic politics, local identity, local community analysis, the structure of identity.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Зарубежная философия. Современный взгляд

ФИЛОСОФИЯ В ДВИЖЕНИИ: РАДИКАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ КАРЛА ЯСПЕРСА*

О.А. ВЛАСОВА

О философии Ясперса по всему миру написано много, и с каждым годом исследовательский интерес только нарастает. В 2013 г. отмечался юбилей «Общей психопатологии», оставивший след в многочисленных журнальных публикациях и сборниках. Философский мир уже не один год ждет трехтомного издания переписки, издание откладывается с каждым месяцем и с каждым месяцем подогревается интерес. Анонсировано полное собрание сочинений в 50 томах, работа над которым только по предварительным предположениям самих издателей займет лет 15.

Однако, несмотря на обилие критической литературы и уже классичность Ясперса для философии, какие-то новые подходы к его творчеству – в последнее время редкость. Все регионы его мысли уже давно проанализированы, самые важные исследовательские находки сделаны еще его знаменитыми современниками. Большинство из работ развивают его подход, осваивая посредством него новые пространства. Ясперс писал хотя и очень глубоко, но ясно. Эта ясность способствовала его скорейшему пониманию.

Кроме того, в ряду тех философов, которых принято называть экзистенциалистами, или философами экзистенциальными, о самобытности и специфичности Ясперса говорят гораздо меньше, чем о самобытности других. Новаторство Хайдеггера не вызывает сомнений, и именно его называют той фигурой, которая знаменует разрыв и поворот экзистенциальной философии. Точно такой же эпохальной личностью является для французской философии Сартр, и не только в метафизическом, но и в политическом плане. Ясперс в этом ряду как-то отходит на второй план.

Конечно, много написано об экзистенции и коммуникации, об осевом времени и понимающей психологии, об объемлющем. Но ча-

* Работа подготовлена в рамках проекта «Концептуальный анализ философии Карла Ясперса в свете биографического подхода» по Гранту Президента РФ по государственной поддержке научных исследований молодых российских ученых – докторов наук (МД–205.2014.6).

сто постулирование новизны концептов и отдельных ходов заменяет исследование новизны подхода. Не поставленным остается принципиальный вопрос: кем был Ясперс в своей философии – традиционалистом или новатором, и в чем новизна его подхода? Не было ли радикального поворота Ясперса?

Каждое из популярных Ясперсовых понятий указывает на более глубокий онтологический, методологический слой его мысли, мысли совершенно своеобразной, живой и могущей сохранить жизнь в современной философии. В дискуссиях о призвании философа, о смерти классической мысли, о ненужности философии мысль Ясперса – это то, к чему нужно обратиться прежде сего. Почему это нужно сделать, я попытаюсь показать.

Концептуальный строй: философия в движении

Если собрать на одной полке все Ясперсовы работы, поддержать их в руках, попробовать некоторые на вес, сразу же приходит ощущение, что мысль этого философа подобна какой-то машине, необычайно разросшейся системе, в которой есть все и обо всем. Она имеет более или менее устойчивую концептуальную сетку: из работы в работу Ясперс использует фиксированный набор понятий, ядром которых являются концепты «экзистенция», «трансценденция», «разум», «коммуникация», «объемлющее», «история». Эти концепты дополняются некоторыми другими, но в целом сохраняются на протяжении всего творчества. Кроме того, каждый из них цепляется за другой.

Центральная категория философии Ясперса, пожалуй, – *экзистенция*. Онтологически экзистенция – это то, что есть вместе с мировым бытием, что может быть и что должно быть; антропологически – то, что есть я сам как существование; гносеологически – то, что не может быть объективно познано, но что может лишь развертываться в бытии. Человек представляется как «возможная экзистенция в *существовании*», где существование – это бытие конкретного человека, бытие, которое может жить или умереть, экзистенция же – это то, что надвременно и что предстает в существовании как свобода. Экзистенция развертывается в мире как поле, в котором она предстает перед самой собой, которое она познает и в котором она просветляет саму себя. Она недоступна мышлению и есть постоянно развертывающееся существование. Ее невозможно зафиксировать и помыслить как результат, она ускользает от всякой объективации и открыта сомнению. «Экзистенция – не цель, но *исток* философствования, охватывающего себя в ней»¹, – заключает Ясперс.

Экзистенция всегда предполагает *разум*, а разум экзистенцию. «Они один от другого неотделимы, – подчеркивает Ясперс. – Каждый из них утрачивается там, где утрачивается другой... Экзистенция делается *ясной* для себя только благодаря разуму; разум получает *содержание* только благодаря экзистенции... они взаимно вызывают друг друга к

жизни, находят друг в друге ясность и действительность для себя»². В экзистенции достигается средоточие философствования, но оно становится фактическим и историческим только в разуме и всегда отсылает к нему. Для Ясперса разум есть всегда присутствующая связь всех способов бытия, объединяющий их исток, однако его нельзя схватить в целостности в какой-то одной из форм.

До войны Ясперс предпочитал характеризовать свои идеи как философию экзистенции, а после – как философию разума. Центральное значение для Ясперса здесь имеет формирующая природа разума. Экзистенция – это то, что подлежит просветлению, разум есть форма, которую это просветление обретает. Как экзистенция, так и разум не могут существовать в-себе: устремляясь вперед, они всегда ищут свое иное и обретают его в *коммуникации*, которая обеспечивает связность и целостность экзистенции, развивает единство в разуме. Коммуникация бесконечна, открыта, свободна³. Она не есть обмен мнениями или отстаивание точки зрения, скорее, она устремлена на постоянное прояснение, путь к истине, развертывание экзистенции и продвижение в разуме философствующих людей. Для коммуникации не обязателен реально присутствующий собеседник, она может разворачиваться сквозь пространство и время: с людьми других эпох и других стран. Она дает разуму его иное, обеспечивает полемику в разуме, и, что самое важное, она открывает для разума и экзистенции горизонт.

Бесконечную коммуникацию, размыкание разума и динамическую природу экзистенции Ясперс объединяет в понятии объемлющего, принципиальном для его «Философской логики». Он описывает мышление человека как «широчайший горизонт возможного»: всякий предмет нашей мысли отсылает нас к чему-то еще. Это «что-то еще» как максимально общий горизонт мышления Ясперс обозначает как *«объемлющее»* и определяет его так: «...целое как предельная, опирающееся на себя самое основа бытия, идет ли речь о бытии *в себе* или бытии для нас»⁴. Оно – горизонт нашего мышления, опосредованно предстающий в мире и нас самих. Поэтому невозможно никакое позитивное знание об объемлющем, невозможна рационалистическая философия объемлющего. Объемлющее предстает только в поиске истины, в движении. Здесь нет никакой определенности, никакой формы, реальности и данности. Этот поиск сродни тому, что ведется в философии экзистенции.

Посредством понятия «объемлющее» Ясперс очерчивает и специфику философии в ее отличие от науки: если наука занимается конкретным и данным, то философия следует за постоянно расширяющимся горизонтом объемлющего. «Без объемлющего, – отмечает Герхард Кнауус, – философия бы осталась, подобно науке, ограниченной и была бы неспособна увидеть глубины»⁵. Можно добавить, что без этого понятия была бы немыслима и философия Ясперса как таковая. Посредством него он переходит к построению собственной динамиче-

ски ориентированной философии: того, что потом он станет называть философствованием. Кнауусу это позволяет называть логику объемлющего «органом философии Ясперса»⁶.

Динамичный горизонт объемлющего влетает в философию Ясперса тему *историчности*. Как указывает Курт Хофманн, «то, что Ясперс называет историчностью (*Geschichtlichkeit*)... больше чем любое другое понятие показывает его отход от философской традиции»⁷. Смыслы историчности для Ясперса многообразны. Она часто используется для характеристики процесса: индивидуальное существование, к примеру, всегда исторично, поскольку процессуально, поскольку характеризуется развитием. Точно так же историчен мир, в силу динамизма происходящих в нем событий. Исторична коммуникация. Однако Ясперса больше интересует другой смысл историчности: как одной из сторон человеческого существования, развития мира и т.д.

Для Ясперса историчность как сторона бытия есть воплощение конкретности: существования, коммуникации, свободы, трансценденции. Она — оппозиция вечности как вневременности. Историчность ограничивает свободу фактом и событием; задает границы коммуникации ситуацией; приводит экзистенцию к существованию, и последнее наделяет конкретным событийным и психологическим контекстом; она дает шифр трансценденции и имплицитно обеспечивает возможность для его просветления. Связность прошлого, настоящего и будущего как раз и способствует размыканию разума, построению открытого горизонта событийности, устремленности к бесконечному развитию. Для Ясперса «незавершенность человека и его историчность — одно и то же»⁸.

Принципиальную незавершенность Ясперс обозначает и еще одним понятием — «трансценденция». Это специфический остаток познания, то, что имеется наравне с бытием познанным, то, что нельзя схватить как данность, но что составляет исток всего. Бытие не может быть помыслено, стать предметом или предикатом мышления, но может существовать лишь в единстве с расшифровывающей его экзистенцией. При этом соприкосновение с бытием, трансцендирование имеет для нее центральное значение, позволяя двигаться вперед и всегда пребывать в изменении. «Она, — подчеркивает Ясперс, — сохраняет свою возможность, только если знает себя основанной в трансценденции. Она теряет открытость собственному становлению, если считает себя самым подлинным бытием»⁹. Устремленность экзистенции к трансценденции, диалектическая взаимосвязь экзистенции и разума указывают на основное качество философии Ясперса, и это качество — динамизм.

Если повнимательнее присмотреться к концептам экзистенции и разума, истории и трансценденции, то заметно, что в своей философии Ясперс стремится не к определенности и завершенности, а напротив, к постоянной динамике и движению. Он жаждет не остановиться, а пойти дальше. Экзистенция всегда отсылает к существованию и ди-

намике душевной жизни, связанной с непредсказуемостью ситуации, разум отмечает работу мышления и воли. И экзистенция, и разум раскрываются в непрерывной коммуникации. Весь мир открывается человеку как история, как единство прошлого, настоящего и будущего. И остановиться, даже на миг, невозможно: за одним горизонтом открывается только новый горизонт.

Где та устойчивость и опора системы, которой были отмечены классические философии, где определенность, которая должна быть свойственна философии в силу ее характера как науки? Этого Ясперс как раз и стремится избежать. Он предлагает нам говорить не о философии, а о философствовании — живом философском опыте. У философии Ясперса нет никакой укорененности, причем укорененности не в плане онтологии, а в плане устойчивости: она не останавливается ни на миг.

Философская практика: регионы философствования

Концептуальный строй философии Ясперса оформляется в последовательности его работ, более или менее законченный вид он приобретает в трехтомной «Философии» (1931). Во всех своих концептах, в развиваемых регионах мысли до и после этого масштабного труда Ясперс устремляется к истоку динамизма, к динамизму самому по себе — к жизни. Он начал свой профессиональный путь не как философ, а как психиатр. Каждый день он наблюдал «многоцветные» картины душевной жизни. Она была столь интенсивной, что о ней приходилось заговорить волей-неволей.

В своей устремленности к жизни Ясперс идет по стопам В. Дильтея. И хотя сам он не признавал доминирующего влияния Дильтея на свою мысль, это влияние отчетливо заметно на уровне стиля философствования. Хотя у Ясперса и нельзя найти жесткой критики предшествующей философской традиции, своей философией он демонстрирует четкий разрыв с ней: он переходит от онтологии к философии объемлющего, от системы к систематике, от классической истории философии к коммуникативной, от философии самой по себе к философствованию.

Ясперс стремится отойти от традиционной онтологии и поставить на ее место *философскую метафизику* (как просветление трансценденции) или *философскую логику* (как исследование форм объемлющего). В «Философии» он расценивает традиционную онтологию как тупиковое направление исканий. «Онтология должна распасться»¹⁰, — подчеркивает он, и в этом неприятии всякого учения о бытии он открыто противостоит идеям своего друга и оппонента М. Хайдеггера. На его взгляд, онтология предполагает знание о бытии, выраженное в понятиях, относительно завершенное, упорядоченное и систематичное. «Она, — настаивает Ясперс, — приковывает нас к ставшему объективным бытию и отменяет свободу.. Она видит бытие как единое и множественное, но не как бытие возможной экзистенции, которое может

быть только этим»¹¹. Усвоение традиции онтологии поэтому предполагает, по Ясперсу, ее расчленение, т.е. постепенное освобождение ее от наслоений с целью вскрыть тот ее пласт, который обращается к самому бытию, а не выражает его на языке понятий. Всякой онтологии при этом еще предстоит стать метафизикой. Философская метафизика дает не знание о бытии, а опыт бытия, соединяя экзистенцию и трансценденцию, и в этом ее принципиальное отличие от онтологии.

В «Философской логике» он продолжает развивать эту критическую линию и противопоставляет онтологии философскую логику, а также перихонтологию¹². Последняя понимается им как онтология объемлющего, первая — как исследование его форм. Онтология объемлющего — это первая философия, всеохватывающий опыт мышления, который может открыть дорогу для всякого другого осмысления мира и человека. Это намеренный отказ от всякого законченного знания и обращение к открытому горизонту. Она, как развиваемая ранее философская метафизика, «схватывает» бытие в момент столкновения, как модус объемлющего. Новая онтология Ясперса не формулирует, да и не задается целью сформулировать никакие четкие принципы и аналогии, у нее нет никакой устойчивой позиции или мировоззрения, ее содержание не исчерпывается тем, что может быть выражено в понятиях, она выражает лишь косвенно, устремляется к истокам, и в целом прояснение объемлющего, которое осуществляется в ее рамках, не связано с осмыслением его как предмета, в отличие от такового в онтологии. «Цель, а тем самым — и смысл философской мысли, — разъясняет Ясперс, — заключается не в знании о предмете, а скорее, в изменении нашего сознания бытия и нашей внутренней установки в отношении к вещам... Человек способен с чуждой фанатизма безусловностью, с неизменно открытой решительностью искать путь своей истины»¹³. Это философское просветление объемлющего, это, скорее, изучение пред-логического, а не логического.

Изменение характера онтологии приводит у Ясперса и к трансформации теории познания, накладывающей непосредственный отпечаток на понимание им предназначения и статуса философии. На протяжении всего творчества Ясперс будет четко отличать философию от науки и настаивать на недопустимости ее трактовки как объективного познания. Философия, по его мысли, всегда надстраивается над наукой и принципиальным образом отличается от нее. Начавшееся с Декарта подчинение философии науке привело ее к ложному объективизму и неоправданному догматическому рационализму¹⁴. Философия стала всего лишь ветвью науки и забыла о своем предназначении просветления трансценденции и открытия истины, о живом опыте мышления.

Ясперс убежден, что понимание философии как науки, как законченной системы знаний, должно быть преодолено, если она желает установить связь со своими собственными истоками и осознать свою

природу. «Вслед за обретением независимости от божественного откровения новая философия попала в зависимость от современной науки — это роковая для нее ошибка; оттого, начиная с Нового времени, великая философия предстает в несоответствующих ей одеждах. В этом отождествлении себя с современной ей наукой она утрачивала себя. К тому же, ей нечем было ответить на требование объективной достоверности научного познания. Как следствие, она получила пренебрежение и постоянные поиски цели. Современная философия может обрести свой истинный образ, только если сбросит одежды, которые носит, — будь то религиозное и церковное мышление или современная наука — и осознает, что они ей не подходят. Смотря на них со стороны, она вновь наладит связь со своими вековыми истоками»¹⁵.

Природа философии — трансценденция: она превосходит реальность, возвышается над ней, а не растворяется в ней. Философия идет к истине, которая не доступна посредством науки: той, которая не ограничивается пределами разума. В этом поиске нет никакой устойчивости и однозначности, нет никаких окончательных ответов и правильных вопросов. Это движение философского существования происходит посредством разума, в постоянном открытии все новых и новых горизонтов. Наиболее емко Ясперс определяет философию в следующем высказывании: «Таким образом, существование философии есть прежде всего дело отдельного человека, в качестве которого она должна иметь свой характер, необходимый в силу его ситуации в существовании. Затем, философия, как формация мысли, в ее сосредоточении на едином, есть становление системы. И наконец, во упоминающей коммуникации философствования она действительна как история философии»¹⁶.

История философии для Ясперса становится основной формой философского поиска. Философия раскрывается как опыт общения с другими философами, причем, общения через века. Поэтому история философии Ясперса, как справедливо отмечает Х. Занер, имеет коммуникативный характер¹⁷: это общение с великими философами в разворачивании собственной экзистенции. «Там, где имеет место подлинное озарение экзистенции, разворачивающаяся экзистенция философа разжигает пламя экзистенции того, кто мыслит с ним в унисон, передавая ему стремление обратиться к самому себе»¹⁸, — характеризует эту специфику философии Ясперса Эдвин Латцел.

История философии у Ясперса основана на понимающей коммуникации, в которой исследователь-философ вступает в отношения с «тенью прошлого», обращает к ним современные ему вопросы, вслушивается в их ответы и вскрывает тем самым грани истины, грани объемлющего. Для исследователя она способствует его собственному философствованию, пониманию самого себя, обретению мужества или смирения. «История философии открывается мне только в единстве с моим открытием себя

самого»¹⁹, — подчеркивает Ясперс. Путем обращения к «чужому», путем сравнения и различения проясняется и «свое» собственное мышление.

Для истории философии, как и для других пространств мысли Ясперса, характерна диалектическая трактовка. Он считает, что в извечном пространстве подлинности есть и подлинная, вечная философия, *philosophia perennis*, — та целостная философия, которую никто не сможет обрести, но которая выражается в системах великих философов. Вечность для Ясперса, как это ни странно, — залог современности философии. Обращение к прошлому дает стимул для развития в настоящем, и это расстояние запускает душевное движение. «Философия, — подчеркивает Ясперс, — никогда не бывает будущей, но всегда современна»²⁰. Нельзя ни обновить философию, ни предложить какую-то ее новую модель, поскольку суть философии — обращение к трансценденции, к вечной истине и одновременно мысль в настоящем, философский опыт, философская практика.

Практика философии, как и всякая практика, для Ясперса неопишима. Он говорит, что невозможно объяснить, что есть философия, и поэтому невозможно научить ей. В 1960-е гг., в одном из интервью, он подчеркивает, что философия ускользает от всякого определения, ее нельзя очертить устойчивым кругом проблем, и в этом отношении сближает ее с опытом. Тогда, пытаясь конкретно разъяснить свою мысль, Ясперс сравнивает философию с плаванием, и замечает, что стоять на берегу и говорить о плавании — это одно дело, а плавать — совсем другое. Говорить о методах философии, о ее проблемах — это все равно, что рассуждать о плавании и о пловцах. «Если я на самом деле философствую, это значит, что я уже прыгнул в воду»²¹, — заключает он.

Сам Ясперс, особенно в поздние годы, всячески избегал употребления самого понятия «философия», когда речь шла о ее практике. Для него, как отмечает П. Шильпп, «если речь шла о “философии”, то это уже означало, что утрачивается сущность философии»²². Термин «философия» предполагал завершенность, ограниченность, стремление к системе и исключал развитие, возможность пересмотра и личное участие. «Философия» означала завершенное мировоззрение, «философствование» — постоянный и непрекращающийся процесс.

Еще с 1930-х гг., начиная с работ о Ницше и Вебере, Ясперс будет акцентировать принцип единства жизни и мысли, и превратит собственную жизнь в путь философствования, подчинив ее цели поиска истины и непрестанной работе с текстами. Его жизнь и была его философией. Пытаясь описать эту неуловимую сущность, Голо Манн пишет: «Человек никогда не должен сдаваться. Философия должна быть. Но какой она должна быть в наше время? Глубокая и впечатляющая жизнь Ясперса — единственно возможный ответ на этот вопрос»²³. Так Ясперс воскресил старый и известный с Античности смысл философии как практики личности в определенной исторической ситуации.

Философствование как опыт преобразования личности, как практика мысли — это единственно возможный путь философии для Ясперса. Его принципиальное новаторство состоит в попытке обратиться от системы к систематическому мышлению, в динамичных понятиях, в стремлении ввести в философию развитие. Все самые важные концепты его философии не могут быть четко определены, нельзя выстроить никаких строгих категориальных рядов, ведь невозможно дать завершенного определения ни экзистенции, ни свободе, ни коммуникации, ни трансценденции. Как совершенно справедливо подчеркивает Курт Хоффман, «философия Ясперса характеризуется необычайной внутренней напряженностью, движением, которое сопротивляется концептуальному анализу, и по отношению к которому анализ, вычлняющий статические понятия из развивающегося потока мысли, не может быть успешен»²⁴. В концептуальном анализе, в попытке вычлнить категориальную сетку, мы видим лишь связку, а не статический набросок.

В основных пространствах философии Ясперс совершает радикальный по своему характеру отход от классической философии. Онтология и теория познания, антропология и история философии подвижны у него принципиально иными задачами. Философия не может дать объективное описание мира, она не может дать целостную его картину, поскольку картина эта всегда будет лишь карикатурой. Что делать философии в этой ситуации? Если она — лишь практика, лишь форма личностного опыта, что она может дать науке, какую пользу философ может принести современникам?

Возвышаясь над наукой, философия ставит вопрос о ее методах и концептах, она подвергает рефлексии ее основания, противостоит догматизму. Представляя собой рефлексию современности, она служит критическим самосознанием эпохи, обращает культуру и время к самим себе. Основной функцией философии, тем самым, у Ясперса становится освобождение и развитие самосознания: самосознания человека, науки, общества, культуры, эпохи.

Соавтор Ясперса по последнему изданию «Идеи университета» Курт Россмэнн в своем послесловии к трем послевоенным выступлениям Ясперса говорит о связи его философии с критической мыслью Ницше и Кьеркегора. Эта связь, на его взгляд, основана на отказе от всеохватывающей онтологии и поиске новых путей философского мышления. Для Ясперса, как разъясняет он, не может быть философии как готового знания, которое можно систематизировать и представить как единый корпус. Философия есть выражение интегрального качества природы человека — его свободы, и всегда связана с конкретной ситуацией самого философствующего человека. Свобода философствования и есть воплощение свободы человека: это мышление о мышлении,

воплощенная в коммуникации свобода человека как внутреннее действие. «Если, — пишет Россмэнн, — философию Ясперса и можно охарактеризовать какой-то фразой, то только как философию свободы»²⁵.

В динамизме, в обращенности к жизни мышления и опыта, в отходе от классических схем, в попытке обратиться от теории к практике Ясперс предлагает неклассическую попытку определения смысла философии в современном ему мире. Если повнимательнее вчитаться в его работы и одновременно хорошенько оглядеться вокруг и посмотреть на наш современный мир, то оказывается, что его философский призыв по-прежнему актуален.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / пер. А.К. Судакова. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. С. 4, 7.

² Ясперс К. Разум и экзистенция / пер. А.К. Судакова. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013.

³ См.: Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen, politisches Bewusstsein in unserer Zeit. — München: R. Piper, 1958. S. 313–314.

⁴ Ясперс К. Разум и экзистенция. С. 44.

⁵ Knauss G. The Concept of the «Encompassing» in Jaspers' Philosophy // The Philosophy of Karl Jaspers. Ed. P.A. Schilpp. — N. Y.: Tudor, 1957. P. 170.

⁶ Ibid.

⁷ Hoffman K. The Basic Concepts of Jaspers' Philosophy // The Philosophy of Karl Jaspers. P. 101.

⁸ Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. М.И. Левиной. — М.: Политиздат, 1991. С. 242.

⁹ Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика / пер. А.К. Судакова. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. С. 6, 8.

¹⁰ Ясперс К. Философия. Книга третья. С. 199.

¹¹ Там же. С. 200.

¹² Jaspers K. Philosophische Logik. Bd. 1: Von der Wahrheit. — München: Piper, 1947. S. 158–161.

¹³ Ясперс К. Разум и экзистенция. С. 69, 71.

¹⁴ См.: Jaspers K. Descartes und die Philosophie. — Berlin; Leipzig: W. de Gruyter & Co., 1937.

¹⁵ Jaspers K. Wahrheit und Wissenschaft // Philosophische Aufsätze. — Frankfurt a. M.; Hamburg: Fischer Bücherei, 1967. S. 68.

¹⁶ Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире / пер. А.К. Судакова. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. С. 292.

¹⁷ Saner H. Nachwort // Jaspers K. Aneignung und Polemik. Gesammelte Reden und Aufsätze zur Geschichte der Philosophie. Hrsg. H. Saner. — München: R. Piper, 1968. S. 503.

¹⁸ Latzel E. The Concept of «Ultimate Situation» in Jaspers' Philosophy // The Philosophy of Karl Jaspers. P. 205.

¹⁹ Ясперс К. Всемирная история философии. Введение / пер. К.В. Лошевского. — СПб.: Наука, 2000. С. 109.

²⁰ Philosophie und Welt: Ein Gespräch, mit Francis Bondy über den Einfluß der Philosophie (1962) // Provokationen. Gespräche und Interviews. Hrsg. H. Saner. — München: Piper, 1969. S. 44.

²¹ Wie kommen Sie zu Ihrem Urteil, Herr Professor? Ein Interview von Armin Eichholz (1966) // Gespräche und Interviews. S. 179.

²² Schilpp P.A. Preface // The Philosophy of Karl Jaspers. P. xi.

²³ Mann G. Freedom and the Social Sciences in Jaspers' Thought / Trans. R.J. Doney // The Philosophy of Karl Jaspers. P. 564.

²⁴ Hoffman K. The Basic Concepts of Jaspers' Philosophy. P. 95.

²⁵ Rossmänn K. Nachwort // Jaspers K. Über Bedingungen und Möglichkeiten eines neuen Humanismus (Drei Vorträge). — Stuttgart: Philipp Reclam Jun., 1965. S. 89.

REFERENCES

Jaspers K. *Descartes und die Philosophie*. Berlin; Leipzig, W. de Gruyter & Co., 1937. 104 S.

Jaspers K. *Die Atombombe und die Zukunft des Menschen, politisches Bewusstsein in unserer Zeit*. München, R. Piper 1958. 506 S.

Jaspers K. *Philosophische Logik*. Bd. 1: Von der Wahrheit. München: Piper, 1947. 1102 S.

Jaspers K. *Philosophy*. Vol. 1: Philosophical World Orientation. Russian trans. by A.K. Sudakov. Moscow, Kanon+, 2012. 384 p.

Jaspers K. *Philosophy*. Vol. 2: The Illumination of Existence. Russian trans. by A.K. Sudakov. Moscow, Kanon+, 2012. 448 p.

Jaspers K. *Philosophy*. Vol. 3: Metaphysics. Russian trans. by A.K. Sudakov. Moscow, Kanon+, 2012. 296 p.

Jaspers K. *Provokationen. Gespräche und Interviews*. Hrsg. H. Saner. München, Piper, 1969. 223 S.

Jaspers K. *Reason and Existence*. Russian trans. by A.K. Sudakov. Moscow, Kanon+, 2012. 336 p.

Jaspers K. *The Origin and Goal of History*. Russian trans. by M.I. Levina. Moscow, Politizdat [Publishing House of political literature], 1991. 527 p.

Jaspers K. Wahrheit und Wissenschaft. In: *Philosophische Aufsätze*. Frankfurt am Main; Hamburg: Fischer Bücherei, 1967. S. 62–77.

Jaspers K. *World History of Philosophy: Introduction*. Russian trans. by K.V. Loshevskiy. Saint Petersburg, Nauka, 2000. 272 p.

Rossmänn K. Nachwort. In: Jaspers K. *Über Bedingungen und Möglichkeiten eines neuen Humanismus* (Drei Vorträge). Stuttgart, Philipp Reclam Jun., 1965. S. 83–90.

Saner H. Nachwort. In: Jaspers K. *Aneignung und Polemik. Gesammelte Reden und Aufsätze zur Geschichte der Philosophie*. Hrsg. H. Saner. München, R. Piper, 1968. S. 503–510.

Schilpp P.A. (ed.) *The Philosophy of Karl Jaspers*. New York, Tudor, 1957. 934 p.

Аннотация

Статья представляет собой попытку исследования философии Ясперса как новаторского подхода, радикальным образом отличного от классической традиции. В качестве основных характеристик этого подхода называются: динамизм, стремление отказаться от построения системы в пользу систематичного мышления, понимание философии как практики мысли, укорененной в конкретной исторической ситуации. Проводится концептуальный анализ идей Ясперса, проясняется авторское понимание основных пространств философии: онтологии и теории познания, истории философии.

Ключевые слова: К. Ясперс, философствование, история философии, экзистенция, коммуникация.

Summary

The paper discusses Jaspers' philosophy as an innovative approach which is radically different from the classical tradition. The main characteristics of this approach are dynamism, resignation of the system in favor of systematic thinking, understanding of philosophy as a practice of thought, rooted in a particular historical situation. Author presents the conceptual analysis of Jaspers' ideas, clarifies his understanding of basic philosophical fields: ontology and epistemology, history of philosophy.

Keywords: Jaspers, philosophizing, history of philosophy, existence, communication.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ ФРИДРИХА ШЛЕГЕЛЯ

А.А. ЧЕРНИЧКИНА

Высшее благо и единственно полезное – культура.
Ф. Шлегель

На протяжении уже более двух столетий наследие Фридриха Шлегеля (1772–1829) привлекает пристальное внимание исследователей немецкого романтизма. Как нераскрытая тайна, как сложная головоломка, его фрагментарная философия по-прежнему вызывает интерес и желание быть разгаданной. Этому многосторонне развитому ученому принадлежит ведущая роль в формировании идеалов романтизма, в то же время и сам его творческий путь выступает как яркий пример всего того, что стало характерным для всего движения: нелинейность, фрагментарность, принципиальная недосказанность и дихотомия противоречий, сплетающихся в единую органическую структуру.

Именно Шлегель сформулировал само понятие романтической поэзии¹, издавал с 1798 по 1800 г. журнал «Атенея», ставший глашатаем идей йенских романтиков, открывал новые дарования и поддерживал молодых талантливых поэтов и ученых. По признанию современников, он с ранних лет стремительно переходил от одной области интересов к другой, постоянно находился в поиске и пытался охватить такое многообразие тем, что «материала в нем могло бы хватить на двух или трех гениев»². Результатом его плодотворных занятий в разных областях стали работы по филологии, философии, истории и литературе.

Уже в ранние годы своего творчества (первая половина 1790-х гг.) Шлегель начинает размышлять о проблемах поэзии и расширяет их на все пространство культуры. Рудольф Гайм в своем обширном исследовании «Романтическая школа» характеризовал его ранние статьи как попытку выйти с уровня рассуждения о конкретных поэтических памятниках на уровень конструирования общих и универсальных законов искусства³. Суждения Шлегеля о поэзии в его ранних статьях «О границах прекрасного» (1794), «О ценности изучения греков и римлян» (1797), «Об изучении греческой поэзии» (1795–1796) могут с тем большим основанием быть поняты более широко – как суждения об искусстве и о культуре в целом, если учесть его собственную установку: «Что верно относительно целого, верно и по отношению к отдельной части: как современная культура вообще, так и современная поэзия представляют собой связное целое»⁴.

Упомянутые сочинения Фридриха Шлегеля, посвященные прославлению классической культуры, во многом основаны на работах Винкельмана, утверждавшего, что именно греки в изобразительном искусстве достигли воплощения высшего объективного идеала красо-

ты. Стремясь продолжить труд Винкельмана в области искусства, но на материале античной поэзии, он основывался на принципе существования идеального мира прекрасного, автономного от условий времени и национальных особенностей⁵. Шлегель анализирует европейскую культуру Нового времени и сравнивает ее с главным образцом — с Античностью. Что характерно, современная культура подвергается им глубокой критике в противопоставлении с живым, но утерянным античным идеалом культуры.

В силу традиции⁶, Фридрих Шлегель разделяет культуру европейских стран на два фундаментальных периода — древний и современный. Под древним или классическим понимается культура греков и римлян периода Античности, под современным соответственно все остальное, но главным образом, то, что сейчас нам легче всего представить под названием Нового времени. Средневековье эта традиция, идущая от классицизма, вообще не учитывала. В дальнейшем именно романтикам принадлежит первенство в открытии Средних веков как своеобразной и чарующей эпохи. Возрождение представляет более серьезную проблему в данной периодизации, хотя великие поэтические произведения Данте, Сервантеса, Боккаччо однозначно рассматриваются Шлегелем как часть современной культуры.

Говоря о современности, Шлегель оправдывает свое стремление анализировать духовное наследие разных европейских народов и эпох как единое целое следующим образом: «Верно, что при всем своем своеобразии и различии отдельных наций европейская система народов обнаруживает во многих следах, сохранившихся от прежних эпох, одинаковое и общее происхождение своей культуры благодаря явно сходному духу языков, законов, обычаев и установлений»⁷. Связанные общей религией, множественными взаимовлияниями, европейские народы имеют так много родственного и общего, что культура их может рассматриваться только как целое.

Итак, в своих «неоклассических» сочинениях Шлегель видит современную культуру раздробленной, лишенной прочного основания и развивающейся хаотично. Ее развитие направляет не внутренний закон, а внешний — закон моды, требования публики. Толпы «не столько диких, сколько извращенных, не столько необразованных, сколько ложно воспитанных людей готовы наполнить свое воображение всем, что только странно и ново, чтобы лишь чем-нибудь заполнить пустоту своей души»⁸. Этот жадный поиск нового не позволяет культуре размеренно развиваться по собственным органическим законам, но вызывает бурные волны временного признания, поднимающие на краткий момент одного художника на пик славы и всеобщей любви лишь затем, чтобы вновь свергнуть его и вознести другого. В таких условиях невозможно установить общие ценности в искусстве, критерием оценки тогда выступает лишь удивление. В ход идет все, что

способно поразить публику, будь то устрашающее или отвратительное. Служа страстям и причудам, искусство неизбежно заходит в тупик, теряя свои истинные цели.

Стремясь к постоянному обновлению, современная культура приходит к смешению всевозможных жанров и стилей. Это состояние, когда одно искусство вторгается в область другого, Шлегель называет анархией: «...философия поэтизирует, а поэзия философствует»⁹, драма становится лирической, а лирика становится предметом драмы. Всевозможные новые жанры, специфические и нацеленные на определенную публику появляются и уходят, сменяясь новыми: народные героические оды, истории о привидениях, рыцарские поэмы и подражания Античности. С каждым наслаждением желания становятся все острее, с каждым свершением требования повышаются, и надежда на конечное удовлетворение отодвигается все дальше и дальше. Новое становится старым, редкое — обыденным, и острые раздражители притупляются. «При меньшей силе и более вялом художественном инстинкте притупившаяся восприимчивость доходит до полного бессилия; дряблый вкус не желает каких-либо иных блюд, кроме отвратительных непристойностей, пока вообще не отомрет, кончив абсолютным ничтожеством»¹⁰.

Все это отнюдь не означает, что в современности Шлегель не находил достойных произведений искусства: «В ней множество отдельных великолепных красот, но нет согласия и завершенности, возникающих только из покоя и удовлетворенности, нет совершенной красоты»¹¹. Даже в этот период увлечения классическим искусством, он восхищался произведениями Шекспира, Данте, Гёте, увлекающими и покоряющими своей безмерной мощью. Однако именно на примере сильных сторон лучшего искусства современности он видел нагляднее всего ее общий недостаток — отсутствие единства и приносящей удовлетворение завершенности. Особая сила этих выдающихся произведений — следствие такого порыва духа, который близок к надрыву, максимального напряжения, не уравновешенного спокойным созерцанием. Вполне в согласии с Лессингом¹² он говорит о чрезмерном стремлении современных поэтов к изображению смятения, отчаяния, трагедии социальной или нравственной, а вовсе не к изображению спокойной гармоничной красоты, которая должна быть господствующим принципом всякого искусства. Сейчас же, если «и встречается тихое чаяние этой совершенной красоты, оно выражается не в спокойном наслаждении, а в неудовлетворенном томлении»¹³.

Расколотовость и бесконечную неполноту современной культуры Фридрих Шлегель в своих ранних работах противопоставляет прекрасному образцу классической древности: «Полнота и определенность — отличительные признаки древних»¹⁴. И особую трагедию истории видит он в том, что высший пик культуры уже был однажды достигнут, но затем

безвозвратно потерян. Однако этот пример Античности, по глубокой убежденности Шлегеля, способен стать примером для современности. Не сухое подражание грекам, как предлагали классицисты, а обнаружение у греков идеального принципа искусства, согласно Шлегелю, могло привести человечество к новому «Золотому веку» и возрождению подлинного искусства. В чем же, по его мнению, заключалась особая полнота, загадка совершенства классической культуры?

Всякая культура есть отражение взаимоотношений человека с природой — там, где искусство и природа приходят к полной гармонии, культура достигает высшего совершенства. Так, по мнению Шлегеля, было у древних: «Различные ступени их культуры исчерпывают чистые изначальные виды всевозможных соотношений между человеком и природой, на высшей ступени более или менее достигнута гармония»¹⁵. Природу он называет бесконечной полнотой жизни, но искусство позволяет облечь это бесконечное в форму, достичь единства всех многообразных воплощений жизни. Отдавая предпочтение лишь одной стороне, человек неизбежно приходит к расколу — искусство, обособленное от природы, «делает человека пустой формой, природа в ее обособленности делает его диким и черствым»¹⁶. Необходимая гармония означает также и равновесие всех природных склонностей человека — «влечений»: его разума, чувств, духовных стремлений.

Так современная культура чрезмерно превозносит рассудок, и теряется в общих понятиях, уже оторванных от своего содержания. Связано это с развитием спекулятивной философии, которая, внедряясь в область эстетики, привносит, по мнению Шлегеля, в мир искусства лишь пустые, оторванные от жизни абстрактные термины. «Метафизические исследования некоторых мыслителей о прекрасном не имели ни малейшего влияния на формирование вкуса и искусства»¹⁷ — речь здесь идет о Канте, чья работа по эстетике «Критика способности суждения» (1790) оказала значительное влияние на молодого Шлегеля. Однако кантовские принципы были им восприняты двойственно. Он с энтузиазмом принял кантовскую идею об автономии эстетического, возносящую всякое суждение о прекрасном за пределы ограничений опыта или мира чувственно-воспринимаемых вещей, полагая царство красоты в сферу идеального. Но относительность эстетического суждения казалась Шлегелю неприемлемой: «И если есть какое-либо утверждение, в котором приверженцы различных эстетических систем, казалось бы, хоть как-то согласны между собой, то исключительно лишь в том, что нет общезначимого закона искусства, нет устойчивой цели вкуса, а если таковая и существует, то она недостижима»¹⁸. Если нет такого закона, единого и всеобщего во все времена, то невозможна ни серьезная критика в области эстетического, ни направление искусств по пути несомненного развития. По мнению Шлегеля, в разногласии мнений

должно непременно существовать истинное суждение, которое позволит определить устойчивые и вечные ценности в области искусства.

Уже в ранних работах, критикуя современную культуру, Шлегель говорил о возможности возрождения подлинного искусства. Но для этого требуется найти общий принцип формирования культуры, установить ее направление и основные задачи — а значит, необходима новая теория или философия искусства. Таким образом, в господстве разума, совершенствовании которого, хотя и медленном, не знает границ, Шлегель видит не только недостаток современности, но и возможный выход из бедственного положения культуры.

В попытке создать такую теорию, которая привела бы к возрождению поэзии и искусства, Шлегель, как уже указывалось, считает нужным обратиться к примеру классиков, но не копировать их, бездумно подражая их формам, а обнаружить в их культуре главный направляющий принцип. Источником и главным центром выдающейся греческой поэзии Шлегель считает античную мифологию: «...источником всей культуры, всех учений и науки греков был миф»¹⁹, и призывает к созданию новой мифологии, которая оживила и наполнила бы собой новую — современную поэзию. «Я утверждаю, что нашей поэзии недостает средоточия, каковым для поэзии древних была мифология, и все существенное, в чем современная поэзия уступает античной, можно выразить в словах: у нас нет мифологии. Но я добавлю, что мы близки к тому, чтобы иметь ее, или, точнее говоря, наступает время, когда мы со всей серьезностью должны содействовать ее созданию»²⁰. По мнению Фридриха Шлегеля, новая мифология уже зарождается из идеалистической философии, сумевшей преодолеть длительное противостояние Я и природы. И именно в развивающемся идеализме Шлегель видел плодотворный союз поэзии и философии, который один только и мог привести к появлению обновленного и полного искусства: «Если новая мифология как бы сама собой может развиваться из сокровенных глубин духа, то важным знамением и примечательным подтверждением того, что мы ищем, предстает нам великий феномен эпохи — идеализм!»²¹

Этот период, когда от критики современности Фридрих Шлегель переходит к созданию проекта нового искусства и формулирует основные принципы нового романтического движения и есть, вероятно, высшая точка в последовательном развитии его философии и теории культуры. В годы, проведенные в Йене (1796–1802), он вместе с другими романтиками серьезно разрабатывает основные задачи проекта будущего искусства, призванного привести европейскую культуру к новым высотам. В этот период он продолжает противопоставлять современность и классику, но уже с иной оценкой: современная культура куда богаче и живее античной, и перспективы ее развития грандиозны. При этом, возвышая современность, которую столь недавно еще остро критиковал, Шлегель выделяет теперь как положительные в ней

именно те черты, которые прежде со всей строгостью и сожалением объявлял прискорбным признаком расколотости и несовершенства современной культуры. Вот как во «Фрагментах» (1798) представлен его новый проект: «Романтическая поэзия — это прогрессивная универсальная поэзия. Она стремится и должна то смешивать, то сливать воедино поэзию и прозу, гениальность и критику»²². В романтической поэзии философия и искусство уже не противоречат друг другу, напротив — сущность этой новой культуры — в синтезе, который предстает для Шлегеля уже не недостатком, а сильной стороной современности: «Вся история современной поэзии — это непрерывный комментарий к краткому тексту философии: всякое искусство должно стать наукой, а всякая наука — искусством, поэзия и философия должны соединиться»²³.

При всей непоследовательности его перехода от критики современной культуры к созданию на ее основе нового искусства, способного достичь утраченных высот²⁴, Фридриху Шлегелю удается создать удивительную концепцию синтеза всех великих достижений человеческой культуры, которая по его представлению, созвучному теории Шеллинга, развертывается во времени и направлена к полному претворению всех своих скрытых возможностей. Основу всякого искусства, науки и философии Шлегель видит в универсальном духе, нерасторжимо объединяющем человека и природу. Основываясь на философии Спинозы, у которого бесконечная природа представляла единство творящей и творимой природы (*natura naturans* и *natura naturata*) Шлегель говорил о том, что природа сама творит себя через посредство человека, и что все прекрасное в искусстве — и есть непосредственное ее творение: «Человек — это творящий взгляд природы на самое себя»²⁵.

Романтическая поэзия соответственно — сентиментальная поэзия, в основе которой лежит не простое переживание природы, но осознающий и познающий разум, преобладание которого в современности Шлегель теперь считает главным ее преимуществом. Понятие сентиментальной поэзии введено Шиллером в статье «О наивной и сентиментальной поэзии», где наивная обозначала греческую, а сентиментальная — современную поэзию. «Поэзия может быть бесконечностью по своей форме, изображая предмет во всех его границах, индивидуализируя его; она может быть бесконечностью по материалу, освобождая предмет от всех границ, идеализируя его, — другими словами, она может быть бесконечностью либо как абсолютное изображение, либо как изображение абсолюта. Первым путем идет наивный, вторым — сентиментальный поэт»²⁶. Таким образом, романтическое искусство — это то, которое воплощает в себе бесконечное содержание, идеальное, прошедшее через рефлексию человеческого разума.

Понимание роли искусства Фридрихом Шлегелем значительно отличается от концепции другого выдающегося философа, близкого к

идеям романтизма — Фридриха Йозефа Шеллинга, согласно которой искусство есть воплощение, выражение бесконечного в конечном. Принципиальная позиция Шлегеля — Абсолют трансцендентен — т.е. полностью непостижим разумом и недостижим для человека. Однако, рассматривая сущность человека в йенских лекциях по «Трансцендентальной философии» (1800—1801) Шлегель заметил: «Если мы отбросим все отдельные многообразные чувства, вызывающие многообразные изменения в человеческой жизни, то у нас останется одно чувство. Это чувство возвышенного, и в нем мы находим аналогию с сознанием бесконечного»²⁷. Как он указывает далее, это чувство и есть то, что отличает человека от животного и обнаруживается оно только в культуре, а значит — сущностно человеческое. Это чувство — вечная тоска и неудовлетворенность — «томление (*Sehnsucht*) по бесконечному, и выше этого в человеке нет ничего»²⁸. Из этого следует, что определяющей чертой человека Шлегель видит стремление к чему-то, чем он не владеет и не может овладеть. Оно никогда не достигнет удовлетворения, но неистребимо и определяюще для человеческой природы. Именно чувство неполноты и незаконченности человеческого знания есть по Шлегелю начало философствования. Так что всякое философское познание — бесконечный процесс, не знание, а лишь стремление к знанию. Само человеческое Я (в противоположность пониманию Фихте) — это всегда нечто незаконченное; не данное изначально, а всегда результат некоей деятельности. Здесь уже заложены принципиальные основания романтической философии, которая видела истинную сущность вселенной не в предмете, а в процессе. Идея вечного становления: «Мир еще не завершён» — положение, которое «ясно выражает отличие нашего взгляда от обычного»²⁹.

Тем не менее Фридрих Шлегель выделяет средства, которые дают человеку ощущение бесконечной реальности, приближают его к ней. Средства эти находит он не в науке, а в искусстве (в частности, в поэзии). Главный метод искусства — воображение — это среднее звено (*Mittelglied*) между представлением о бесконечной реальности и чувственно воспринимаемым конечным. «Почему бесконечное вышло из себя и стало конечным? Иными словами: почему существуют индивиды? ... Ответ на этот вопрос возможен лишь в том случае, если мы введем сюда еще одно [среднее] понятие. А именно, понятие образа, или изображения, аллегории»³⁰.

Аллегория есть процедура, позволяющая проникнуть за пределы того, что воплощено в конечном, она дает представление о той полноте, которую невозможно постичь в простой сумме конечных вещей. «Аллегория есть — излагая кратко — стремление к Абсолюту через средства самого конечного»³¹. Она выражается только в поэзии, в искусстве, ибо бесконечное не поддается рефлексии разума. «Всякая красота, — пишет Шлегель, — есть аллегория. Высшее, именно потому,

что оно непредставимо, может быть выражено только аллегорически»³². Аллегория при этом по-прежнему не выражает абсолютное, но лишь указывает на него.

Еще одно средство, способное дать столь желанное человеку ощущение полноты — любовь. «Кто познает природу не через любовь, тот никогда не познает ее»³³. Вдохновленный образом интеллектуальной любви Бога, которая является высшей формой знания в «Этике» Спинозы, Шлегель придает этому чувству почти метафизический статус. Любовь как дружеская привязанность и симпатия становится у него основой всей общественной жизни, началом культуры. И сама природа в его ранних работах предстает как «художник, влюбленный в свои творения»³⁴. Вероятно неслучайно, само понятие «романтическое» с тех пор приобрело такой оттенок, как относящееся к области нежных чувств. Ведь самую суть современной, сентиментальной поэзии Шлегель однажды сформулировал так: «Что же такое сентиментальное? То, что трогает нас, где господствует чувство — и не физическое, а духовное. Источник и душа всех этих проявлений — любовь, и дух любви должен незримо, но явственно витать повсюду в романтической поэзии»³⁵.

Характерной чертой романтической философии Фридриха Шлегеля стала концепция иронии, разработанная им и имевшая значительное влияние в последовавшем развитии философии. Принцип иронии или близкий к нему принцип фрагмента — противоположность аллегории: он не утверждает внутреннее единство всего в мире, а напротив, выделяет единичное и конкретное, то самое «интересное», о котором Шлегель писал в ранних своих статьях. Фрагмент, рассматриваемый в отдельности — этакий селективный синтез, показывающий именно в концентрации на чем-то отдельном, вырванном из контекста, что мир представляет собой хаос индивидуальных позиций, противоречащих друг другу. «Фрагмент создает дисгармонию множества»³⁶, — пишет Манфред Франк и сразу же поясняет, что распространенное воззрение на романтиков как на ищущих лишь гармонии с природой и пути назад к свету и тождеству с Абсолютом неверно. Он видит их особую современность в том, что выйдя из идеалистической философии, романтики, такие как Фридрих Шлегель и Новалис, смогли разглядеть всю многоплановость человеческого характера и всю внутреннюю противоречивость природы.

То же, что и фрагментирование, делает юмор или острота (Witz) — выделяет некую черту и указывает на ее единичность на контрасте с другими чертами. Вот как их определяет сам Шлегель: «Остроумие — это взрыв скованного духа»³⁷ и «Острота — это разложение духовных материй, которые до этого были тесно сплетены друг с другом»³⁸.

Согласно Кьеркегору, «ирония есть движение, имеющее свою основу в том, что субъективность ставится выше действительности»³⁹. Так, ирония возносит субъекта надо всем, в том числе и над самим

собой. По определению самого Шлегеля, ирония — это «настроение, которое с высоты оглядывает все вещи, бесконечно возвышаясь над всем обусловленным, включая сюда и собственное свое искусство и гениальность»⁴⁰, т.е. истинной иронией он считал искусство подвергать критике. В основе этой концепции Шлегеля лежит сократовская ирония: «...она возникает, когда соединяются понимание искусства жизни и научный дух, совпадают законченная философия природы и законченная философия искусства»⁴¹. Ирония — это высшее достижение культуры как воспитания (Bildung) человеческого духа, ибо она возможна только тогда, когда возвысившись достаточно, дух способен взглянуть уже на самого себя критически. Именно этого, по мнению Шлегеля, достигла современная культура, и это есть сущность романтизма — дух, рефлексирующий над самим собой.

Главным жанром, олицетворяющим для Шлегеля эпоху рефлексии — романтическую эпоху, становится роман, в нем он выделяет все значительные черты, присущие современности, и называет его единственным универсальным произведением искусства. «Романы — сократовские диалоги нашего времени. В этой свободной форме жизненная мудрость нашла прибежище от школьной мудрости»⁴². В качестве наиболее достойного образца современного романа он представляет роман Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера»⁴³, а происхождение современного романа усматривает в драме Возрождения, приводя в пример «Божественную комедию» Данте, «Дон-Кихота» Сервантеса и трагедии Шекспира: «Пророческая поэма Данте — единственная система трансцендентальной поэзии, все еще высшая в своем роде. Универсальность Шекспира — как бы средоточие романтического искусства. Чисто поэтическая поэзия Гёте — законченная поэзия поэзии. Вот великое трезвучие современной поэзии, самый глубокий и святой круг во всех более узких и более широких сферах критического отбора классиков новой поэзии»⁴⁴.

Таким образом, Фридрих Шлегель приходит к формулированию проекта «культуры будущего», сущность которого — в развитии всех самых сильных и характерных сторон современной ему культуры. Основываясь на философии, достигшей пика своего развития, все формы искусства должны объединиться и создать единое универсальное искусство, охватывающее все темы и стороны жизни. Музыка, естествознание, политика и религия, живопись и пластика должны быть объединены сильным поэтическим духом, облагороженным философией. Это искусство должно, изображая все частные и характерные черты современной жизни, одновременно стать выражением вечного общечеловеческого духовного стремления. Оно должно быть правдиво и интересно. Выходя из области природы, новое искусство должно заново переплести все ветви человеческой культуры, чтобы человеческое и природное вновь достигли гармонии.

На этом развитие ранней философии культуры Фридриха Шлегеля следовало бы считать завершенным. Покинув Йену в 1802 г., законодатель романтизма в литературе уезжает в Париж, где серьезно изучает изобразительное искусство и пишет несколько работ на эту тему, включая статьи по истории дорафаэлевской живописи. Многие идеи, изложенные в этих работах, в дальнейшем вдохновили нескольких молодых художников, известных как «назарейцы», покинуть Венскую Академию художеств и основать свободное братство Святого Луки, подражая старым итальянским мастерам в мечтах вернуть былое величие содержательной, или «концептуальной» живописи. Фридрих Шлегель выделяет национальный характер в искусстве и начинает разрабатывать теорию культуры, сходную с теорией Гердера, который указывал на самобытные и национальные черты в каждой культуре и связывал высокие достижения разных народов с их национальными особенностями, обусловленными климатом, географией и историей.

С 1810 г. начинается новый виток в философии культуры Фридриха Шлегеля. Основой для дальнейшего развития его концепции становится отказ от попыток создания новой перспективной формы поэзии и искусства и поиск общих оснований в мифологии и искусстве разных народов. Восторг перед Грецией постепенно сменяется у него восхищением восточной культурой, в первую очередь, индийской. Эти симпатии, общие у него со старшим братом Августом Вильгельмом, сделавшим важный вклад в изучение древнеиндийской литературы, встречаются еще в «Речи о поэзии» (1800), теперь же они получают в его размышлениях более полное выражение. В эти годы (1810–1812) он уже критически рассматривает эстетические построения Йенского кружка и собственные взгляды раннего периода. В области поэзии он уже ставит лирику выше романа — как наиболее совершенную форму выражения духовной жизни. Одновременно Шлегель активно критикует всякие проявления пантеизма в философии. Его работы начала 1820-х гг. созвучны самым ранним работам в следующем отношении: он по-прежнему видит, как далека современная культура от идеалов красоты древних эпох — на этот раз в сравнении со Средними веками, высокую духовность которых он хвалит в частности в статье «Основные черты готического зодчества» (1823).

Полное выражение его поздняя философия культуры получила в Венских лекциях 1828 г., изданных под названием «Философия истории». Во введении Шлегель указывает, что «философия истории есть дух, или идея истории, которая должна быть выведена из реальных исторических событий», она должна быть «чистой эманацией великого целого»⁴⁵. И поскольку целое мировой истории еще не завершено и находится в становлении, тем серьезней должна быть работа с фактическим материалом, благодаря которой мы могли бы если не окинуть взором все целое, то хотя бы постичь общий план его грандиозного устройства. Согласно этому плану, Шлегель педантично рассматривает устройство древних

империй и культур — китайской, индийской, египетской, древнееврейской и персидской, греческой и римской цивилизаций. Он рассуждает о происхождении человеческой расы, языков и праязыков, сравнивает политические устройства древних народов, перемежая анализ фактического материала общими рассуждениями о природе человека и законах движения истории. В части, посвященной более современной истории, он рассуждает очень любопытным образом о переплетениях различных культур и влияний, которые обнаруживаются в общеевропейской культуре, и возможно, привели к сложению портрета современной эпохи: о чертах древневосточной мистики, проникнувшей в рациональную культуру греков, о смешении еврейской религиозности с пламенностью северных варваров, которая дала особый облик всей христианской культуре, наконец, о мистицизме, глубоко укорененном во всем мышлении казалось бы просвещенного XVIII в., и даже о соседстве двух церквей — ясной общей религии и всегда соседствующими с ней эзотерическими учениями, замкнутыми в элитарных и секретных группах, как, к примеру, орден Тамплиеров в Средние века.

В целом, зрелое творчество Фридриха Шлегеля — многоплановая и крайне перспективная область, недостаточным образом исследованная в отечественной литературе. Если о его философских концепциях писали еще советские исследователи, такие как Р.М. Габитова, Ю.Н. Попов и др., то культурологическая проблематика его сочинений остается еще плодотворной для изучения областью. Тем более актуально наследие Фридриха Шлегеля в условиях все возрастающей в современном мире новой волны интереса к немецкому романтизму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впервые само слово «romance» встречается в литературе уже с конца XV в., и достаточно часто в текстах XVII в.: «Romanesque» в 1661, «romanisch» в 1663 и «romantic» в 1650. Эти названия чаще всего обозначают романскую литературу и в частности особый жанр — роман (romance), часто с критическим и негативным оттенком, поскольку романы, как правило, содержали изрядную долю художественного вымысла и фантастических сюжетов. Эта негативная коннотация уступает место новой, почти восторженной в конце XVIII в. с появлением сентиментализма — в моду входят английские сады и подражание старинной героической литературе в духе «Песен Оссиана». К примеру, в конце 1770-х гг. во французской литературе встречаются два родственных понятия: «romantique» (вероятнее всего позаимствованное из английского) — в положительном значении, и «Romanesque» — по-прежнему означавшее неправдоподобный вымысел, вроде «chimerique» и «fabuleux» (см.: *Eichner H. «Romantic» and Its Cognates: The European History of a Word.* — Manchester University Press, 1972. P. 4–6).

² *Robertson J.B. Advertisement to the second edition // Schlegel F. The Philosophy of history, in a course of lectures, delivered in Vienna by Frederick Schlegel.* — L.: H.G. Bohn, 1846. p.vi.

- ³ См.: Гайм Р. Романтическая школа. – СПб.: Наука, 2006.
- ⁴ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. В 2 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1983. С. 98.
- ⁵ Эта идея в дальнейшем претерпела значительные изменения в творчестве Шлегеля, который позднее в работе «Философия истории» (1828) рассуждал в духе более близком к теории Гердера, утверждавшей своеобразие и уникальность каждой культуры в связи с условиями ее возникновения. Однако окончательно от этого принципа он не отказался, в связи с тем, что без существования четких объективных критериев невозможна критика в области искусства. В таком случае всякое эстетическое суждение становится абсолютно свободным, как утверждал Кант, и критика вовсе не имеет смысла. А принцип критицизма всегда был основополагающим для философии Шлегеля.
- ⁶ Здесь имеется в виду «спор о древних и новых» – полемика о сравнительных достоинствах античного и современного искусства и литературы, которая началась еще в середине XVII в. во Французской академии, став впоследствии крайне популярной темой в эпоху классицизма. Предмет спора о достоинствах античной поэзии и возможном пути развития для новой литературы был крайне близок ранним сочинениям Фридриха Шлегеля, на которого оказала значительное влияние программная статья Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии».
- ⁷ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. С. 97.
- ⁸ Там же. С. 91.
- ⁹ Там же. С. 93.
- ¹⁰ Там же. С. 96.
- ¹¹ Там же. С. 91.
- ¹² Здесь имеется в виду содержание его знаменитой работы «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» (1766).
- ¹³ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. С. 93.
- ¹⁴ Там же. С. 62.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 63.
- ¹⁷ Там же. С. 94.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 180.
- ²⁰ Schlegel F. Ideen // Athenäum [Auswahl]. Eine Zeitschrift von August Wilhelm Schlegel und Friedrich Schlegel. Herausgegeben von Gerda Heinrich. – Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1978. S. 192.
- ²¹ Ibid. S. 193.
- ²² Шлегель Ф. Фрагменты // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. С. 294 (Фр. 116).
- ²³ Шлегель Ф. Критические фрагменты // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. С. 287 (Фр. 115).
- ²⁴ Об этом см. подробно у Фредерика Байзера в статье «Friedrich Schlegel: The mysterious romantic» в сборнике: Beiser F.C. The Romantic Imperative. The Concept of Early German Romanticism. – Harvard University Press, 2003.

- ²⁵ Schlegel F. Athenäum. S. 164.
- ²⁶ Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии // Шиллер Ф. Собр. соч. В 7 т. Т. 6. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 442.
- ²⁷ Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. С. 432.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 435.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Frank M. On Schlegel's role in the genesis of Early German Romantic theory of art // The philosophical foundations of Early German Romanticism. – State University of New York Press, 2004. P. 206.
- ³² Schlegel F. Gespräch über die Poesie // Kritische Friedrich-Schlegel-Ausgabe. Erste Abteilung: Kritische Neuausgabe. Band 2. – München; Paderborn; Wien; Zürich, 1967. S. 327.
- ³³ Ibid. S. 167.
- ³⁴ Richards R.J. The Romantic conception of life. Science and philosophy in the age of Goethe. –The University of Chicago Press, 2002. P. 111.
- ³⁵ Schlegel F. Kritische Friedrich-Schlegel-Ausgabe. S. 333.
- ³⁶ Frank M. On Schlegel's role in the genesis of Early German Romantic theory of art. P. 211.
- ³⁷ Шлегель Ф. Критические фрагменты. С. 285 (Фр. 85).
- ³⁸ Там же. Шлегель Ф. Критические фрагменты. С. 281 (Фр. 34).
- ³⁹ Кьеркегор С. О понятии иронии // Логос. 1993. № 4. С. 176–198. С. 180.
- ⁴⁰ Шлегель Ф. Фрагменты // Литературная теория немецкого романтизма. – М., 1934. С. 177.
- ⁴¹ Шлегель Ф. Критические фрагменты. С. 286 (Фр. 108).
- ⁴² Там же. С. 281.
- ⁴³ Шлегель Ф. О «Мейстере» Гёте // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. С. 317–336.
- ⁴⁴ Шлегель Ф. Фрагменты. С. 303 (Фр. 247).
- ⁴⁵ Schlegel F. The Philosophy of history, in a course of lectures, delivered in Vienna by Frederick Schlegel. P. 65.

REFERENCES

- Athenäum [Auswahl]. Eine Zeitschrift von August Wilhelm Schlegel und Friedrich Schlegel. Herausgegeben von Gerda Heinrich. Leipzig, Verlag Philipp Reclam jun., 1978. 244 s.
- Beiser F.C. *The Romantic Imperative. The Concept of Early German Romanticism*. Harvard University Press, 2003. 243 p.
- Eichner H. «Romantic» and Its Cognates: The European History of a Word. Manchester University Press, 1972. 536 p.
- Frank M. *The philosophical foundations of Early German Romanticism*. State University of New York Press, 2004. 286 p.
- Gabitova R.M. *The philosophy of German romanticism: Fr. Schlegel, Novalis*. Moscow, Nauka [Science], 1978. 288 p. (in Russian).

- Garber F. *Romantic Irony*. John Benjamins Publishing, 1988. 395 p.
- Haym R. *The Romantic school*. Saint Petersburg, Nauka [Science], 2006. 984 p. (Russian trans.).
- Kritische Friedrich-Schlegel-Ausgabe. Erste Abteilung: Kritische Neuausgabe. Band 2. München; Paderborn; Wien; Zürich, 1967. 450 s.
- Literary theory of German romanticism*. Moscow, 1934. 329 p. (in Russian).
- Richards R.J. *The Romantic conception of life. Science and philosophy in the age of Goethe*. The University of Chicago Press, 2002. 587 p.
- Schlegel F. *Aesthetics. Philosophy. Criticism*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Iskusstvo [Art], 1983. 479 p. (Russian trans.).
- Schlegel F. *The Philosophy of history, in a course of lectures, delivered in Vienna by Frederick Schlegel*. London, H.G. Bohn, 1846. 498 p.
- Schiller F. *Collected works in 7 volumes*. Vol. 6. Moscow, State Publishing House Fiction Literature, 1957. 793 p. (Russian trans.).
- The aesthetics of the German Romantics*. Moscow, Iskusstvo [Art], 1987. 736 p. (Russian trans.).

Аннотация

Фридрих Шлегель, один из основных деятелей немецкого романтизма, еще в ранний период своего творчества сформулировал задачу установить основные законы развития человеческой культуры. Под влиянием традиции классицизма он начинает с критики современности, которая понята у него довольно широко – как культура Нового времени. Он сравнивает хаотическую и раздробленную современную культуру с образцовым совершенством Античности.

Ключевые слова: Фридрих Шлегель, романтизм, философия культуры, искусство, универсальная поэзия, аллегория, романтическая ирония, античность, современность.

Summary

Friedrich Schlegel, one of the key figures of German Romanticism have already formulated the task to establish the basic laws of development of human culture in the early period of his life. Influenced by the classical tradition, he began with a critique of modernity which he understood quite widely as the culture of the Modern era. He compares the chaotic and fragmented modern culture with the perfection of antiquity.

Keywords: Friedrich Schlegel, romanticism, philosophy of culture, art, universal poetry, allegory, romantic irony, antiquity, modern.

КРИТИКА ДАНОМ ШПЕРБЕРОМ МЕМЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К КУЛЬТУРЕ

М.О. КЕДРОВА

Когда речь идет о критике кем-либо какого-то направления, это дает возможность поговорить не только о том, что критикуется, но и о том, кто критикует. В данном случае это один из ведущих современных философов культуры и представитель когнитивной науки, французский философ Дан Шпербер. Шпербер так же, как и меметики, находится в рамках эволюционного, натуралистического подхода к культуре, но в отличие от представителей меметического подхода, он развивает собственную теорию, которая называется «эпидемиология репрезентаций». В книге «Объясняя культуру» (*Explaining Culture*, 1996) он пишет: «Культура состоит скорее всего и прежде всего из ... заразных идей. ... Следовательно, объяснить культуру – значит объяснить, как и почему некоторые идеи становятся заразными. Это требует развития истинной *эпидемиологии репрезентаций*»¹. Таким образом, идеи как вирусы распространяются в культуре, и человек в каком-то смысле беззащитен перед ними. Шпербер поясняет особенности эпидемиологического подхода к культуре следующим примером: «Допустим, у вас есть популяция (например, группа людей), и есть некое интересующее вас свойство (например, диабет, светлые волосы или вера в ведьм), которое члены популяции могут иметь или не иметь. Эпидемиологический подход будет состоять в описании и объяснении распределения этого свойства в данной популяции. Эпидемиология не ограничивается заразными болезнями: диабет не заразен, вера в ведьм не является болезнью, а светлые волосы не являются ни тем, ни другим»². Важной особенностью эпидемиологии репрезентаций является то, что она использует самые различные объяснительные модели. Она заимствует модели из биологии, в частности, из генетики, из экологических наук, из социологии и социальной психологии. Однако Шпербер подчеркивает, что «для всех эпидемиологических моделей, какими бы разнообразными они ни были, общим остается тот факт, что они объясняют макрофеномены в масштабе популяции (такие, как эпидемии) как кумулятивный эффект микропроцессов, вызванных индивидуальными событиями (такими, как заражение какой-либо болезнью). Этим эпидемиология сильно отличается от «холистических» объяснений, когда макрофеномены объясняются на основе других макрофеноменов: например, религия объясняется в терминах экономических структур и наоборот»³. Шпербер отмечает, что в рамках подхода к культуре, развиваемого Ричардом Докинзом, психологии и когнитивным наукам отводится весьма ограниченная роль. Однако микромеханизмы, запускающие распространение идей, – это когнитивные механизмы.

Таким образом, эпидемиология репрезентаций — это исследовательская программа, опирающаяся на когнитивные и социальные науки. В этом пункте Шпербер существенно расходится с Докинзом. Для того чтобы рассмотреть подробнее полемику Шпербера с Докинзом и в целом с меметикой, обратимся к его статье, которая была опубликована в сборнике «Дарвинизируя культуру» (*Darwinizing Culture*, 2000) и которая называется «Возражение меметическому подходу к культуре»⁴.

Поскольку литература о меметике весьма обширна и разнообразна, возможно, имеет смысл сказать в общих чертах, о чем именно идет речь. В 1904 г. немецкий биолог Рихард Земон опубликовал книгу, которая в английском переводе получила название «Мнем» (*The Mneme*) и в которой он в частности рассматривал проблему передачи опыта в рамках культуры. В 1976 г. Ричард Докинз в книге «Эгоистичный ген» (*The Selfish Gene*), в 11 главе выдвигает гипотезу о способе культурной трансляции и использует это слово, только уже в форме «meme». В 1983 г. в журнале *Scientific American* американский философ Дуглас Хофштадтер предложил назвать дисциплину, изучающую мемы, меметикой. В 1988 г. это понятие было включено в Оксфордский словарь английского языка. Согласно этому подходу, культура состоит из мемов. Докинз дает определение мемов как культурных репликаторов, передающихся с помощью имитации и подвергающихся отбору. В начале 1990-х гг. меметикой всерьез заинтересовался американский философ Дэниел Деннет, который в книгах «Объясненное сознание» (*Consciousness Explained*, 1991) и «Опасная идея Дарвина» (*Darwin's Dangerous Idea*, 1995) утверждает, что ключевым отличием человека от животных является его способность хранить и воспроизводить мемы. Деннет описывает процесс эволюции как алгоритм, т.е. вразумную процедуру, которая должна порождать некий результат. Алгоритмы нейтральны по отношению к своему субстрату, они могут включать самые различные материалы. Человек с карандашом и бумагой, простой калькулятор или сложный компьютер — все могут выполнять один и тот же алгоритм, выполняя одну и ту же математическую процедуру, и получить один и тот же ответ. Субстрат не имеет никакого значения, важна только сама логическая процедура. В случае теории Дарвина субстратом являются живые существа и их среда обитания, но Деннет указывает на то, что логику Дарвина можно применить к любым системам, в которых существуют наследственность, изменчивость и отбор. В этом состоит суть идеи Универсального дарвинизма. Таким образом, Универсальный дарвинизм — это приложение дарвиновской парадигмы к тому, что выходит за рамки биологической эволюции.

В конце 1990-х гг. выходит в свет книга английского философа и психолога Сьюзан Блэкмор, книга называется «Машина мемов» (*The Meme machine*, 1999). Блэкмор указывает, что мы используем одно и то же слово «научение» и для обозначения простой ассоциации, или выра-

ботки классического условного рефлекса (к которому способны почти все животные), и для обозначения обучения методом проб и ошибок, или выработки оперантного условного рефлекса (к которому способны многие животные), и для обучения через подражание (к которому животные почти не способны). Блэкмор утверждает, что подражание и научение настолько естественны для нас, что именно поэтому мы даже не замечаем, что подражание — это то, что составляет нашу специфику. Всё, чему мы научились через подражание, это мем. Возникает вопрос: можно ли сказать, что всё, что актуально присутствует в нашем сознании, является мемами? Блэкмор отрицательно отвечает на этот вопрос. Есть простые перцепции, которые мемами не являются. Например, мое визуальное восприятие некоего предмета не может быть передано таким образом, чтобы вызвать в другом человеке то же самое ощущение. Если я рассказываю об этом предмете или фотографирую или рисую его — это уже мем, но никак не мое зрительное восприятие. Возникает еще один вопрос: откуда берутся новые мемы? Блэкмор утверждает, что они возникают из комбинации и рекомбинации уже существующих мемов. Более сложные мемы возникают из простых. Сложные комбинации мемов называют *мемплексами*. Примером мемплекса может служить, например, религия, которая, по мнению представителей меметического подхода, является одним из наиболее устойчивых и сложных мемплексов. Блэкмор пишет: «Для того чтобы нечто можно было считать репликатором, оно должно поддерживать эволюционный алгоритм, основанный на изменчивости, отборе и наследственности. Как правило, мемы связаны с изменчивостью... и когда мемы передаются, копирование не всегда бывает точным... Существует меметический *отбор*: одни мемы привлекают к себе внимание, точно запоминаются и передаются другим людям, в то время как другие мемы вовсе не передаются. Таким образом, когда мемы передаются, происходит сохранение (наследование) некоторых идей или способов поведения в этом меме — какая-то часть изначального мема сохраняется для нас, и это можно назвать повторением или научением с помощью примера»⁵. Таким образом, мем идеально подходит под идею Докинза о репликаторе и под идею Деннета об эволюционном алгоритме.

Надо сказать, что рубеж 1990-х и 2000-х гг. был отмечен огромным интересом к меметике, она была чрезвычайно популярна, и количество публикаций на эту тему было огромно. Примерно в 2005 г. этот бурный интерес пошел на убыль. Количество публикаций, посвященных этой теме, существенно сократилось, но трое ее ведущих представителей — Р. Докинз, С. Блэкмор и Д. Деннет⁶ — продолжают активно разрабатывать ее идеи и использовать концепцию мемов в своих философских построениях.

Итак, после этого краткого исторического отступления, возвратимся к интересующей нас статье Шпербера. Он задается вопросом: возмож-

ны ли небрбиологические репликаторы? И отвечает: да, возможны. В качестве примера чистого мема он приводит так называемые «письма счастья». В таких письмах предлагается скопировать текст письма несколько раз и разослать реальным адресатам, в случае выполнения этой инструкции сулятся всяческие блага, а в случае невыполнения — разнообразные кары вплоть до смерти тому, кто прервет эту цепочку писем. Здесь мы видим мем во всей его чистоте: «письма счастья» не полезны людям, которые их копируют, они способствуют только своему собственному распространению. Но с этой точки зрения можно посмотреть на очень многие вещи: песни, мода, политические идеалы, кулинарные рецепты, этнические предубеждения и т.д. Не есть ли вообще всё — мемы? Если да, тогда культуру должна изучать меметика.

Как уже было сказано выше, Докинз и Деннет в свое время назвали «Универсальным дарвинизмом» применение дарвиновской модели с соответствующей корректировкой для объяснения культуры. В предисловии к книге Блэкмор «Машина мемов» Докинз пишет: «Эти мемы, если они вообще существуют, передаются с очень низкой точностью для того, чтобы выполнять роль, подобную генам, во всех процессах дарвиновского естественного отбора»⁷. Вот это важное утверждение Шпербер и хочет оспорить. Шпербер утверждает, что большинство культурных артефактов воспроизводится, но они не являются копиями друг друга. Следовательно, они не мемы. И дело не в том, что они копируются с низкой точностью. По мысли Шпербера, они вообще не копируются. О низкой точности копирования писал и сам Докинз. В «Расширенном фенотипе» (*The Extended Phenotype*, 1982) он пишет: «Процесс копирования мемов, возможно, гораздо менее точен, чем в случае генов; может иметь место некоторый «мутационный» элемент в каждом акте копирования»⁸.

Докинз предлагает следующий мысленный эксперимент, который затем исследует Шпербер. Рассмотрим фигуру на рис. 1.

Рис. 1

Первому человеку показывают эту фигуру на десять секунд, а затем через десять минут просят воспроизвести ее так точно, насколько это возможно. Затем второму человеку показывают фигуру, нарисованную первым человеком, и просят сделать то же самое. И это повторяется с девятью участниками. Высока вероятность, что каждый рисунок будет отличаться от предыдущего, и чем дальше он будет отстоять в этой цепочке от изначального образца, тем больше он будет от него отличаться. Экспериментатор предлагает эти десять рисунков, разложенных в случайном порядке, испытуемым, и просит разложить их в той последовательности, в какой они были созданы. «Элемент мутации» в каждой копии настолько велик, что налицо смещение образца, никакой устойчивый образ не удерживается.

Теперь представим себе сходный эксперимент, но на этот раз с фигурой с рис. 2 в качестве изначальной модели.

Рис. 2

Опять каждый полученный рисунок, выполненный следующим участником, несколько отличается от изначальной модели, поскольку каждый участник не сможет в точности воспроизвести образец во всех его подробностях. Однако на этот раз несмотря на низкую точность копирования, устойчивый образ удерживается на протяжении всех копий, и очень маловероятно, что индивидуальные вариации его исказят. Почему не удерживается образ с рисунка 1? Потому что здесь налицо попытка воспроизвести некий ментальный образ, идентифицировать который не удалось, и информация в процессе воспроизведения терялась. Во втором случае испытуемые распознавали фигуру как пятиконечную звезду, нарисованную без отрыва карандаша. Каждый участник такого эксперимента предполагал, что предыдущий

участник не копировал рисунок, а стремился следовать имплицитной инструкции, и что дефекты (кривизна линий) были ненамеренными и потому должны игнорироваться. Докинз предполагает: 1) что эти паттерны являются самонормализующимися, что «код» сам исправляет ошибки; 2) что устойчивость культурных паттернов доказывает, что вопреки индивидуальным вариациям точность при копировании остается высокой. Шпербер не согласен с Докинзом в обоих пунктах: 1) он считает, что само это понятие «самонормализация» в отношении культурных паттернов нуждается в объяснении; 2) он считает, что далеко не всегда мы вообще можем говорить о факте копирования. Понятно, почему Докинзу кажется естественным оперировать термином «самонормализация»: в биологии с середины XX в. существует термин «репарация ДНК», что по сути означает самовосстановление поврежденных участков ДНК с помощью нескольких ферментов. Докинз переносит это понятие из биологии в философию культуры и считает, что культурные паттерны (так же как ДНК) способны к самонормализации. Шпербер же полагает, что простая аппликация этого понятия к культурным процессам невозможна и нуждается в обосновании. Что же касается второго пункта, действительно, предмет А может быть копией другого предмета Б, не будучи при этом идентичным Б во всех отношениях. С точки зрения меметики, достаточно того, что А и Б будут разделять свойства, повторение которых мы пытаемся объяснить. И действительно, культурные артефакты на протяжении всего периода их вариативности (например, в случае фольклора это будет более длинный период, в случае модного покрова одежды – более короткий) выражают своего рода устойчивость – в мысленном эксперименте Докинза – в гораздо более мелком масштабе. Иными словами, хотя налицо серьезные индивидуальные вариации, все артефакты одного и того же типа остаются близкими друг другу и иллюстрируют один общий образец. С этим Шпербер согласен. Однако он ставит вопрос: является ли относительная стабильность, которую мы обнаруживаем в культурных паттернах, доказательством копирования? Докинз считает, что да. Шпербер в качестве альтернативного примера предлагает рассмотреть смех.

Смех – это социальное поведение, которое обычно в индивидуальном развитии инициируется смехом других и является в высшей степени заразной формой поведения. Смех подвержен влиянию в его интенсивности и типе, а обстоятельства его возникновения определяются культурными факторами. Более того, даже внутри культурной группы налицо важные индивидуальные различия. Почему же смех не является мемом? Потому что он не копируется. Младенец, который начал смеяться, не копирует смех, который он наблюдает. По мнению Шпербера, существует биологическая предрасположенность к смеху, которая активируется и тонко настраивается при встрече со смехом

других. Сходным образом, тот, кто начинает импульсивно смеяться из-за смеха других, не подражает им. Программа, запускающая смех, была уже полностью в нем самом, и смех других только активировал ее. В данном пункте Шперберу следовало бы, на мой взгляд, пояснить, что собой представляет эта биологическая предрасположенность, что это за «программа, запускающая смех». Ввиду отсутствия этих пояснений Шпербера можно упрекнуть в том же, в чем он сам упрекает Докинза, когда речь идет о «самонормализации культурных паттернов».

Итак, Шпербер дает определение трех минимальных условий для истинного копирования. Для того, чтобы Б было копией А

1. А должно быть причиной Б;
2. Б должно быть похоже в соответствующих аспектах на А;
3. процесс, который порождает Б, должен получать такую информацию от А, которая и делает Б похожим на А.

Можно сформулировать третье условие и по-другому, сказав, что Б должен унаследовать от А свойства, которые делают его похожим на А. В дискуссиях о мемах имплицитно принимают на веру, что совместная встречаемость причинения и похожести между причиной и следствием – это достаточное основание наследственности. Шпербер считает, что это не так. Причина может просто инициировать производство сходного эффекта, как мы это видели в случае смеха.

Обратимся еще раз к нашему мысленному эксперименту с двумя фигурами. В первом случае (запомнить и воспроизвести рис. 1) участники рассчитывали на общие способности к восприятию, запоминанию и двигательные возможности. Иными словами, они полагались на общечеловеческие способности к подражанию, – способность, которой меметики придают очень большое значение. В данном случае, однако, она не срабатывает. Во втором случае (когда нужно было запомнить и воспроизвести рис. 2) стимулом является распознавание. Именно распознавание запускает действие знания, которое уже существовало раньше. Этот стимул можно определить как знак общего типа: пятиконечная звезда, нарисованная без отрыва карандаша. Особенности реального стимула, которые были бы чуждыми этому определению (кривизна, неправильность изначального образца), просто игнорируются. Когда попросили воспроизвести этот стимул через 10 минут, участники просто нарисовали еще одну пятиконечную звезду, в большинстве случаев даже не пытаясь вспомнить, как именно выглядела изначальная фигура. Их способность хорошо выполнить в данный момент эту задачу не является способностью к восприятию и копированию. Это способность распознать и воспроизвести, используя для этого знание о типе пятиконечной звезды, – знание, которое они уже имели до того, как столкнулись с этой фигурой. Следовательно, это вовсе не означает, что люди лучше копируют фигуру 1, чем фигуру 2. На самом деле они действительно плохо копируют фигуру 1, и они

вовсе не копируют фигуру 2, а просто производят еще один знак того же самого узнаваемого типа. Для того чтобы ее нарисовать, они выводят для себя инструкцию. А умение вывести для себя инструкцию включает гораздо больше, чем способность воспринимать и описывать, оно включает также способность определять цели и намерения. Инструкции не являются «самонормализующимися», как полагает Докинз. Это процесс распознавания целей, он-то и нормализует имплицитные инструкции, которые участники выводят из того, что наблюдают. Та инструкция, которую вы выводите, отчасти сообщает о том, что вы реально наблюдаете, а отчасти — о том, что вы уже знаете. Таким образом, эти инструкции не копируются, а должны быть извлечены. Нормализация инструкции происходит в результате того, что имеет место нечто иное, нежели копирование. Она происходит, потому что информация, которую несет в себе изначальный стимул, сочетается с информацией, уже доступной системе. В реальном мире, и в частности, в мире культуры, «включение» («запуск») и копирование могут сочетаться и сочетаются в разной степени. То, что «запускается» посредством культурного стимула — это приобретенные механизмы и навыки, которые более или менее являются специфичными для данной области знания. Шпербер никоим образом не отрицает копирование. Однако он указывает, что роль копирования и роль предсуществующих склонностей может меняться в соответствии с разными культурными данными. Изучение чечетки включает в себя больше подражания, чем научение ходьбе. Когда ребенок учится ходить, скорее, запускается его предсуществующая склонность к ходьбе, чем он подражает взрослым. При научении чечетке, разумеется, велика роль подражания и копирования. Однако, как и в примере со смехом, Шпербер не дает пояснения того, что такое «предсуществующая склонность».

А поскольку роль копирования варьируется в соответствии с различными факторами, заключает Шпербер, меметика должна быть здоровой исследовательской программой, не притязающей на универсальность. Если меметики сумеют дать убедительное доказательство того, что в микропроцессах культурной трансляции, элементы культуры наследуют все или почти все их релевантные свойства от других элементов культуры, которые они копируют, тогда меметики покажут, что есть относительно простое объяснение культурной трансляции: подражание делает всё (или почти всё). Однако Шпербер убежден в том, что такого доказательства со стороны меметики представлено не будет — но тогда что остается от программы меметики? Шпербер не отрицает, что сама идея мема представляет теоретический интерес. Дарвиновская модель естественного отбора разъясняет многое, и в том числе это относится к культуре. Подражание, даже если и не повсеместно, имеет большую ценность для исследований. Но в целом же, по мнению Шпербера, великий проект меметики ошибочен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Sperber D. *Explaining Culture. A Naturalistic Approach.* – Blackwell Publishing, 1996. P. 1.

² Ibid. P. 2.

³ Ibid.

⁴ См.: Sperber D. An objection to the memetic approach to culture // *Darwinizing Culture. The status of memetics as a science.* Ed. by Robert Aunger. – Oxford, 2000. P. 163–173.

⁵ Blackmore S. *The Meme Machine.* – Oxford, 1999. P. 14.

⁶ Деннет в области философии сознания скорректировал ряд своих идей и сейчас придерживается несколько иной теории: в своей работе «Сладкие грёзы» (*Sweet Dreams*, 2005) он уже не объясняет сознание через идею «виртуальной машины», созданной мемами, сосредоточившись на концепции «славы в мозге». Однако религию он по-прежнему продолжает рассматривать как мемплекс в работе «Разрушая чары» (*Breaking the Spell*, 2006).

⁷ Blackmore S. *The Meme Machine.* P. x.

⁸ Докинз Р. *Расширенный фенотип.* – М., 2010. С. 88.

REFERENCES

Blackmore S. *The Meme Machine.* Oxford, 1999.

Dawkins R. *The Extended Phenotype.* Moscow, 2010. 512 p. (Russian trans.).

Sperber D. An objection to the memetic approach to culture. In: *Darwinizing Culture. The status of memetics as a science.* Ed. by Robert Aunger. Oxford, 2000, pp. 163-173.

Sperber D. *Explaining Culture. A Naturalistic Approach.* Blackwell Publishing, 1996.

Аннотация

Статья посвящена известному современному французскому философу Дану Шперберу и его критике меметики. Шпербер анализирует аргументы Ричарда Докинза и показывает их ошибочность.

Ключевые слова: Дан Шпербер, Ричард Докинз, философия культуры, меметика, мемы.

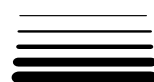
Summary

The article is devoted to the famous contemporary French philosopher Dan Sperber and his criticism of memetics. Sperber analyzes the arguments of Richard Dawkins and shows their vulnerability.

Keywords: Dan Sperber, Richard Dawkins, philosophy of culture, memetics, memes.

Опыт философского размышления

ФИЛОСОФИЯ ЙОГИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ П.Д. УСПЕНСКОГО

А.Ю. ШЕЛКОВНИКОВ

Петр Демьянович Успенский (1878–1947) – русский философ-мистик¹, обращался к изучению и осмыслению практики и философии йоги начиная примерно с 1907 г. и до конца жизни. В 1913 г. в издательстве «Новый человек» (Санкт-Петербург) выходит в свет книга Успенского «Искания новой жизни. Что такое йога». Второе и третье издания выйдут в 1915 и 1918 гг. В 1931 г. в Англии выходит книга Успенского «Новая модель вселенной» (автор покинул Россию в 1920 г.), в которой одна из глав посвящена йоге. Это – шестая глава, она называется «Что такое йога?» и представляет собой своеобразный итог изучения этой дисциплины Успенским. В конце главы второго издания (1934) мы встречаем датировку 1912–1934, указывающую годы работы над темой².

Уже в первой книге мы встречаем важнейшие мысли русского философа о философии и практике йоги. На четвертой странице мы встречаем фразу, выделенную жирным шрифтом: «**Йога – это ключ ко всей мудрости Востока**»³.

Что имеет в виду Успенский? Русский философ считает, что все основополагающие тексты древнеиндийской культуры создавались йогинами. И поэтому они принципиально непонятны для обыкновенного человека (не-йогина). Это относится к Ведам, Упанишадам, Пуранам, эпосу – Махабхарате и Рамаяне и другим культовым произведениям, разумеется, не только словесным. Иначе говоря, культура Индии создавалась людьми, находящимися в качественно другом состоянии сознания. И для того, чтобы приблизиться к пониманию этих произведений, необходимо качественно изменить свое сознание посредством практики йоги.

Таким образом, йога имеет характер герменевтического ключа к пониманию и интерпретации сюжетов, символов, традиции и других элементов древнеиндийской культуры. Такое понимание специфики йоги является, с одной стороны, глубоко индивидуальным, так как мы не встречаем подобной радикальной постановки вопроса у других авторов, а с другой стороны, представляется, довольно-таки объективным, так как не противоречит духу самой традиции, о которой идет речь. Если развивать мысль Успенского, йога играет роль герменевтико-психологического органа по отношению к остальным пяти классическим индийским философским школам – санкхье, веданте, мимансе, ньяе, вайшешике, которые, в свою очередь, являются введением в изучение

шрути и смрити, священного писания и философских комментариев к нему. Здесь содержится одна очень интересная идея. Одной теории явно недостаточно. Как недостаточно и логико-математического и грамматического орудий мысли в качестве введения в теорию. Необходимо психологическое изменение бытия человека. У позднего Успенского это найдет выражение в методологическом разграничении знания и бытия. Уровень знания должен соответствовать уровню бытия. Понимание возникает как своего рода согласованность и гармония между знанием и бытием. Необходимо определенным образом усовершенствовать внимание, память, перцептивные и апперцептивные возможности, этические качества и другие антропологические характеристики, чтобы какие-то смыслы оказались принципиально доступными⁴.

Далее Успенский делает важное замечание. Он отмечает, что знакомство западной аудитории с йогой началось с теософии – Елена Петровна Блаватская и ее последователи и сподвижники первыми начали квалифицированно писать о йоге. Здесь Успенский не совсем прав. Перевод и комментирование йогических трактатов начинаются уже с середины XIX в.⁵ (М. Мюллер и др.). Но это – академические историко-филологические исследования. Видимо, Успенского интересовало другое. Его интересовали те западные писатели, которые непосредственно соприкасались с самой йогической традицией. В качестве таковых ему представлялись теософы. Успенский называет имена Блаватской, Олькотта, Синнета, Безант. Теософская литература начинает интенсивно выходить в свет с 1877 г. Блаватская и другие авторы действительно имели опыт общения с индийскими учителями йоги, но отношение к йоге у них было специфическим. Теософы несколько искусственно разделяли высшую, духовную, раджа-йогу и низшую, физическую, хатха-йогу. Это пренебрежение к физической практике йоги сохраняется и у основателей живой этики, агни-йоги, Рерихов. Пытаясь сразу, минуя подготовительные уровни, приобщиться к высшим силам и возможностям йоги, теософы и их последователи, как правило, оказывались ни с чем, провозглашая высшие духовные истины в отрыве от подлинной духовной практики. Тем не менее следует признать, что живой, а не только теоретический, интерес к йоге в странах Запада инициировали действительно теософы.

Но особенное внимание Успенский уделяет второму этапу знакомства с йогической традицией. Он связывается с именами Рамакришны и его учеников – Вивекананды, Абедананды и др. Здесь мы имеем дело уже не с посредниками, а непосредственно с самой традицией, линией ученической преемственности. Ученики Рамакришны, сами индусы, писали на английском, их книги издавались в странах Запада. Вивекананда начинает активно распространять учение Рамакришны с 1882 г., уделяя значительное внимание философским аспектам йоги. Надо сказать, что в этой традиции этика и теория решительно доминируют над йогической практикой – садханой. Кстати, именно Успенский оказывается инициатором

издания книг Вивекананды на русском языке (после 1912 г.). С этого и начинается серьезное знакомство русской интеллигенции с идеями йоги.

Пересказывая содержание книг Вивекананды и Абедананды, Успенский фиксирует внимание на психологических аспектах йоги. Особенно его интересуют четыре принципиально различных состояния сознания, в которых может пребывать человек — *глубокий сон, сон со сновидениями, бодрствование* и то, что может быть названо *состоянием полной осознанности* (оно и является целью практики йоги). Успенский подчеркивает чуждость таких представлений западной психологии. Надо сказать, что западную психологию Успенский осваивал в основном по Вундту, Спенсеру, Фехнеру, в какой-то степени Маху. Психоанализ он категорически не принимал. Петр Демьянович понимает, что в категориях западной психологии четвертое состояние сознания описано быть не может. (От себя замечу, что какие-то перспективы имеются, если мы будем последовательно развивать представления Вундта об апперцепции.) Но в то же время Успенский ищет в современной психологии и философии (а также, может быть, в околонучном пространстве) какую-то поддержку, какие-то возможности перевода сокровенных восточных смыслов на язык науки. Он выделяет таких авторов, как Уильям Джемс, Ричард Бекк и Чарльз Хинтон. В первую очередь он обращается к фундаментально-революционной, но не отрефлексированной в западной культуре книге профессора Джемса «Многообразие религиозного опыта»⁶. Именно в концепции мистического состояния сознания Джемса Успенский видит органичный подход к восточному (и не только) мистицизму со стороны западного научного сознания. Джемс, в свою очередь, ссылается на книгу канадского психиатра Ричарда Бекка «Космическое сознание»⁷. Это книга становится во многом парадигматичной для всей философской концепции Успенского, наиболее полно выраженной в его работе «*Tertium organum*»⁸. Характерно, что Бекк был чрезвычайно вдохновлен поэзией Уолта Уитмена, и многое в концепции космического сознания навеяно творчеством этого великого поэта. (Замечу, что Успенский находит идейно-стилистический параллелизм у Уитмена и Василия Розанова, когда он говорит в «*Tertium organum*» о «Людах лунного света»⁹.) И, наконец, Чарльз Хинтон, блестящий автор «Новой эры мысли» и «Четвертого измерения»¹⁰ (книга с таким названием есть и у Успенского¹¹). Успенский связывает учения этих мыслителей друг с другом и с психологией йоги, указывая на то, что, взятые вместе, они объясняют друг друга.

Затем Успенский обращается и к отечественной мысли. Он находит, что серьезные параллели с учением йогов наблюдаются в книге А.А. Суворина (Алексея Порошина) «Новый человек» (вышла в 1913 г.). Успенский приводит такую замечательную цитату из Суворина: «И грех великий против себя и против высшего счастья мира — чувства радости и довольства жизнью — совершает человек, когда живя он уже с молодых лет только растрчивает свои физические силы, вместо того, чтобы с каждым днем их увеличивать, набирать в себя более физической

энергии, расширять объем своих легких, делать свою кровь краснее, а самое настроение — бодрее, энергичнее, наполняясь уверенностью, что жизнь есть великое и радостное благо, а он сам и есть тот нарядный алый цвет мироздания, который солнце прилежно вызывает своими горячими лучами из красной глины земли»¹².

Я бы назвал это русской философией жизни, так отличающейся своим утверждающим пафосом, искренним жизнелюбием от трагического, ностальгически-депрессивного или же messiански-эйфорического фона отечественного философствования. Хотя, конечно, если говорить о сходствах с философией йоги, здесь акцентируются наиболее примитивные, физические аспекты.

Успенский обращается также к мысли И.И. Мечникова, находя множество параллелей опять-таки с физическими аспектами йоги. В частности, он приводит такую цитату: «Задача этики сводится к тому, чтобы предоставить наибольшему количеству людей возможность достигнуть цели их жизни, т.е. провести весь цикл их рационального существования вплоть до естественного конца»¹³. В одном из изданий 1918 г. есть карандашная помета: «Разве это — цель жизни?» Для русской мысли это — очень нехарактерная постановка вопроса. У нас гораздо радужнее принимаются фантазии о воскрешении мертвых при помощи науки... А здесь — просто дожить жизнь до естественного конца. Успенский тут же замечает, что для йоги долгая жизнь — не цель, а только средство познания истины, т.е. подчиняет этику Мечникова гносеологии йоги. В данном случае речь шла только о хатха-йоге.

В книге «Новая модель вселенной», в главе «Что такое йога?», в разделе, посвященном бхакти-йоге¹⁴, йоге божественной любви, Успенский проводит глубокие параллели между традициями бхакти и православным исихазмом. Успенский щедро цитирует Бориса Зайцева, его путевой очерк «Афон». Успенский также останавливается на «Добротолубии» и чрезвычайно интересном памятнике неизвестного автора XIX в. — «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»¹⁵. Важно, что эти вещи — исихазм и йога — объясняют друг друга в интерпретации и сопоставлениях Успенского.

В своих лекциях по «Психологии возможной эволюции человека», которые Успенский читал с 1921 г. в Лондоне, он называет йогу психологией, которая оказалась в ряду шести философских систем. «Добротолубие» он также рассматривает в качестве христианской психологии. Итак, психология оказывается здесь основанием для сближения йоги и исихазма¹⁶.

Йога для Успенского — «ключ ко всей мудрости Востока».

«Философия Индии и ее религии заключают в себе неисчерпаемые источники мысли. И европейская философия всегда пользовалась и пользуется этими источниками, но, странным образом, не достигает тех результатов, т.е. тех идеалов мудрости, святости и силы, какие получают на родине Упанишад»¹⁷.

Таким образом, мудрость Востока становится ключом для понимания мудрости Запада. Но для понимания философии и психологии йоги русский мыслитель (все-таки представитель западной культуры) вынужден обращаться к западным аналогам, искать соответствия в своей культуре.

В свою очередь читатель и истолкователь Успенского, глубже понимая йогу благодаря интерпретациям русского философа-мистика, глубже и иначе открывает для себя тексты западной и русской культуры, вовлекаясь в своеобразный герменевтический круговорот, совершая интеллектуальное путешествие по перекликающимся философским мирам.

ПРИМЕЧАНИЯ

^{1 2} Успенский П.Д. Искания новой жизни. Что такое йога / П.Д. Успенский. – СПб.: Новый человек, 1913. 41 с.; Успенский П.Д. Искания новой жизни. Что такое йога. – П.: Издание М.В. Пирожкова, 1918. – 41 с.; Успенский П.Д. Новая модель вселенной / пер. с англ. Н.В. фон Бока. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. С. 250–279;

³ Успенский П.Д. Искания новой жизни. Что такое йога. – П.: Издание М.В. Пирожкова, 1918. С. 4.

⁴ См.: Успенский П.Д. Психология возможной эволюции человека; Космология возможной эволюции человека / пер. с англ. А.М. Руткевича и Д.С. Басова. – СПб.: АО «Комплект», 1995. С. 64–67; Успенский П.Д. В поисках чудесного / пер. с англ. Н.В. фон Бока. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. С. 78–92.

⁵ См.: Мюллер М. Шесть систем индийской философии / пер. с англ. – М.: Искусство, 1995. С. 311.

⁶ Джемс В. Многообразие Религиозного Опыта / пер. с англ. В.Г. Малахеевой-Мирович и М.В. Шик / под ред. С. В. Лурье; изд. журн. «Русская Мысль»; М., 1910; Товарищество типографии А.И. Мамонтова / репринтное издание. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992.

⁷ Космическое сознание / сост. В.А. Шериев; пер. с англ. и нем. – М.: ООО «НИК», «Одиссей», 1995. С. 3–344.

⁸ Успенский П.Д. TERTIUM ORGANUM. – СПб., 1911; репринтное издание. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992.

⁹ Там же. С. 116–117.

¹⁰ См.: Хинтон Ч.Г. Четвертое измерение и эра новой мысли / пер. с англ. – П.: Новый человек, 1915.

¹¹ Успенский П.Д. Четвертое измерение. Обзор теорий и попыток исследования области неизмеримого – СПб., 1910. Третье издание этой книги вышло в 1918 г. (Петроград, издание М.В. Пирожкова). Из современных доступных изданий см.: Успенский, П. Четвертое измерение / П. Успенский; с; П.: Издание М.В. Пирожкова, 1918; Тухолка С. Окультизм и магия. – СПб.: издание А.С. Суворина. 1907; Ташкент, 1993. С. 3–94.

¹² Успенский П.Д. Искания новой жизни. Что такое йога. – П.: Издание М.В. Пирожкова, 1918. С. 15.

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Успенский П.Д. Новая модель вселенной / пер. с англ. Н.В. фон Бока. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. С. 269–276.

¹⁵ Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. – М.: Сибирская Благовонница, 2015. – 350, [2] с. (уточнить)

¹⁶ Успенский П.Д. Психология возможной эволюции человека; Космология возможной эволюции человека / пер. с англ. А.М. Руткевича и Д. С. Басова. – СПб.: АО «Комплект», 1995.

¹⁷ Успенский П.Д. Искания новой жизни. Что такое йога – П.: Издание М.В. Пирожкова, 1918. С. 1.

REFERENCES

Cosmic Consciousness. Moscow, NIK, Odysseus, 1995. 800 p. (Russian trans.). Hinton Ch. *The Fourth Dimension and A New Era of Thought*. Petrograd, Book Publishing «New Man», 1915. 256 p. (Russian trans.).

James W. *The Varieties of Religious Experience*. Saint Petersburg, Andreev and Sons, 1992. 418 p. (Russian trans.).

Lachman G. *In Search of P. D. Ouspensky: The Genius in the Shadow of Gurdjieff*. Saint Petersburg, All, 2011. 224 p. (Russian trans.).

Muller M. *Six Systems of Hindu Philosophy*. Moscow, Art, 1995. 448 p. (Russian trans.).

Ouspensky P. *In Search of the Miraculous*. Saint Petersburg, Publishing of Chernyshev, 1994. 528 p. (Russian trans.).

Ouspensky P. *New Model of the Universe*. Saint Petersburg, Publishing of Chernyshev, 1993. 560 p. (Russian trans.).

Ouspensky P. *Tertium Organum*. Saint Petersburg, Andreev and Sons, 1992. 241 p. (in Russian).

Ouspensky P. *The Psychology of Man's Possible Evolution*. Saint Petersburg, Series, 1995. 160 p. (Russian trans.).

Rovner A. *Gurdjieff and Ouspensky*. Moscow, Sophia, Helios, 2002. 512 p. (in Russian).

Аннотация

Статья посвящена осмыслению философии йоги, одной из шести систем классической индийской философии, русским философом-мистиком Серебряного века П.Д. Успенским (1878 – 1947). Рассматриваются вопросы и возможности диалога таких различных школ мысли, как йогический мистицизм, русская, западноевропейская и американская философия и психология.

Ключевые слова: йога, мистицизм, сознание, индийская философия, интерпретация.

Summary

This article is dedicated to understanding the philosophy of yoga, one of the six systems of classical Indian philosophy, done by Russian visionary philosopher of the Silver Age, mystic P.D. Ouspensky (1878-1947). Questions at issue are possibilities and ways of interaction between various schools of thought, such as yoga mysticism, Russian, West-European and American philosophy and psychology.

Keywords: yoga, mysticism, consciousness, Indian philosophy, interpretation.

**СУДЬБА ФИЛОСОФА:
МАКСИМ ЛАЗАРЕВИЧ ШИРВИНДТ (1893–1936)*
Часть II**

С.Н. КОРСАКОВ

Психолог

М.Л. Ширвиндт оставил заметный след в психологии начала 1930-х гг. Достаточно сказать, что его статья о фрейдизме была перепечатана спустя более шестидесяти лет уже в наше время в числе работ, исходных для понимания взаимоотношений психоанализа и русской мысли¹.

В 1930 г. под редакцией Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта вышел сборник «Основные течения современной психологии». В сборнике, кроме Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта, принимал участие Л.С. Выготский, написавший для него статьи о гештальтпсихологии и эйдетизме, а также известный специалист по психотехнике С.Г. Геллерштейн. Общая позиция авторов, заявленная в предисловии, заключалась в том, что «марксистской психологии, в подлинном смысле этого слова, пока еще нет, и ни одно из существующих в СССР направлений не имеет права присваивать себе подобное наименование»². Отсюда вытекало не только равноправие всех школ отечественной психологии, но и стремление абсорбировать все ценное и интересное, что могли дать разнообразные направления зарубежной психологии.

Сама постановка проблемы анализа теоретических основ ведущих психологических течений была обусловлена известной ситуацией общего кризиса в психологии 1920-х гг. На смену ограниченной в своих возможностях интроспекции пришли новые психологические методы, ставшие, как писал М.Л. Ширвиндт, «результатом открытия новых сторон в предмете. Но открывши их, психологи потеряли единство предмета. Единый целостный предмет был разъят на части, отдельные стороны выхвачены из общей связи и каждая сторона объявлена особым объектом»³.

Психология предстала совокупностью течений, каждое из которых абсолютизировало свой метод. Выявить рациональное зерно каждого из основных направлений психологии, определить его пределы применимости и собрать из этой мозаики целостную картину с помощью метода материалистической диалектики, было сверхзадачей авторов книги. Только тогда, по их мнению, будет создана марксистская

* Начало см.: ФН. 2015. № 10.

психология. По словам М.Л. Ширвиндта, «марксистская психология, основанная на применении методов материалистической диалектики к психической действительности, будет синтезом различных современных психологических направлений в том смысле, что она свяжет открытые ими факты единством подлинно научного метода, изучающего предмет во всей его многогранности»⁴. Вполне очевидно, что подобная методологическая открытость была несовместима с курсом сталинистов на изоляционизм советской науки.

Исходная установка книги на объективный анализ и внимание к положительным моментам основных течений психологии в полной мере реализована в двух статьях М.Л. Ширвиндта – о бихевиоризме и о фрейдизме⁵.

Обращение М.Л. Ширвиндта к изучению бихевиоризма естественно вытекало из его философских интересов. Ведь известно, что «прагматизм наряду с неореализмом явился философской подоплекой бихевиористской программы»⁶. Лучший знаток неореализма в советской философии не мог пройти мимо психологической теории, исходящей из этих философских идей. Основное внимание он сосредоточил на вышедшей в 1925 г. книге лидера этого психологического направления Дж. Уотсона – «Бихевиоризм».

Оговорив положительные стороны бихевиоризма, прежде всего его материалистический характер и применение биографического подхода к изучению личности, М.Л. Ширвиндт указал на основную черту методологии Дж. Уотсона – попытку построить новую науку, используя в качестве эталона метод более старой и более зрелой науки, в данном случае – биологии. Подобный подход неизбежно оборачивается сведением более сложных закономерностей к более простым и в итоге – устранением самого предмета исследования. В случае с бихевиоризмом такой жертвой оказалось понятие сознания, которое Дж. Уотсон к тому же отождествлял с мышлением вообще. Изучение поведенческих реакций человека рассматривалось в бихевиоризме как «универсальная отмычка», позволяющая не только раскрыть тайну человека, но и объяснить функционирование общества. При этом общество в духе представлений XVII–XVIII вв. мыслилось как простая сумма взаимодействующих индивидов.

Сравнив бихевиоризм Дж. Уотсона с рефлексологией В.М. Бехтерева, М.Л. Ширвиндт делал вывод, что и с той и с другой позиции человек предстает физиологическим автоматом. Но «самая мысль сконструировать человека как физиологический автомат мешает понять индивидуальность»⁷. Бихевиористская модель «стимул – реакция» «превращает человека в машину, особым образом устроенную, способную к приобретению известных нужных для общества навыков»⁸. Дж. Уотсон подтверждал эту модель многочисленными экспериментами по прививанию, а затем по погашению привитых навыков. Именно

здесь М.Л. Ширвиндт обнаруживает слабое место бихевиористской методологии. Искусственно привитые рефлексy не трудно погасить, но когда рефлексy создаются вследствие влияния внешней социальной среды, процесс их формирования опосредован внутренними реакциями. Чтобы изучать их, необходимо отказаться от исходных принципов бихевиоризма, прежде всего — от запрета на исследование того, что испытывает субъект, его переживаний и убеждений. Вместе с тем прокламированное бихевиоризмом требование объективности изучения человека должно войти, считал М.Л. Ширвиндт, в арсенал научной психологии.

Тема психоанализа была одной из наиболее остро обсуждаемых в советской научной литературе 1920-х гг. Причем дискуссии эти велись главным образом в идеологической плоскости и вращались вокруг вопроса о совместимости фрейдизма с марксизмом⁹. К 1930 году, которым помечена статья М.Л. Ширвиндта, за вопросом о фрейдизме тянулся целый шлейф взаимных идеологических обвинений. М.Л. Ширвиндт опять сумел подойти к проблеме исключительно с профессиональных позиций, что не мешало ему при этом оценивать учение Фрейда в свете диалектического материализма.

В своей статье о психоанализе М.Л. Ширвиндт продемонстрировал как глубокое понимание предмета, так и блестящий литературный стиль: «Если бихевиорист в своем стремлении упростить человеческую личность превращает человека в автомат, то психоаналитики находят, что в автомате скрывается психически больной, — пишет автор. — В этом смысле Фрейда можно с полным правом назвать Достоевским современной психологии. Не потому ли психоанализ, замалчиваемый почти два десятилетия официальной наукой, покоряет теперь Европу и Америку?». Проблему Фрейда М.Л. Ширвиндт видит в том, что основатель психоанализа не понимает пределов применимости своего собственного метода, очень часто выходит за границы психологии и психиатрии, а «его философствующие ученики вспоминают о психиатрической клинике лишь для того, чтобы в мистическом экстазе засадить туда весь мир»¹⁰.

На общем фоне дискуссий 1920-х гг. необычен сам подход М.Л. Ширвиндта. Он сразу же отделяет бесплодные идеологические препирательства по поводу учения Фрейда от его действительного научно-философского анализа. М.Л. Ширвиндт несколько раз настойчиво подчеркивает практическую эффективность психоаналитических методик в психиатрическом лечении: «Если признать, что психоаналитическая терапия приводит во многих случаях к излечению, то нужно согласиться с тем, что психоаналитический опыт в известной степени правильно исследует реальность»¹¹. Больные получают исцеление, значит, психоаналитические практики позволяют воздействовать на причины болезни, в том числе на физиологические процессы.

«Отсюда следует, — делает неизбежный вывод М.Л. Ширвиндт, — что психоанализ как психиатрическая и психологическая теория не страдает идеализмом в вопросах, касающихся психофизиологической проблемы»¹². М.Л. Ширвиндт демонстрирует наивность многих критических публикаций, направленных против фрейдизма, непонимание их авторами теоретических проблем, возникающих при исследовании бессознательного, например, сложности отображения бессознательных процессов в понятиях нашего мышления. По поводу морализаторской критики некоторых идей фрейдизма, например об эдиповом комплексе, он замечает: «По существу критиковать “комплекс Эдипа” нельзя, не отрицая детской сексуальности. А ее признавать необходимо, если только мало-мальски считаться с фактами»¹³. Все это выглядело очень нетипичным на фоне рассуждений в советской научной публицистике тех лет о том, как комплекс Эдипа «служит буржуазии»¹⁴.

М.Л. Ширвиндт переводил вопрос в совершенно иную плоскость. Добросовестно изложив научные результаты фрейдизма, он обозначает свой подход так: «Задача материалиста-диалектика не в том, чтобы начисто отрицать фрейдизм — то было бы и слишком легко и слишком трудно. Задача в другом: показать с точки зрения диалектического материализма, каковы условия значимости психоаналитического метода и где границы его применения»¹⁵. По мнению М.Л. Ширвиндта, психоанализ ценен объективным методом познания субъективных переживаний, и научные моменты психоанализа вместе с бихевиоризмом и рефлексологией несомненно составят «основу будущего здания марксистской психологии»¹⁶. Основную ошибку фрейдизма, общую у него с бихевиоризмом, М.Л. Ширвиндт видит в «механистической концепции общества, согласно которой общество рассматривается как сумма людей»¹⁷ в духе «броуновской» модели общества, свойственной философии XVII–XVIII вв. В результате утрачивается социальное как особая реальность. Во фрейдизме это наиболее ярко проявляется в идее о том, что сублимация — основа человеческой культуры. Культура, система социальных норм и нравственных ценностей, становится чем-то внешним, чуждым человеку. Человек в своей творческой деятельности воспроизводит отчужденную реальность, а его «Я» приобретает самодовлеющий статус. По сути М.Л. Ширвиндт взглянул на психоанализ с новой точки зрения, раскрыв его как самосознание отчужденного общества, преломленное в психике индивидов. Непонимание этого обстоятельства самим Фрейдом и его последователями приводило к трансформации экспериментально обоснованной рациональной теории в учение, мистифицирующее действительность. «Социологическая концепция Фрейда, — констатирует М.Л. Ширвиндт, — результат расширения им психоаналитического метода за пределы возможного его применения»¹⁸.

В 1930 г. М.Л. Ширвиндт выступил с докладом о психоанализе на Всесоюзном съезде по изучению поведения человека. Однако фрей-

дистские идеи не получили поддержки на съезде¹⁹. Позиция М.Л. Ширвиндта в этих условиях выглядела уже слишком либеральной.

М.Л. Ширвиндт считал, что «психоанализ дает нам ряд ценнейших указаний по вопросу о том, как надо изучать внутреннюю сторону человеческого поведения, бихевиоризм и рефлексология — исследуют его внешнюю сторону. Диалектический материализм призван к тому, чтобы синтетически связать в одно целое различные методы изучения человеческой личности и построить единую науку о поведении человека»²⁰. Планам подлинно научного развития психологии в СССР не суждено было сбыться.

Весь первый номер журнала «Психология» за 1932 г. был посвящен разоблачению «меньшевиствующего идеализма» в психологии. Ф. Шемякин и Л. Гершонович в передовой статье заявили, что «деборинская группа и меньшевиствующие идеалисты-психологи» занимались профессиональным исследованием и научной критикой фрейдизма «вместо того, чтобы решительно ударить и беспощадно разоблачить воинствующий идеализм теории Фрейда, показать его смыкание с фашизирующей буржуазной наукой»²¹. Следом шла статья А. Таланкина, который, напомнив, что «деборинское философское руководство считало своим большим достижением проведение Всесоюзного съезда по изучению поведения человека в январе 1930 г.», полностью дезавуировал всю работу съезда. Неприемлемой была признана проводившаяся деборинцами на съезде «линия на синтез и примирение различных школ и течений вместо разоблачения их буржуазного характера»²².

Рецензия Ф. Музылева в том же номере журнала «Психология» имела задачей «разгромить» книгу «Основные течения современной психологии»²³. Книгу, редакторами которой были Б.А. Фингер и М.Л. Ширвиндт, Ф. Музылев объявил «ярким проявлением меньшевиствующего идеализма на фронте психологии», который здесь «разоблачен» еще недостаточно в отличие от «философского фронта». Главным обвинением против «представителей деборинского философского руководства в психологии» было «непризнание ленинского принципа партийности теории». Правильная партийная психология не нуждалась в научном анализе западных теорий, который проводили деборинцы. Неудовольствие вызывало то, что деборинцы говорили «о психологии вообще, так как с точки зрения меньшевиствующего идеализма наука ведь стоит выше классовых интересов». В качестве примера подобного «объективизма» рецензент приводил высказывание «считающего себя марксистом» М.Л. Ширвиндта о том, что кризис психологии вызван уязвимостью применявшихся методов, а не «загниванием капиталистического общества». Это было названо рецензентом «либеральным отношением к критике буржуазных психологических теорий». «Марксистское утверждение о классовом характере науки для Ширвиндта верно лишь “до некоторой степени”», — писал Ф. Музылев.

Столь же порочным было объявлено стремление авторов книги формировать марксистскую психологию на основе объединения наиболее ценных идей основных течений, существующих в психологической науке (фрейдизма, рефлексологии, бихевиоризма, гештальтпсихологии). Особое раздражение борца «за большевизацию психологической науки» вызывали попытки М.Л. Ширвиндта использовать чисто научные стороны психоанализа, отделяя их от философских установок Фрейда.

Желание во что бы то ни стало найти отступления от марксизма у тех, кто глубоко верил в принципы марксистского учения и умело применял их при анализе философских и научных проблем, приводило охотников за «вредителями в науке» к нелепостям, невероятным по безграмотности. Рецензент утверждал, что применяемый Б.А. Фингером и М.Л. Ширвиндтом принцип восхождения от абстрактного к конкретному «противоречит марксистско-ленинской теории познания» и называл его «известным тезисом меньшевиствующего идеализма». Вот так знали марксизм те, кто на протяжении десятилетий задавали тон в общественных науках после разгрома подлинной марксистской философии в 1930 г.

Рецензия Ф. Музылева завершалась недвусмысленным выводом: «Появление такой сугубо “беспартийной” книги, как сборник “Основные течения современной психологии”, заслуживающей самого сурового осуждения и отпора, лишней раз сигнализирует о недостатках работы на фронте психологии и указывает на необходимость усиления бдительности»²⁴. Так была насильственно прервана научная работа М.Л. Ширвиндта в области философских вопросов психологии.

Философ естествознания

Разносторонность научных интересов М.Л. Ширвиндта поражает. К какой бы области науки он ни обращался, он работал как профессионал, с глубоким пониманием ключевых проблем, от решения которых зависит продвижение познания вперед. В его публикациях нет даже тени дилетантизма, более того, его подходы часто оказывались ближе к истине, чем у тех, кто имел специальное образование и всю жизнь работал в данной области. М.Л. Ширвиндт проявил себя как выдающийся популяризатор естествознания. У него немного опубликованных работ, но качество их таково, что к ним и сегодня обращаются исследователи²⁵. Чтобы по достоинству оценить значение статей М.Л. Ширвиндта и почувствовать контекст времени, необходимо в двух словах обрисовать ситуацию в советской философии естествознания тех лет.

Механисты начисто отвергали новые научные направления: квантовую механику, теорию относительности и генетику, клеймили идеи неклассической физики как махизм²⁶, называли их «чепухой»²⁷. Подобные оценки получали широкое распространение. Публицист «Нового

мира» В.Е. Львов вообще объявлял А. Эйнштейна «прислужником поповщины»²⁸.

В ситуации огульного отрицания теории относительности сначала механистами, а затем сталинистами, особый интерес представляет позиция, занятая М.Л. Ширвиндтом²⁹. Его статья «Теория относительности» в журнале «Человек и природа» была приурочена к пятидесятилетию со дня рождения А. Эйнштейна (1929). Статью М.Л. Ширвиндта отличает полное отсутствие идеологического подхода. В ней совершенно нет типичных для публикаций того времени попыток стать в позу судьи, который оценивает, где великий физик «оступился», и чего «недопонял». М.Л. Ширвиндт в самом начале статьи называет теорию Эйнштейна «одной из величайших революций в нашем понимании пространства, времени и движения»³⁰.

М.Л. Ширвиндт обнаруживает удивительную глубину понимания физических следствий теории относительности. В 1920-е гг. представление об «эфире» как якобы среде-носителе электромагнитных волн еще было общераспространенным среди многих физиков. М.Л. Ширвиндт же делает неизбежный вывод из теории Эйнштейна: «Следовательно, существование привилегированной системы отсчета — абсолютного пространства и времени неподвижного эфира — ничем не оправдывается»³¹. В этом вопросе М.Л. Ширвиндт опережает физические представления своего времени.

Работа М.Л. Ширвиндта была одной из первых, где была дана материалистическая интерпретация теории относительности. Он показал, что идея единого пространственно-временного континуума восстанавливает связь между пространством, временем и движением, разорванную классической механикой, и подтверждает положение диалектического материализма о том, что пространство и время — необходимые формы существования движущейся материи, а энергия и масса являются двумя сторонами единой сущности — материи.

М.Л. Ширвиндту не составило труда объяснить несостоятельность утверждений как критиков, так и сторонников теории Эйнштейна о ее идеалистическом характере и субъективизме, выражающемся, будто бы в равноправности всех систем отсчета. Субъективность пространственно-временных измерений является с точки зрения специальной теории относительности лишь обратной стороной постоянства скорости света. Кроме того, общая теория относительности признает наличие объективного интервала. Рассматривая вопрос о дискретности, либо непрерывности материи в свете теории относительности, М.Л. Ширвиндт не приходит к окончательным выводам в силу неготовности к этому науки своего времени, но дает философскую оценку, которую современная наука всецело подтвердила: «Материя в более широком, философском смысле этого слова, является синтезом прерывности и непрерывности». Совершенно прав М.Л. Ширвиндт и когда, опережая

свое время, говорит о непротиворечивости общей теории относительности и концепции бесконечности мира. В настоящее время идея бесконечности мира и вечности его существования находит обоснование в таких новых теориях как инфляционная космология и концепция мультиверса (не универса), т.е. концепция множественности вселенных.

Значение статьи М.Л. Ширвиндта в том, что он применяет в ней принцип: разделять научную теорию и ее философские интерпретации. М.Л. Ширвиндт предупреждал: «Плох тот материалист, который, основываясь на своих механистических предрассудках, отдает принцип относительности, завоевавший всю современную физику и астрономию, идеалистам. Попытка идеалистов притянуть за волосы теорию Эйнштейна для доказательства правильности своих взглядов явно обречена на неудачу. Удивительно, что некоторые материалисты этого не понимают»³². К сожалению, «философы», пришедшие на смену уничтоженным диалектикам и выступавшие в годы сталинизма от имени диалектического материализма, не только плохо знали современное естествознание, но, самое главное, не понимали сам диалектический материализм, которым клялись, и которым кляли.

М.Л. Ширвиндт выступал и как автор предисловий к переводам научно-популярных книг выдающихся ученых. Причем предисловия писались им по прочтении оригинального текста, а не перевода. Предисловия эти отличает тот литературный блеск, что присущ и другим работам М.Л. Ширвиндта.

В 1929 г. с его предисловием вышла «Анатомия науки» Г.Н. Льюиса, крупного американского физико-химика, введшего термин «фотон», впервые получившего тяжелую воду и выделившего из нее дейтерий³³. М.Л. Ширвиндт с его умением чувствовать в работах выдающихся естествоиспытателей перспективные идеи, важные для последующего развития науки, сразу же выделил главное: обратил внимание на поиски Г.Н. Льюисом «общего принципа, объединяющего поле тяготения и электромагнитное поле»³⁴. Попыткам построить единую теорию поля посвятил, как известно, последние десятилетия своей жизни А. Эйнштейн. М.Л. Ширвиндт сумел уловить у Г.Н. Льюиса то, что представляет собой главную задачу и магистральное направление развития современного естествознания.

Особый интерес представляет предисловие М.Л. Ширвиндта к переведенной в 1932 г. книге Дж.Х. Джинса «Вселенная вокруг нас»³⁵. Выдающийся английский астрофизик Дж.Х. Джинс фигурировал в советской научной печати в качестве яркого примера «физического идеалиста». Биограф Джинса А.В. Козенко отмечает, что М.Л. Ширвиндту в его предисловии удалось дать справедливую оценку идей автора с позиций материалистической диалектики³⁶.

Предисловие М.Л. Ширвиндта совершенно лишено идеологических оценок и представляет собой профессиональный анализ на-

учных идей и мировоззренческих обобщений английского ученого. М.Л. Ширвиндт опять сумел сразу же выделить у рецензируемого автора перспективную идею, важную для развития науки уже в наши дни: принцип единства земной и космической физики. Вместе с тем он не согласился с Джинсом, когда тот в духе энергетизма рассматривал материю как форму энергии и допускал возможность «исчезновения» материи. Обратив внимание на то, что энергия обладает массой и весом, М.Л. Ширвиндт указывал, что масса и энергия – два связанных качества единой материи. Он проявил, таким образом, глубокое понимание принципа эквивалентности массы и энергии: «Загадочное “уничтожение” вещества представляет собой, следовательно, процесс превращения одной формы материи в другую форму, с иным пространственным распределением энергии и массы»³⁷.

В одной из своих работ М.Л. Ширвиндт высказался и по поводу картины мира, которую рисовал другой выдающийся английский астрофизик А.С. Эддингтон. Прочитав откровенно мистические места из книги Эддингтона «Природа физического знания», он сразу же отметил, что причины подобных идеалистических выводов автора из данных современной науки заключаются не столько в личной религиозности Эддингтона или влиянии «буржуазных предрассудков». Причина в том, что современная физика вскрывает внутреннюю противоречивость физических процессов, что требует применения не только формальной, но и диалектической логики. Прежние механистические подходы перестают работать, и это склоняет некоторых физиков к идеалистическим оценкам. «Например, физик привык считать необходимость и случайность абсолютными противоположностями. Современная же физика показывает, что случайность – момент необходимости, необходимость же, в свою очередь, складывается из случайностей. Как тут не звать к идеализму, мистике, религии!»³⁸. Предоставленная самой себе, наука не может быть гарантирована от идеалистических и религиозных интерпретаций.

М.Л. Ширвиндт принял участие в проходивших в 1930-е гг. дискуссиях по проблеме эфира, которые инициировал академик В.Ф. Миткевич. Он не мог примириться с мыслью, что никакой универсальной среды, являющейся будто бы промежуточным звеном и носителем электрического и магнитного полей – нет. Первая дискуссия о природе электромагнитных явлений и наличии эфира прошла по инициативе В.Ф. Миткевича в Ленинградском политехническом институте. Состоялось три диспута: 13 декабря 1929 г., 3 января и 14 марта 1930 г. Материалы дискуссии печатал журнал «Электричество»³⁹. Тогда же они были опубликованы отдельной книгой под названием «Природа электрического тока»⁴⁰. В предисловии «От редакции» говорилось, что большинство современных физиков разделяет ту точку зрения, что физические тела взаимодействуют без участия какой-либо промежу-

точной среды, но есть группа физиков, которая постулирует такую среду. Эту позицию в ходе диспутов отстаивал В.Ф. Миткевич. Его основным оппонентом выступал Я.И. Френкель. Председательствовал на дискуссии А.Ф. Иоффе, мягко назвавший точку зрения, которую излагал Я.И. Френкель, «наиболее привычной в современной физике». Для участия в дискуссии были приглашены и выступили такие крупные ученые, как Я.Г. Дорфман, В.К. Лебединский, Д.А. Рожанский, вновь приехавший в Россию П.С. Эренфест и др. От философов планировалось выступление Б.М. Гессена, но он не приехал и вместо него в первом диспуте выступала Т.Н. Горнштейн. Во втором диспуте выступил М.Л. Ширвиндт⁴¹. Он отметил, что этот спор наглядно показывает, как физик вынужден обращаться к философии, когда он начинает размышлять над основами своей науки. Причину спора он справедливо усмотрел в том, что «для современной физической теории типично сочетание мощной и богатой математической формулы с беспомощной и бедной моделью»⁴². Поэтому, считал М.Л. Ширвиндт, спор В.Ф. Миткевича и Я.И. Френкеля приобретает специфический гносеологический интерес.

Вновь свои «Вопросы» академик В.Ф. Миткевич сформулировал в 1933 г. в периодическом издании Ленинградского электромеханического института⁴³. На «Вопросы» академика В.Ф. Миткевича откликнулся М.Л. Ширвиндт⁴⁴. М.Л. Ширвиндт отметил некорректность формулировок ряда поставленных В.Ф. Миткевичем вопросов, дал более глубокое в сравнении с ним понимание энергии – как результата взаиморасположения и взаимодействия тел. Что же касается главного вопроса – об эфире, М.Л. Ширвиндт высказался вполне определенно: «Академик Миткевич борется против идеализма в физике, но борется с механистических позиций, ослабляя этим свою ценную и нужную критику физического идеализма. Среди вопросов, поставленных академиком Миткевичем, нет основного и решающего вопроса – о характере среды – передатчика энергии. Механический эфир похоронен теорией относительности и механические модели процессов, происходящих в эфире, могут только дискредитировать материализм»⁴⁵. Он призвал признать те колоссальные трудности, которые предстоит преодолеть, чтобы дать материалистическую интерпретацию, адекватную новым открытиям естествознания.

В.Ф. Миткевич в статье по поводу ответов М.Л. Ширвиндта фактически был вынужден признать, что сам не имеет четких представлений о свойствах передающей среды, хотя настаивает на ее существовании: «Вопрос о свойствах эфира является еще величайшей загадкой»⁴⁶. Однако нельзя вводить среду, не определив ее свойства и параметры их измерений. В методологическом отношении подход М.Л. Ширвиндта более правилен. (Этой чей вывод?)

Особенность ситуации с дискуссиями вокруг проблемы эфира состояла в том, что борьбу В.Ф. Миткевича с «физическим идеализмом»

активно поддерживали в то время философы-сталинисты. А.А. Максимов со страниц журнала «Под знаменем марксизма» утверждал, что В.Ф. Миткевич правильно «сигнализирует», что «среди наших ведущих теоретиков-физиков имеет распространение идеалистическая философия, импортируемая из стран, где господствует буржуазия»⁴⁷. Редколлегия «Под знаменем марксизма» в № 6 за 1933 г. даже сделала специальное заявление о том, «что неустанная защита академиком В.Ф. Миткевичем объективной реальности процессов в электромагнитном поле является борьбой за основы научного материалистического понимания природных явлений»⁴⁸.

В.Е. Львов на страницах «Нового мира» воспевал В.Ф. Миткевича как «застрельщика прогрессивной борьбы» с «чудовищным идеалистическим абсурдом, молчаливо принятым в обширных научных кругах в СССР и за рубежом»⁴⁹. Особенное мужество понадобилось В.Ф. Миткевичу, по словам В.Е. Львова, потому, что он начал борьбу за эфир, когда «тогдашняя группировка меньшевистствующего идеализма практиковала гнило-либеральное невмешательство во внутренние дела физики»⁵⁰ и не собиралась навязывать физикам представления прошлых веков, выдавая их за диалектический материализм. Об уровне ведения полемики свидетельствует, например, следующий пассаж из статьи В.Е. Львова: если эфира не существует, «на чем в таком случае “держатся” электромагнитные силы; ведь не может же пустота быть источником силы, заставляющей электроны бегать взад и вперед по приемнику»⁵¹. «Как долго могла продержаться величайшая фальсификация, связанная с устранением эфира! — негодовал Львов. — Как долго могла быть принимаема эта фальсификация в стране воинствующего материализма в условиях развертывания советской, диалектико-материалистической науки о природе!»⁵².

На фоне такой атмосферы позиция М.Л. Ширвиндта требовала подлинного мужества. Находясь на уровне науки своего времени, М.Л. Ширвиндт сумел выявить главнейшие методологические принципы современного ему естествознания, глубоко постичь философские основы науки и указать ведущие тенденции ее развития.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ См.: Ширвиндт М.Л. Психоанализ // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. — М., 1994. С. 347–361.
- ² Основные течения современной психологии. — М.; Л., 1930. С. 3–4.
- ³ Там же. С. 154.
- ⁴ Там же. С. 177.
- ⁵ Ширвиндт М.Л. Психоанализ // Основные течения современной психологии. — М.; Л., 1930. С. 126–151; Бихевиоризм Уотсона // Там же. С. 153–177.
- ⁶ Ярошевский М.Г. История психологии. — М., 1976. С. 338.
- ⁷ Основные течения современной психологии. С. 174.

- ⁸ Там же. С. 173.
- ⁹ Пружинина А.А., Пружинин Б.И. Из истории отечественного психоанализа // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 87–108.
- ¹⁰ Основные течения современной психологии. С. 130.
- ¹¹ Там же. С. 131.
- ¹² Там же. С. 130.
- ¹³ Там же. С. 144.
- ¹⁴ См., напр.: Винников И.Н. Комплекс Эдипа на службе у буржуазии // Проблемы марксизма. 1931. 5–6. С. 251–253.
- ¹⁵ Основные течения современной психологии. С. 128.
- ¹⁶ Там же. С. 151.
- ¹⁷ Там же. С. 149.
- ¹⁸ Там же. С. 151.
- ¹⁹ Человек и природа. 1930. № 4. С. 47–49.
- ²⁰ Основные течения современной психологии. С. 152.
- ²¹ Психология. 1932. № 1–2. С. 8–9.
- ²² Там же. С. 39.
- ²³ См.: Музылев Ф. Против меньшевистствующего идеализма в психологии // Психология. 1932. № 1–2. С. 225–228.
- ²⁴ Там же. С. 228.
- ²⁵ См.: Козенко А.В. Джеймс Хопвуд Джинс (1877–1946). — М., 1985.
- ²⁶ Мы не имеем в виду здесь работы С.Ю. Семковского и С.Ф. Васильева, которых к механистам можно относить весьма условно. К костяку этого течения они не примыкали.
- ²⁷ Современные проблемы философии марксизма. — М., 1930. С. 85.
- ²⁸ Львов В.Е. Альберт Эйнштейн в союзе с религией // Новый мир. 1931. № 10. С. 186–197.
- ²⁹ См.: Ширвиндт М.Л. Теория относительности (К пятидесятилетию со дня рождения Альберта Эйнштейна) // Человек и природа. 1929. № 7. С. 3–9.
- ³⁰ Там же. С. 3.
- ³¹ Там же. С. 6.
- ³² Там же. С. 8.
- ³³ См.: Ширвиндт М.Л. Предисловие // Льюис Г.Н. Анатомия науки. — М.; Л., 1929. С. 3–8.
- ³⁴ Там же. С. 4.
- ³⁵ Ширвиндт М.Л. Предисловие // Джинс Дж.Х. Вселенная вокруг нас. — Л.; М., 1932. С. 5–10.
- ³⁶ См.: Козенко А.В. Джеймс Хопвуд Джинс (1877–1946).
- ³⁷ Ширвиндт М.Л. Предисловие // Джинс Дж.Х. Вселенная вокруг нас. С. 8.
- ³⁸ Ширвиндт М.Л. Идеалистическая философия и религия // Человек и природа. 1930. № 8. С. 12.
- ³⁹ Электричество. 1930. № 3, 8, 10. Выступление М.Л. Ширвиндта опубликовано в № 8. С. 348–349.
- ⁴⁰ Природа электрического тока. — М.; Л., 1930.

⁴¹ Там же. С. 96–99.

⁴² Там же. С. 97.

⁴³ Десять вопросов академика В.Ф. Миткевича // Сб. Ленинградского электромеханического института. – Л., 1933. Вып. 1 (2). С. 7–8.

⁴⁴ Ширвиндт М.Л. Ответы на вопросы академика В.Ф. Миткевича // Сб. Ленинградского электромеханического института. С. 8–9.

⁴⁵ Там же. С. 9.

⁴⁶ Миткевич В.Ф. Об ответах М.Л. Ширвиндта и Ю.П. Шейна по поводу десяти вопросов // Сборник Ленинградского электромеханического института. – Л., 1934. Вып. 1 (3). С. 6.

⁴⁷ Максимов А.А. О философских воззрениях акад. В.Ф. Миткевича и о путях развития советской физики // Под знаменем марксизма. 1937. № 7. С. 43.

⁴⁸ От редакции // Под знаменем марксизма. 1933. № 6. С. 278.

⁴⁹ Львов В.Е. Спор об эфире // Новый мир. 1934. № 10. С. 229.

⁵⁰ Там же. С. 215.

⁵¹ Там же. С. 209.

⁵² Там же. С. 215.

Окончание следует

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению

СМЫСЛ ИСКУССТВА И БЫТИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

В.Г. Арсланов Теория и история искусствознания / уч. пособие.
В 5-ти т. – М.: Академический проект, 2015.

Т. 1. Античность. Средние века. Возрождение. – 436 с.; Т. 2. Просвещение.
Ф. Шеллинг и Г. Гегель. – 435 с.; Т. 3. XX век. Формальная школа. – 344 с.;
Т. 4. XX век. Духовно-исторический метод. Социология искусства. Иконо-
логия. – 275 с.; Т. 5. XX век. Постмодернизм. – 285 с.

А.С. ЛАУРЕВ

Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, влачится правый?

Г. Гейне. К Лазарю

Можно ли придумать нечто скучнее, чем писать и уж тем более читать отзыв о том особом роде современной литературы, что именуется учебным пособием? Впрочем, любой, кто захочет всерьез присмотреться к пятитомной «Теории и истории искусствознания» В.Г. Арсланова учебником вряд ли ее не назовет. И хотя каждый из этих пяти томов, строго составленных в соответствии с учебной программой, излагает историю идей об изобразительном искусстве от Платона и Аристотеля вплоть до современного постмодернизма, все же что-то не позволяет человеку, набившему руку на перелистывании современной учебной литературы, прибавить к ее поистине неисчерпаемым рутинным запасам и это издание. Быть может, дело в том, что сила привычки, как и всегда, дает о себе знать – все мы привыкли к чему-то иному.

Когда-то Н.Г. Чернышевский, говоря о героях своего романа «Что делать?», подчеркивая их обыкновенность, *нормальность*, писал о том, что если читающей публике они кажутся какими-то сверхлюдьми, то причина не столько в их нравственной высоте, сколько в низости самой публики. *Mutatis mutandis* это уместно и в отношении данной работы – она оставляет впечатление той особой обыкновенности, той замечательной нормальности, присущей лишь *настоящему* учебнику, или учебнику, отвечающему своему *понятию*, выражаясь уже гегелевским языком.

Содержание пятитомника разворачивается перед читателем уже в первых строках предисловия, где автор замечает, что двум книгам, повествующим о классическом искусствознании, должно предшествовать знакомство с содержанием тех трех, где речь идет об истории и теории науки об искусстве XX века: «Читателям предлагается пройти путь от

Гильдебранда, Вельфлина и Панофского до классической философии изобразительного искусства, включая и средневековых теологов, таких, как Дамаскин и Студит. Дело в том, — продолжает В.Г. Арсланов, — что Винкельман становится понятнее на фоне Вельфлина, а Лессинг — Ригля»¹. Таким образом, смысловой центр «Теории и истории искусствознания» образует философская классика.

Мих. Лифшиц писал, что главная проблема всех гуманитарных наук состоит в том, чтобы «объяснить человеку смысл его собственной, исторической и личной жизни. Это задача самопознания и вытекающей отсюда возможности контроля над самим собой»². История знает немало попыток бросить хотя бы слабый, но настоящий луч света на трагический ход человеческой истории. Смысл существования искусства отзывается на страницах «Теории и истории искусствознания» именно смыслом жизни самого человека, и даже шире — смыслом *бытия*, раскрывающего перед нами свое бесконечное богатство в чувственной, идеально-реальной природе классических художественных произведений.

В одной из своих статей Э.В. Ильенков заметил, что очень часто самые важные как для отдельного человека, так и для человечества в целом вопросы излагаются непременно суконным, тяжеловесно-академическим языком, «вещающим абсолютные истины высшего ранга»³. В отличие от пустого умствования, сложный философский язык Спинозы или Гегеля, требующий для своего усвоения множества усилий мыслящей головы все же завораживает поэзией мира, отразившегося в его, языка, титанических формах.

«Теория и история искусствознания» В.Г. Арсланова, повествуя о самых трудных вопросах, с первых страниц убеждает, что сложные проблемы можно изложить, как этого и требует жанр учебника, простым и понятным языком.

«Может быть, — пишет Арсланов, обращаясь к наследию советского философско-эстетического «течения» и его духовному лидеру Мих. Лифшицу, — только в XX веке открывается тайна искусства». Но открывается она не подобно язве на теле больного духа современности, а как спасительный шанс, как выход из умственного тупика. Человечество не сможет разрешить своих практических проблем, пока не вернется к самому себе, пока люди не станут людьми, но что это значит — быть человеком *по-человечески*? И будут ли правы те, кто вслед за Фуко, Деррида и Делезом скажет, что человек — это опасная химера, возвращающая нас ко временам теперь уже мертвой метафизики, страшное заблуждение, обернувшееся крахом и забвением бытия?

Допустим, что человек сегодня исчез, что умер и Бог, как это было провозглашено уже задолго до нас, но какими глазами должны мы смотреть на опустевший мир, чтобы ответить на поставленные постмодернизмом действительно серьезные вопросы — будут ли это глаза зверя, должны ли это быть глаза уроды или недочеловека? Или же именно теперь нам необходимо *по-человечески* увидеть мир перед собой, увидеть его в определенной перспективе. Вот задача нашего времени — но как же ее разрешить?

Подробно рассказывая об истории развития живописи Возрождения, В.Г. Арсланов раскрывает перед нами ту удивительную ситуацию в истории мира, когда из попыток ответить на трагические, неразрешимые вопросы времени, стоявшие перед Савонаролой, Макиавелли, Леонардо, Альберти, рождалась линейная перспектива. «При всей своей математичности» она во главу угла ставит человека. «Она исходит из того, *как* вот этот конкретный человек видит мир: лучи, исходящие от всех вещей, сходятся в одной точке, а эта точка — глаз человека, находящегося в определенном месте пространства и времени, в определенном психическом состоянии — радостном или печальном, и в зависимости от этого состояния видимый мир окрашен в разные цвета и тона, он ясен или более смутен»⁴. При этом, в отличие от современного субъективизма, взгляд на мир с точки зрения человека оказывается вместе с тем и взглядом мира на самого себя глазами человека. Бог, Абсолют, природа, бесконечное посредством перспективы соединяются с конечным человеком. Великое открытие живописи Возрождения заключается в нахождении «реальной формы движения вещей», позволяющей показать, как происходит «соединение несоединимого». Абстрактная идея Абсолюта, противостоящего конечному субъекту, наполняется плотью и кровью в явлении актуальной бесконечности, благодаря перспективе — «верно найденной грани между человеком (субъектом) и миром (объектом), найденной благодаря тому, что абсолютное предстало не в абстракции, а в конкретных способах своего существования: пространстве и времени»⁵.

Мы можем видеть, как «в классике живописи грань, где осуществляется переход расчлененного в единое, конечного в бесконечное, субъективного в объективное, покоя в движение, речи в молчание — и наоборот, есть не программа, не намерение, не слова, а форма, и эта форма — перспектива. [...] И мало кому приходит в голову, что презренная “природная иллюзия” может быть свойством бытия, досрочного до того, чтобы стать бытием зеркальным, т.е. самоотражаемым; бытия, достигшего в человеке и благодаря человеку свойства самосознания — иначе, бытия, которое, говоря языком Дионисия Ареопагита, Григория Паламы и Данте, способно являть Бога, Абсолют»⁶.

Двигаясь далее по найденной ими дороге, художники, мыслители эпохи Возрождения затем совершали как бы переворачивание своей первоначальной точки зрения: «Уходя от человеческого, соприкасаясь с безмолвным, страшным миром вне нас (объект естественных наук), мы, кажется, уже полностью потеряв себя в бездонных глубинах нечеловеческого бытия, приходим к себе. Движение к человеку и движение от человека здесь как систола и диастола, как вдох и выдох — два противоположных движения, поднимающих зрителя на тот гребень волны, что в философии именуется гармонией субъекта и объекта. Поднявшись на гребень этой волны, мы опускаемся к себе, конечному, маленькому комочку живой материи, но таким образом, что становимся *homo universalis*, человеком-микрокосмом, не имеющим дна»⁷, т.е. действительным человеком, смотрящим на мир *по-человечески*.

Величайшие сокровища нашей культуры таят в себе именно этот взгляд. Их абсолютность есть абсолютность самого мира, взглянувшего на себя глазами художника, мира, ставшего доступным человеку в своей истине. Оживая на полотне, субъективизируясь, бытие заговаривает с нами, повествуя о том, чего не знал и сам художник, сотворивший это полотно. Рождение такого произведения искусства всегда есть нечто большее, чем формальный навык или умственная сноровка, его содержание не «задано» заранее, но обнаруживает себя как нечто реальное, обладающее свойством отражаемости. Будучи чувственным явлением истины, оно раскрывает перед нами бесконечную полноту действительности в ее актуальном состоянии.

Классическая теория мимезиса, восходящая ко временам Платона, уже знала это: «Важно понять, что для Платона художник отличается от пифии (хотя имеет с ней немало общего), которая изрекает то, чего не знает. Художник у него — и медиум, и не медиум, ибо он сам создает искусство, и создает вполне сознательно, целенаправленно, подобно тому, как мастер создает триеры. Однако его искусство в то же время отлично от обычного ремесла, ибо вдохновленный художник часто создает и то, чего не знает, что не было им запрограммировано, к тому же он не всегда адекватно сознает то, что создал, его создание, как правило, выше создателя. Какое же понятие будет наиболее соответствовать такому особому виду сознательного человеческого творчества? — Только «подражание», мимезис: подражание как род человеческого искусства, умения, заключающийся в том, чтобы *уподобиться* богу, не будучи богом — *на время*, а именно во время *вдохновения* стать богом»⁸. Но, став особого рода *умением*, подражание все же подвергается опасности оказаться простой хитростью человеческого рассудка, овладевшего человеком. Вот почему Платон, говоря о поэтах, замечает, что «поэт — это существо легкое, крылатое и священное; он может творить не ранее, чем сделается вдохновенным и исступленным и не будет в нем более рассудка; а пока у человека есть это достояние, никто не способен творить и вещать»⁹. Именно «сделанность», искусственность угрожает всякому искусству, подлинным содержанием которого должна являться божественная правда.

Но каким образом оказывается возможным разговорить бытие, дать ему сказать свое слово? Античность не дает нам ответа, Платон вынужден изгнать поэтов из своего идеального государства, хоть и «умастив им главу благовониями и увенчав шерстяной повязкой».

Классический марксизм показал, как в процессе разделения труда духовный труд отделяется от материального, как благодаря закабалению рабочих рук большинства освобождается голова немногих. Картина этой трагедии должна открывать вход в обитель человеческой истории (или, точнее, ее предыстории). «С этого момента, — писал Маркс, — сознание может действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может действительно представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира»¹⁰. Именно с

момента этой эмансипации начинает разрастаться пропасть, пролегающая между миром высокой культуры верхов и грубой, стихийной темнотой низов. И тут мы сталкиваемся с вопросом, составляющим нерв работы В.Г. Арсланова: почему величайшая человечность в истории всегда покупалась ценой самого страшного обезчеловечивания?

Кант писал, что для того чтобы мыслить, нужно мужество. На всемирно-исторический вопрос о человеке, поставленный античной классикой, грозным ответом явилось христианство. Невероятное напряжение самой жизни, сжавшееся в один миг в одном месте — древней Иудее — подобно удару молнии осветило выход из ситуации, когда «исчерпал себя вовсе не ложный, а как раз истинный путь развития»¹¹. Для того, чтобы выдержать этот ответ, человечеству потребовалось приложить нечеловеческие усилия. Или — подлинно человеческие?

В одной из своих последних статей Ф. Энгельс заметил, что история современного коммунистического движения в известном смысле переключается с историей первоначального христианства. А Мих. Лифшиц писал, что настоящих христианских мучеников следует искать среди марксистов. При всей громадности дистанции между этими противоположными явлениями есть нечто, объединяющее их гораздо глубже всех формальных параллелей или словесных совпадений, которые с давних времен взяла себе на вооружение темная реакция, это нечто есть непоколебимая убежденность в том, что истина существует, а обыкновенный земной человек, живущий в обстоятельствах, которые он не выбирал, в самых страшных или, наоборот, в самых великолепных условиях, способен к этой истине примкнуть. Примкнуть посредством действия, *настоящего* действия в земном мире — *праведной жизни*.

«Классическая античная философия в лице Платона и Аристотеля учила прежде всего мыслить по-другому. Христианство, продолжая традиции стоиков, учило жить по-другому, ибо только так можно научиться и мыслить по-другому. Эту идею поздней Античности оно довело до экстремальности, до отрицания ума. Но в подобной крайности была и своя мудрость, и своя необходимость. Ибо Бог, как сказано в Евангелии, «избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное...»¹²

Но почему Бог должен был избрать именно немудрое и немощное? Почему великая античная классика не могла развиваться дальше, почему ситуация, в какой оказалось античное искусство, до сих пор служащее нам, по словам Маркса, недостижимым образом, была безвыходной? Иными словами, почему сам идеал, «сама истина, сам абсолют может — и даже должен — потерпеть поражение, причем унижительное и позорное»¹³? Как и всегда — во имя полноты! Во имя еще большей истины — вот ответ мировой истории. «Гибель правды есть ее победа»¹⁴ — так формулирует его Мих. Лифшиц. И именно так звучит и центральная идея христианства.

Всякая вещь, по словам древних, приходя в мир, должна заплатить некоторую цену, и даже сам идеал не освобожден от этой необходимости. Величайшие достижения Античности были куплены страшной ценой.

Расцвет классической культуры, прошедший в шель между двумя механизмами подавления — мертвенным покоем архаики и нарождающимся миром товарно-денежных отношений, — действительной, материальной основой своего существования был обязан рабству большинства. И эта реальная ограниченность истины, ее неполнота повлекла за собой удар «обратной волны», что прекрасно понимали и сами греки, — образ Немезиды, несущей возмездие, кару за нарушение божественной правды, еще и теперь красноречивее всех слов говорит нам о часто бесчеловечной справедливости всемирной истории, да и частной жизни тоже.

За ограниченность, неполноту всякой истины приходится платить, и чем дольше оттягивается решение объективного вопроса, тем страшнее будет это решение и тем иррациональнее, загадочнее — путь истории.

Нельзя быть свободным в мире, где существуют рабы: классическая античная культура, не теряя той своей абсолютности, о которой писал Маркс, исчерпала себя прежде всего как культура господ. Чудесная *щель* (на языке онтогносеологии Мих. Лифшица) греческой классики смыкалась, высокая культура зашла в тупик — так прервался *прямой* путь истины. Огромное большинство человечества заявило о своих правах, и это заявление прозвучало как приговор, оно карой обрушилось на мир, который его поначалу даже не заметил¹⁵.

Мих. Лифшиц писал: «Средние века были страшной карой, громадным подъемом реакционной демократии. Земля против городов etc. [...] Все здесь развивается именно по этому закону, человек освобождается от ограниченности античного представления о нем, и, в то же время, он с самого начала темное орудие в руках карающей силы провидения, искупающий своими страданиями, свою смертью грехи человечества, грехи виновных»¹⁶.

Всякое великое произведение искусства рождалось в момент, когда художник умел поставить себя в истинное положение по отношению к действительности, вслушивался в голос бытия. Только это и позволяет избежать опасности превращения своего творения во что-то искусственное. Подлинное примыкание — сознательное примыкание, однако лишённое пустой рефлексивности. Так достигается абсолютная истина, которая, как писал Мих. Лифшиц, *абсолютна в силу того, что сознает свою относительность*.

Но всегда ли необходимы зигзаги истории, всегда ли она должна идти какофонически, через обратное? Ответить на этот вопрос, значит понять права не только сложившегося так, а не иначе, но и *возможного* — право первого наброска, того самого, который может быть ближе к сердцу истины, чем уже законченное полотно. Эта *возможность* также имела и имеет свою реальность.

«Гегель был прав, назвав Сократа и Христа революционерами, но революция Христа была *действительной, массовой революцией*»¹⁷. Таковыми были и крестьянская война в Германии, и Великая французская революция, и, несомненно, Октябрьская революция в России. Каждое по-настоящему массовое движение, а значит и по-настоящему историческое, открывало миру новую, до того не виданную перспективу. «Разве

не стало видно далеко во все концы света благодаря муке и страданиям человечества во время Французской революции»¹⁸? «Революция — писал Мих. Лифшиц, — есть удар молнии, прерывающий чисто количественный, потенциальный ряд явлением актуальной бесконечности. Она сталкивает обычное сознание с тем, что далеко превышает его границы и, освежая человеческий взгляд, дает ему понимание относительности его малых дел»¹⁹. Эта перспектива, как качество действительности, раскрывала область *возможности*. Возможности чего-то лучшего (или более истинного, более полного) в истории. Конечно, правда всегда была слаба, а ложь сильна, и даже прогресс напоминал «отвратительного языческого идола, который не желал пить нектар иначе, как из черепа убитого»²⁰. Вальтер Беньямин писал, что ангел истории, несомый ветром, лицом своим обращен в прошлое, но оставляет за собой лишь «сплошную катастрофу, непрестанно громоздящую руины над руинами и сваливающую все это к его ногам»²¹. И все же история, при всей противоречивости, — это не сказка, рассказанная идиотом, а результат общественной борьбы, побед и поражений. Между ее страшными жерновами, кажется перемалывающими все, проглядывает как бы некая *щель*, в которую проходят великие, гениальные достижения человечества. Конечно, мы помним, что за этот приход в мир вещей абсолютное должно заплатить определенную цену, но побороться за *минимум* этой цены, за минимум накладных расходов можно и нужно!

Классическое искусство — продукт борьбы «на два фронта», потому что великие художники спрашивали: какой ценой куплен прогресс? Если — непомерно высокой, то они предпочитали быть критиками такого прогресса, т.е. консерваторами, такими как Пушкин и Гете, Шекспир и Аристофан, Платон и Гегель. Но «великие консерваторы человечества», в отличие от обыкновенных консерваторов, никогда не порывали с народом, с его всемирно-историческими движениями, подобными первоначальному христианству или революциям Нового времени. И пусть подчас невидимая нить, связывающая высокое искусство и народ, бывает разорвана (соединить ее концы всегда есть дело истории, и, кажется, истории будущей), пусть эта связь принимает парадоксальный характер, все же нет сомнения — она существует!

В глубоком, мужественном описании того, каким образом в самой действительности, в ее, казалось бы, слепом и механическом ходе, сопровождаемом приступами бессмыслицы и отчаяния, прокладывало себе дорогу разумное, *сознательное* сознание, и как это сознание и свобода духа обретали себя в объективных художественных формах, и благодаря формам искусства раскрывается история великих классических произведений и науки об их развитии, представленная в пятитомнике В.Г. Арсланова.

На его страницах мы встречаем множество имен и сюжетов. Каждый персонаж представляет собой целостный самодостаточный образ, живую историю — будь то Платон или Винкельман, Лессинг или Леонардо да Винчи, Дидро, Шеллинг, Григорий Палама, Иоанн Дамаскин и многие, многие другие. Соединяясь в историческом движении материала в органическое целое, они образуют историю мысли об искусстве, не только содержащую

в себе все необходимые атрибуты научной строгости, но и согревающую душу читателя картинами прекрасного – и ужасного! – бытия, в объективном разуме которого, однако, человек может найти себе опору и защиту.

«Постигая развитие форм искусства, мы тем самым постигаем великую драму бытия: историю того, как человек, жалкое и двойственное существо, самым своим существованием соединяет и гармонизирует два полюса бесконечного превосходящего его мира – идеальное и реальное»²², – в этих словах, звучащих в замечательной главе о Гегеле, отражается напряжение нерва жизни, ее драма, трагедия, о которой сказано без прикрас, – и, наряду с трагедией, великая возможность счастья и свободы, а без них нет ни истории искусства, ни истории человечества в целом.

Кажется, не будет преувеличением заметить, что эта работа – реальный ответ на вопрос: что делать, когда ничего сделать нельзя? Она сама – источник «дифференциального оптимизма»²³, она позволяет человеку обнаружить тот путь к сердцу мира, что открывает перед нами все богатство настоящей, классической культуры и позволяет увидеть, что «даже в тех случаях, когда делать совершенно нечего, когда события фатально идут в известном направлении, как это было, например, в эпоху Римской империи, понимание того, что происходит с нами в жизни, ставит сознательного человека выше немыслимой стихии. «Все может надоесть, кроме понимания». Эти слова приписывают римскому поэту Вергилию»²⁴.

Выход в свет «Теории и истории искусствознания» В.Г. Арсланова убеждает, что идеал все же не так бессилён в подлунном мире, как многим сегодня кажется, что «самозатягивающаяся резина мирового духа» (по выражению Мих. Лифшица), – того объективного духа, что, начиная изысканным и монументальным философским исполином Хайдеггером и заканчивая самым последним мелким гадом и халтурщиком, – все же представляет собой только страшный призрак, «реально существующий, но ложный и осужденный мир»²⁵.

Все это – люди-трава, по выражению Герцена, которое часто употреблял Мих. Лифшиц. Но есть, обязательно должны быть и настоящие люди. И они прочтут эту работу. Она поможет им разобраться в непростых ситуациях современности и найти выход из порочного круга – «извилистого круга с изменяющимся центром» Жюль Делеза.

«Высшая похвала, которой может быть удостоен мастер, звучит в изумленном признании: нет, не я это сделал! Не я, но только благодаря мне и моей свободной воле это удивительное создание могло явиться на свет»²⁶. Полагаю, эти слова имеет право сказать о себе и автор «Теории и истории искусствознания».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Арсланов В.Г. Теория и история искусствознания. Т. 1. Античность. Средние века. Возрождение. С. 3.

² Лифшиц Мих. «Горе от ума» Грибоедова // Лифшиц Мих. Очерки русской культуры. – М., 2015. С. 150.

³ Ильенков Э.В. Почему мне это не нравится // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. – М., 1984. С. 277.

⁴ Арсланов В.Г. Античность. Средние века. Возрождение. С. 319.

⁵ Там же. С. 323.

⁶ Там же. С. 334–335.

⁷ Там же. С. 335.

⁸ Там же. С. 62.

⁹ Платон. Ион // Платон. Избранные диалоги – М., 2009. С. 188.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. – М., 1955. С. 30.

¹¹ Арсланов В.Г. Античность. Средние века. Возрождение. С. 164.

¹² Там же. С. 166.

¹³ Там же. С. 165.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Шел первый век христианской эры. Искренне и глубоко верующий католик Феллини изображает мир, который не заметил, что иной мир не только возможен, он уже есть» (Арсланов В.Г. Античность. Средние века. Возрождение. С. 114).

¹⁶ Цит. по: Арсланов В.Г. Просвещение. Ф. Шеллинг и Г. Гегель. С. 43–44.

¹⁷ Арсланов В.Г. Античность. Средние века. Возрождение. С. 178.

¹⁸ Арсланов В.Г. Просвещение. Ф. Шеллинг и Г. Гегель. С. 255.

¹⁹ Лифшиц М.А. Античный мир, мифология, эстетическое воспитание // Лифшиц М.А. Мифология древняя и современная – М. 1980. С. 134.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 9. – М., 1957. С. 230.

²¹ Бенъямин В. О понятии истории // Бенъямин В. Учение о подобии. – М., 2012. С. 242.

²² Арсланов В.Г. Просвещение. Ф. Шеллинг и Г. Гегель. С. 395.

²³ См. об этом: Лифшиц Мих. Что такое классика? – М., 2004. С. 425.

²⁴ Лифшиц Мих. «Горе от ума» Грибоедова // Лифшиц Мих. Очерки русской культуры. – М., 2015. С. 150.

²⁵ Лифшиц Мих. Диалог с Эвальдом Ильенковым – М., 2003. С. 213.

²⁶ Арсланов В.Г. Просвещение. Ф. Шеллинг и Г. Гегель. С. 411.

**ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ В ФИЛОСОФИИ РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД /
под ред. В.А. Лекторского. – М.: РОССПЭН, 2014. – 470 с.**

Б.О. НИКОЛАИЧЕВ

Рецензируемая книга опубликована в серии «Философия России второй половины XX века», но, в отличие от всех других томов, посвященных отдельным персоналиям, ставит целью дать общую характеристику философских достижений того времени. Именно в этот период происходит поворот от господства догматической философии к философии творческой. Этот поворот в отечественной философии первоначально был связан прежде всего с именами А.А. Зиновьева и Э.В. Ильенкова (они оба тогда занимались проблемами философской логики на материале произведений К. Маркса). В дальнейшем круг таких философов и, соответственно, тематика расширялись. Но заметим, это были в основном философы, занимавшиеся логикой, гносеологией и методологией науки. Причина понятна: именно здесь удельный вес идеологии был несравненно меньше чем в социальной или моральной философии. Однако, по мнению А.А. Гусейнова, существовал и другой мотив, побуждавший творческих людей выбирать именно эту сферу философии. Это стремление обосновать решающую роль разума в поисках истины, его первостепенное значение в жизни общества и человека. Разум для них был средством формирования свободной, самостоятельной личности, способной критически осмысливать существующую действительность. Иными словами в выборе именно этой сферы исследований присутствовал и гуманистический мотив (см.: С. 17).

Отмеченный поворот в философии не означал в большинстве случаев отказа от идей Маркса, но интерпретация этих идей несла в себе элемент творческого поиска. Поэтому многие концепции и идеи, разработанные в те годы, не только не потеряли своей актуальности, но, как считает В.А. Лекторский, «могут быть изъяты из своего философского и культурного контекста и поняты сегодня в других контекстах, по новому интерпретированы (так, например, происходит сегодня с деятельностными подходами, с пониманием идеального Э.В. Ильенковым, не говоря уж об идеях М.М. Бахтина и Л.С. Выготского)» (с. 25). Ведь идеи М.М. Бахтина «стали по настоящему изучаться и пониматься в нашей стране только начиная с 70-х годов XX столетия, а в странах Запада еще позже... Сегодня в странах Запада существует целая мощная “индустрия Бахтина”» (с. 26–27). Также, раньше, чем на Западе, подчеркивает в своей статье В.А. Лекторский, в нашей стране был разработан метод восхождения от абстрактного к конкретному, было «разработано понимание научной теории как многоуровневой открытой системы...» (с. 32). Некоторые современные западные представители когнитивной науки (Э. Кларк, в частности) имен-

но в деятельностном подходе, разработанном советскими философами и психологами, «усматривают возможность дальнейшего развития своей дисциплины» (с. 35).

Большим событием в 60–70-е годы стало издание пятитомной «Философской энциклопедии», в которой были представлены не только марксистское, но и немарксистские интерпретации философских проблем (в том числе концепции русских религиозных философов). Особенно вольнолюбивым духом отличился последний 5-й том. В «Энциклопедии», как и в журнале «Вопросы философии», тон тогда задавали те философы, обсуждению идей которых и посвящено рецензируемое издание.

Как всегда оказалась интересной, критичной и дискуссионной, представленная в книге точка зрения В.М. Межуева - в данном случае его оценка отечественных философов тех лет. Не отрицая выдающейся роли, которую сыграли эти философы второй половины XX в., В.М. Межуев критически отнесся к сциентистским надеждам на то, что посредством исследования разума, познания можно решить важнейшие проблемы человеческого бытия. Игнорирование и даже отвращение к исследованию социально-гуманитарных проблем привело к тому, что так и не были показаны «истоки и смысл русского коммунизма», и до сих пор не объяснены особенности России и человека русской культуры. В практическом плане это стало одной из причин создания такой атмосферы в обществе, при которой стало возможным появление нового «застоя» и усиливающейся популярности сталинистского мифа.

Сравнивая две, по его мнению, самые крупные фигуры того времени, Э.В. Ильенкова и М.К. Мамардашвили, В.М. Межуев утверждает, что «если для Ильенкова главным делом философии является разработка диалектической логики как теоретически осознанного единства бытия и мышления, то, согласно Мамардашвили, сознание не выводимо ни из природного, ни из общественного бытия, и есть «особого рода образования», не ухватываемое средствами ни логики, ни психологии. В качестве особой, ни к чему не сводимой реальности сознание и является предметом философии» (с. 54). Если Э.В. Ильенкова В.М. Межуев считает «главной философской звездой периода “оттепели”», то М.К. Мамардашвили был признанным философским лидером периода «застоя». И дело не просто в том, что одна звезда засияла чуть позже другой, а в том, что освобождение личности Э.В. Ильенков связывал с изменением социального бытия, которое для этого надо было постичь средствами диалектической логики, а «оттепель» давала некоторые основания для оптимизма в реализации этих целей. Когда же эти основания исчезли, то убежище для себя философы могли найти в философии, которая сознательно и принципиально не ставила перед собой цель как-то повлиять на социальную среду. Именно такой философией и была философия М.К. Мамардашвили. Не случайно, по мнению В.М. Межуева, в последнее время, время нового «застоя» и определенного отката от демократизации общества, вновь ожил интерес к философии Мамардашвили. Тем не менее, заключает он, «судьба философии Мамардашвили в наше время (кого все-таки при всем уважении

к его памяти можно считать ее продолжателем?) убеждает меня в том, что любая форма философствования лишена будущего, если не связана с постижением общественного и исторического бытия человека» (с. 57).

Не менее критическое, хотя и совершенно с других позиций, отношение к философам-шестидесятникам высказывает и К.А. Свасьян. Отдавая дань их мужеству и называя их марксистами-«фронтовиками», в отличие от «тылового» марксизма философов, живших на Западе, К.А. Свасьян считает их ошибкой то, что они «повелись на оттепель, истолковав хрущевские перемены в духе исторического материализма» (с.68). Однако уже вскоре «против собственной воли они очутились в диссидентах или подозрительных, т.е. есть стали больше, чем были: были за подлинный, как им казалось, марксизм; стали эзопами и иносказателями» (с.68). Фундаментальный недостаток советской философии, считает К.А. Свасьян, «лежал в ее гегелевской наследственной патологии. Она со слепой одержимостью абсолютизировала материю, положив ее в основу всего... По сути, это был лишь переставленный на голову идеализм, гегелевская абсолютная идея, которая, пресытившись собой, прикинулась абсолютной материей и пошла в народ, в революцию» (с. 67–68, 70).

Особенностью России, по мнению *М.Н. Эпштейна*, было то, что нигде больше (за исключением конфуцианского Китая) философии не суждено было сыграть такую огромную практическую роль. Речь идет о советском периоде до 50-х годов, когда страна «не столько произвела философские идеи, сколько внедряла их в общественное бытие и сознание» (с. 86). И только начиная с 50-х годов советская философия «стала освобождаться от своих окаменелых структур» (с. 88). Автор выделяет 8 основных направлений философской и гуманитарной мысли послесталинского периода с указанием множества имен, относимых к тому или иному направлению.

Последующие разделы книги посвящены уже не общей характеристике философии России XX в., а отдельным ее областям, направлениям и фигурам. Так, *В.С. Степин* подробно описывает отечественную философию науки того периода. Называются школы, сообщества, подходы, области, а самое главное – имена, десятки имен, обилие которых само уже производит впечатление. Столь внимательное отношение к своим коллегам не может не вызывать уважение. В.С. Степин отмечает вклад, который философское сообщество внесло в мировую философию науки: «В отечественных исследованиях 60–80-х гг. значительно более глубоко, чем в западной философии, в которой доминировали позитивистские концепции, проанализирована проблема взаимодействия философии и науки... более детально проанализирована структура научного знания», в частности, такая специфическая форма теоретического знания, как научная картина мира. «Новые результаты были получены при логическом анализе процедур развертывания теории. Показано, что, наряду с гипотетико-дедуктивным методом при построении теорий, применяется генетический, конструктивный метод, основанный на оперировании абстрактными объектами... Наши исследователи открыли ранее неизвестную и не описанную в зарубежной философии процедуру конструктивного

обоснования гипотетических моделей... Более глубоко, чем в западной философской литературе в 70–80-х гг., проанализированы ситуации научных революций, а в их анализе учтены междисциплинарные взаимодействия и роль социокультурных факторов. Анализ научных революций соединился у нас с исследованиями типов научной рациональности и их исторического развития...» (с. 100–103).

Не менее значимыми представляются сегодня проведенные в 60–80-ые годы исследования философско-методологических проблем конкретных наук, а также философско-методологический анализ междисциплинарных научных программ и связанных с ними методологических проблем синергетики.

Вспоминая обстановку 60–80-х гг., в которой жили и работали советские философы, в частности философы науки, *Б.И. Пружинин*, так же как и другие авторы книги, отмечает, что все они были очень разными, со своими концепциями, которые они в горячих спорах с коллегами отстаивали. Но при всех своих несогласиях они уважали друг друга, в частности за то, что никто из них никогда не прибегал к «административно-идеологическим аргументам». «И не сама по себе идеология вызывала отторжение, но содержащаяся в тогдашней господствующей идеологии претензия на универсальность, на роль фактически философского мировоззрения (при принципиальном отсутствии критического отношения к себе самой)» (с. 114).

Что объединяло помимо этого философов науки, работавших в частности в секторе сначала диалектического материализма, а затем теории познания Института философии, так это ориентация на истину, «понятую исторически и деятельностно». Отсюда – критический настрой по отношению к западным позитивистским установкам и формирование собственных альтернативных методологических подходов. В частности, «переосмысливались идеи деятельностного подхода в эпистемологии (В. Лекторский), разрабатывались оригинальные методологические схемы теоретического познания (В. Степин), ...активно обсуждалась идея стилей научного мышления в интерпретации Ю. Сачкова, Н. Трубников разрабатывал идеи “времени человеческого бытия”, а Е. Никитин – идеи целостности духовного мира человека, имеющие самое прямое отношение к методологии гуманитарного познания» (с. 112). А в качестве консолидирующей это сообщество темы, считает Б.И. Пружинин, «...уже тогда проступала тема глубинной разнонаправленности исторической динамики, тема многомерности истории...» (с.115). И само обращение к этой теме в те годы стало противодействием «идеологеме одномерной заданности исторического движения» (с. 115).

Статья не столь давно ушедшего от нас Александра Павловича Огурцова посвящена системному анализу науки как одному из направлений философии науки. Охарактеризовав системный подход к научному знанию, как он был представлен у разных авторов, и описав его различные формы, А.П. Огурцов выделяет группу исследователей во главе с И.В. Блаубергом, в которую входили В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин, А.В. Яблонский, Э.М. Мирский, Б.А. Старостин, В.Н. Костюк, и которая

издавала ежегодник «Системные исследования». Но и вне этой группы были исследователи, развивавшие системный подход к изучению науки, которых вспоминает А.П. Огурцов. Это Г.П. Щедровицкий, А.И. Уемов, Ю.А. Урманцев, В.С. Тютин, В.И. Кремянский, Ю.А. Шрейдер и др. Но специально и достаточно подробно А.П. Огурцов остановился на фигуре М.К. Петрова, чей своеобразный науковедческий подход к системному мышлению, по мнению А.П. Огурцова, еще не осмыслен и чьи работы сами были выражением системного подхода (см. с. 123). Высоко оценивая творчество М.К. Петрова, А.П. Огурцов, тем не менее, дискутирует с ним в связи с теми двумя основными понятиями, которые легли в основание его социологической концепции науки, а именно, понятий эквивифинальности и человекоразмерности (второе понятие введено самим Петровым), в которых М.К. Петров видел «как методологические, так и онтологические системности научных описаний» (с. 125) и внутри науке и применительно к описанию самой науки. В целом А.П. Огурцов делает вывод, что «для Петрова характерен прежде всего социологический подход в эпистемологии того направления, которое теперь называется социальной эпистемологией» (с. 136).

Статья В.Н. Поруса «Философия науки как оффшорная зона советской философии» явно выходит за рамки своего названия. Автор рассуждает о том, как следует изучать и оценивать советскую философию, критически рассматривая некоторые точки зрения на этот счет и справедливо соглашаясь с мнением, что понять и оценить труды советских философов можно только в социально-политическом и идеологическом контексте того времени. Что же касается собственно философии науки, то, как полагает автор, в ней «налог на идеологию» начал существенно сужаться с выходом на международные форумы (примерно с конца 60-х гг.). Так что в это время «идеологический контроль в этой области философии уже практически не имел значения, а реальные достижения марксистской мысли (не ее “советской” мумии) стали «всерьез рассматривались за рубежом, и там оказывали свое влияние на философские исследования науки... Прорыв информационной блокады, таким образом, оказывался фактором развития не только “советской”, но и мировой философии» (с. 150–151). При этом В.Н. Порус отмечает, что давление идеологии, несомненно, мешавшей свободной мысли, в одном аспекте сыграло «некоторую специфическую роль, которую с известным напряжением даже можно назвать позитивной. Оно напоминало исследователям об их принадлежности к философии» (с. 155). Автор отмечает это, видя вслед за И.Т. Касавиным и Б.И. Пружининым, опасность распространенной ныне у нас и на Западе редуционистской тенденции растворения философии науки в междисциплинарных исследованиях, синергетике, когнитивной науке, науковедении, литературоведении, антропологии, культурологии и других конкретных науках. И «...предстоит большая... работа по испытанию философии вообще и философии науки в частности на жизнестойкость. Для этой работы опыт “советской философии науки” может оказаться исключительно значимым — при критическом его осмыслении» (с. 156).

В следующем разделе книги обсуждается, в основном, вопрос о том, как толковались в интересующий нас период некоторые классики философии. Так, финский автор **В. Ойттинен**, сравнивая понимание Б. Спинозы советскими и западными марксистами, приходит к выводу, что различие между ними настолько велико, что возникает сомнение в том, идет ли речь у них об одном и том же мыслителе. «В то время как западный левый спинозизм опирается прежде всего на наследство Ницше... советский Спиноза представляется в свете классической материалистической традиции... Тогда как западный левый спинозизм отличается “гипертрофированным” субъективизмом, советский Спиноза, в свою очередь, не в меру объективист» (с. 169). И все же при всех ее недостатках советская версия Спинозы, по мнению автора, ближе к оригиналу.

М.Ф. Быкова в своей статье отмечает, что именно в СССР в интересующий нас период появились первые в мире исследования, «которые убедительно продемонстрировали гегельянизм Маркса» (прежде всего работы А.Зиновьева и Э. Ильенкова) (см. с. 187), и ознаменовали подъем советского гегелеведения, а также возрождение интереса к немецким классикам в целом, проявившегося в работах В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, К.С. Бакрадзе, А.С. Богомолова, И.С. Нарского и др. Одновременно автор критикует господствовавший тогда «лестничный» подход к немецкой философской мысли, «когда учения Канта, Фихте и Шеллинга, если и имели значение, то не сами по себе, а как предтечи системы Гегеля» (с. 189). Несмотря на это, в 70-е годы резко возрос интерес к Канту и Фихте, а 80-е годы М.С. Быкова определяет как период расцвета исследований немецкого идеализма, называя здесь таких авторов, как А.В. Гулыга, Э.Ю. Соловьев, Т.И. Ойзерман, Н.В. Мотрошилова, П.П. Гайденок, Т.Б. Длугач, В.А. Жучков, Ю.Н. Давыдов, М.А. Киссель, А.М. Каримский, В.И. Шинкарук, А.И. Володин, В.С. Нерсисянц, Д.А. Каримов, Л.С. Мамут и др.

М.Ф. Быкова отмечает, что отечественная философия опередила западную в анализе гегелевской диалектики, в обсуждении гегелевского понимания общественной природы мышления, в осознании социального характера фихтевской концепции свободы и во многих других вопросах (см. с. 198).

Следующие две статьи, написанные зарубежными исследователями, посвящены Э.В. Ильенкову. **Т. Рокмор**, автор первой статьи, указывает три причины, по которым труды Э.В. Ильенкова представляют интерес. «Во-первых, в сложной ситуации советского марксизма Ильенков оказался новатором в том, что сформулировал марксистскую теорию, основанную на знании текстов, в соответствии с лучшими стандартами философской дискуссии. Во-вторых, он распространил гегельянский марксизм... на гегелевскую логику. В-третьих, он продвинул наше понимание того, как именно Маркс опирался на логику Гегеля...» (с. 213).

Д. Бэжхерст рассуждает об интерпретации Э.В. Ильенковым Гегеля в связи с анализом проблем идеального, тождества бытия и мышления, диалектики. Одна из главных идей, которые Ильенков «извлекает из Гегеля», та, что «мысль воплощается не только в высказываниях, но

и в результатах деятельности человека» (с. 225). На этом Ильенков строит свою концепцию идеального. Идеальное для него, по словам Д. Бэкхерста, «это человеческая деятельность, “воплощённая” или “овеществлённая” в естественном мире» (с. 279). Развивая эту тему в своей 2-й статье «Деятельность и рождение личности» Д. Бэкхерст сравнивает деятельностный подход к формированию личности у Ильенкова с похожими западными концепциями, которые автор называет трансформационными в противоположность натуралистическим, но сам, при этом, предпочитает, так сказать, третье решение, которое, отвергает натурализм, но и не совсем совпадает с концепцией Ильенкова.

В статье *М. Дени* «Рецепция философской концепции А.Ф. Лосева на Западе в конце XX – начале XXI века» отмечается, что в указанные в заголовке статьи годы на Западе усилился интерес к Лосеву как философу, в частности, к таким темам, как понимание мифа и феноменология.

Концепция деятельности и мыследеятельности Г.П. Щедровицкого обстоятельно анализируется одним из его учеников, членом Московского методологического кружка (созданного в свое время Г.П. Щедровицким) *В.М. Розиным*. В центре внимания автора – так называемое «методологическое мышление» и его три составляющие: проектная, мыслительная и коммуникационная.

Конечно же в книге, посвященной философии России второй половины XX века невозможно было обойти вниманием идеи М.М. Бахтина – их анализу и оценке посвящены четыре статьи. В первой из них *Н.С. Автономова* сравнивает Бахтина с Ю.М. Лотманом и приходит к выводу, что, несмотря на их непохожесть и даже противоположность, они влияли друг на друга. Автор демонстрирует результаты этого творческого взаимодействия не только, так сказать, «...по притяжению, но и парадоксального взаимодействия по отталкиванию...» (с. 319).

В центре внимания статьи *В.А. Малахова* фигура Г.С. Батищева с его идеей «глубинного общения». На примере Г.С. Батищева можно видеть, как постепенно идея деятельности, за которой, по мнению В.А. Малахова, стоял монолизм, стала понемногу уступать место парадигме общения, диалогу (см.: с. 339–340). Борьба этих двух парадигм и разное понимание диалога, общения нашли свое отражение в спорах Г.С. Батищева с М.М. Бахтиным, Э.В. Ильенковым и В.С. Библером.

М.Е. Соболева в своей статье рассматривает попытки таких «активных реципиентов бахтинских идей», как В.С. Библер, Г.С. Батищев, М.Ю. Лотман, выявить заложенный в этих идеях потенциал, развить его и на его основе построить собственные теории. Отталкиваясь от идей М.М. Бахтина, В.С. Библер строит свою логику диалога, Г.С. Батищев – диалектику творчества, а В.С. Библер – структурную семиотику.

Статья *Б.Л. Махлина* «Опоздавший разговор» – это, как определяет сам автор, «попытка обосновать тезис: диалог с “диалогизмом” М.М. Бах-

тина...в советский век не мог состояться, как не может он состояться и сегодня» (с. 360), несмотря на всемирную популярность этого мыслителя. Автор пытается показать, как и почему такой диалог стал возможен.

Завершает книгу раздел посвященный философской антропологии и этике. Онтология человека, по мнению *А.А. Хамидова*, разрабатывалась М.М. Бахтиным в его концепции поступка. С.Л. Рубинштейн дополнил эту онтологию отношением «человек и мир». Г.С. Батищев, отстаивая и развивая категорию деятельности, постепенно приходит к пониманию ее ограниченности и дополняет ее категорией творчества как особого рода «...наддеятельностным отношением субъекта к миру и к самому себе...» (с. 411).

Ю.В. Пуцаев, рассматривая проблемы морали в философии советского времени выделяет две линии в понимании морали: условно говоря, «гегельянскую» и «кантианскую». Первая (Ильенков, Лукач), как и полагается марксизму, считала мораль зависимой от общественных отношений, из которых она выводится. Отсюда следуют по крайней мере два вывода. Первый: чтобы сделать людей моральными, надо изменить общественные отношения. Второй: пока эти общественные отношения несовершенны, неизбежно оправдывается аморальность поведения. Отсюда и прямое оправдание революционного насилия, обмана и т.п. В рамках второй линии, предстательной прежде всего О.Г. Дробницким, осуществляется попытка, не отрицающая общественно-историческую природу морали, выйти «...за рамки понимания морали, как чего-то вторичного, что можно нарушать и через что можно переступать...» (с. 426), ибо у морали есть «...незаместимые и нередуцируемые функции в общественной жизни...» (с. 429).

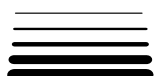
Следующий шаг на пути «назад к Канту» в понимании морали, по мнению автора, делает М.К. Мамардашвили, для которого моральные категории «...автономны и ниоткуда не выводимы: ни из общественной практики, ни из религии...» (с. 430).

Д. Стейла в своей статье показывает как Зиновьев и Мамардашвили «...хотя и по-разному, но затрагивали вопрос ответственности не только в своих философских размышлениях, но и в своей жизни» (с. 439).

Подытоживая, следует сказать, что рецензируемая книга вносит серьезный вклад в историю нашей философии второй половины XX века. Конечно, она не дает всей полноты картины. Достаточно сказать, как это признается самими авторами, что она посвящена, прежде всего, наименее «идеологичным» сферам отечественной философии того периода. Между тем, в те же годы были интересные дискуссии и в других областях философии: например, дискуссия об азиатском способе производства, о структуре общественного сознания, о проблеме ценностей, о предмете социологии и ее месте в системе социальных наук, об объективности и субъективности прекрасного и др. Но судить о книге надо по тому, что в ней есть, а не по тому, чего в ней нет. И тогда положительная оценка ее будет очевидной.

Наши авторы

Баева Людмила Владимировна – декан факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета, профессор, доктор философских наук.

Беляева Людмила Александровна – ведущий научный сотрудник Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, доктор философских наук.

Власова Ольга Александровна – профессор кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук.

Горин Николай Иванович – доцент Курганского филиала Уральского института экономики, управления и права, кандидат социологических наук.

Евстифеев Роман Владимирович – ведущий научный сотрудник кафедры менеджмента Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор политических наук.

Кедрова Марина Олеговна – доцент кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат философских наук.

Комин Михаил Олегович – магистрант департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики – Санкт-Петербург.

Корсаков Сергей Николаевич – ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН, доктор философских наук.

Лаурев Алексей Сергеевич – магистрант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Нешадин Андрей Афанасьевич – кандидат социологических наук.

Николаичев Борис Олегович – старший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук.

Новоселов Алексей Михайлович – директор МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма, Вологодская область.

Окунев Игорь Юрьевич – доцент кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (Университета), кандидат политических наук.

Романова Анна Петровна – директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, профессор, доктор философских наук.

Смолин Олег Николаевич – первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД ФС РФ, Председатель Общероссийского

общественного движения «Образование – для всех», член-корреспондент Российской академии образования, доктор философских наук.

Тулчинский Григорий Львович – Заслуженный деятель науки РФ, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики – Санкт-Петербург, доктор философских наук.

Чернега Артём Андреевич – аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Черничкина Анна Андреевна – аспирантка кафедры Истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Шелковников Андрей Юрьевич – доцент кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, доктор философских наук.

